

ОТ УРАЛА
ДО ЕНИСЕЯ

От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1.
Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 186 с. 5000 экз. 0503020300.

В первой книге научно-популярной серии «От Урала до Енисея» представлены статьи, рассказывающие об истории, материальной и духовной культуре проживающих на территории Западной и Средней Сибири казахов, русских, татар, украинцев и народов Крайнего Севера.

Помимо статей, в нее включены стихи о Сибири и сказки татар Западной Сибири и русских Урала.

Для тех, кто интересуется историей своей страны, своего края.

Рецензенты: зав. кафедрой отечественной истории досоветского периода Омского государственного педагогического университета, д-р ист. наук В. Н. Худяков; Омский филиал Алтайского государственного института культуры

Составитель серии Н. А. Томилов

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н. А. Томилов (главный редактор), Н. М. Генова
(зам. главного редактора), канд. филол. наук Л. Н. Гриднева,
М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко (отв. секретарь)

ISBN 5-7511-0628-8

0 0503020300
177(012)-95

© Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии
Сибирского отделения Российской Академии наук, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знаете ли вы, что в Сибири живут люди более 100 национальностей? А что вам известно о заселении Западной и Средней Сибири разными народами? И какова история сибирских казахов, коми, мордвы, латышей, немцев, русских, татар, чувашей, эстонцев и других национальных групп, поселившихся на сибирской земле? А какие коренные народы живут на землях Западной и Средней Сибири? Что, например, вы слышали об алтайцах, кетах, селькупах, ченцах, манси, хантах, хакасах, чулымских тюрках, эвенках? Кто такие барабинцы, телеуты, камасинцы, кержаки? Известно ли вам, какие национальные процессы протекают среди этих народов и групп? А что вы знаете о красоте народной культуры? Знакомы ли вы со сказками, легендами, пословицами народов Сибири и Урала? Какие народные праздники вы знаете?

В серии научно-популярных книг «От Урала до Енисея (Народы Западной и Средней Сибири)» вы получите ответы на эти и другие вопросы об истории, культуре и современной жизни народов разных регионов Сибири. Весь подготовленный материал не войдет в одну книгу. Их будет в первом цикле четыре. Это издание будет иллюстрировано фотографиями, рисунками и картами расселения народов Западной и Средней Сибири. Кроме того, мы хотим дать в каждой книге раздел со сказками этих народов. Но как это сделать? Ведь прекрасных сказок и легенд очень много было сложено на сибирской земле. Может быть, нам подготовить и отдельную книжку-приложение к серии «От Урала до Енисея»? Как пожелает наш будущий читатель, так мы и сделаем. Мы ждем предложений.

Но кто это «мы», которые готовят такое издание? Если вести речь об организациях, то это Омский университет, Омский фили-

ал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской Академии наук, Сибирский филиал Российского института культурологии, комитет по культуре и искусству администрации Омской области. А конкретнее об авторах — это этнографы, ученые, специально занимающиеся изучением истории, культуры, общественных и семейных отношений разных народов. Думаем привлечь к изданию и фольклористов, и историков. Издание этой серии одобрено научным советом республиканской научно-исследовательской программы «Народы России: возрождение и развитие», поддержано Омским областным отделением Российского международного фонда культуры.

В первой книге мы рассказываем о таких народах и национальных группах, проживающих в Сибири, как ненцы, русские, татары, казахи. В нее же включены и сказки русских Урала и татар Западной Сибири.

Есть еще одна идея — помещать в данной серии рассказы и очерки наших читателей и писателей, повествующие о каких-то периодах или событиях из истории вашего народа или вашего селения, поселка, о каких-то явлениях культуры — праздниках, свадебных обрядах, национальной одежде, занятиях населения, о современных национально-культурных процессах, о славных людях вашего народа, наконец, о жизни и интересных судьбах представителей старших поколений вашей семьи. А если вы пришлете записанные вами народные сказки, мы тоже смогли бы поместить их в этой серии. У нас уже есть часть записей таких рассказов, сделанных во время экспедиций. Иногда на кафедру этнографии Омского университета присылают материалы жители разных регионов Сибири. Уже в первой книжке мы смогли выделить раздел с материалами наших читателей — это рассказы о русских, украинцах, казахах, татарах.

Итак, наше предложение — включить в это издание рассказы и очерки наших читателей. Мы просим журналистов, писателей, учителей, работников культуры, краеведов, учащуюся молодежь и всех жителей вашего региона подключиться к этой работе. Давайте дерзать вместе, творить и возрождать историю и культуру нашей Сибири!

Мы ждем Ваших материалов и писем по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, университет, кафедра этнографии.

Редакционная коллегия.

УЧЕНЫЕ—О НАРОДАХ СИБИРИ

В. И. Васильев

СИИРТЯ УХОДЯТ ПОД ЗЕМЛЮ (предания)

Свой первый материал о сииртя я записал в 1960 году в поселке Потапово на Нижнем Енисее от ненца Кирилла Даниловича Ямкина. В ту весну я работал в Потапово стационаром, и мы беседовали с Кириллом Даниловичем чуть ли не ежедневно. По-степенно сюжеты наших разговоров становились все доверительнее. Если в первые встречи я больше расспрашивал Кирилла Даниловича о том, как прежде, до организации колхозов, ненцы пасли оленей, добывали песца, ловили рыбу, то теперь заводил разговор и о том, что за шаманы были в те годы, откуда они черпали свою силу, какие духи им помогали и можно ли с этими духами общаться простому смертному. Вопросы сложные, на которые не всякий человек, даже много повидавший в жизни, сможет доходчиво ответить.

Кирилл Данилович держался степенно, отвечал негромко, обстоятельно, если чего не знал, то не скрывал этого, говорил напрямую:

— Ты меня про то не спрашивай. Сызмальства я им не интересовался, потому зря болтать не буду.

Однажды, не припомню уже в связи с каким событием, он помянул сииртя.

Я, конечно, знал о сииртя из литературы, был знаком с записями ненецких преданий, где фигурировали сииртя — маленького роста люди, обитавшие некогда в тундре. С приходом ненцев они ушли под землю и теперь живут там, в сопках и ямах, не выносят солнечного света, но иногда ночью все же выходят на поверхность.

Тему о сииртя я в наших беседах пока не затрагивал, остав-

лял для совсем уж доверительного разговора... Но разве можно пропустить такой случай?

— А что раньше старики о сииртя рассказывали? Лахнаку (бытовые рассказы.— В. В.) такие не слышал?

Его ответ меня поразил.

— Почему лахнаку,— сказал Кирилл Данилович.— На самом деле так было, я от отца слышал.

Вот эта история.

— Здесь, на той стороне Енисея, Кодола — сопка есть. Внизу (у подножья) большое озеро. Там близко один человек наш, старик жил. Вот как-то вечером он сильный шум слышит. Пошел туда. Видит, от озера к сопке тропинка кем-то протоптана. Он капкан поставил. Наутро глядит: в капкан сииртя попал. Это не так давно было. Может, когда отца моего старший отец жил.

— А что тот человек с сииртя сделал?

Кирилл Данилович ответил не сразу. Промолчал.

И на мой повторный вопрос сказал неохотно:

— Не знаю. Отпустил, наверное.

Предания, повествующие о сииртя, записаны на всей территории расселения ненцев: в низовых Печоры, в Большеземельской тундре, на полуострове Ямал, на Таймыре.

Среди путешественников и исследователей прошлых веков, вероятно, первым обратил внимание на этот сюжет ненецких преданий Н. Я. Озерецковский, побывавший на Европейском Севере в 70-х годах XVIII века. Его материалы вошли в вышедшую в свет в 1805 году книгу другого ученого и путешественника, участника той же экспедиции И. И. Лепехина. Вот что в ней написано.

«Вся Самоядская земля в нынешней Мезенской округе наполнена запустевшими жилищами некоего древнего народа. Находят они на многих местах, при озерах на тундре и в лесах при речках, сделанные в горах и холмах наподобие пещер с отверстиями, подобными дверям. В сих пещерах обретают печи и находят железные, медные и глиняные домашних вещей обломки и сверх того человеческие кости. Русские называют сии домовища Чюдскими жилищами.

Сии запустевшие жилища, по мнению Самоядов, принадлежат некоторым невидимкам, собственно называемым по Самоядски Сирте. Слово Сирте, по разумению Самоядов, означает людей, живущих в тех пещерах и упражняющихся в промыслах невидимо от прочих, ведомых же и знаемых однем их Тадибаем» (т. е. шаманам.— В. В.).

Тему о сииртя развил в своей книге (1855 г.) другой путешественник и естествоиспытатель, Александр Шренк, проехавший в

середине XIX столетия через европейскую тундру от Мезени до Урала и оставивший не только подробное описание ее флоры и фауны, но и собравший немало оригинальных материалов этнографического характера. Описание путешествия Александра Шренка содержит зарисовки обычаяв и нравов европейских ненцев, данные об их родах и расселении, фольклорные записи. Есть в их числе и сведения о сииртя.

«...В прежние времена (когда эта страна еле-еле была известна) была обитаема совершенно другим племенем, нежели которые занимают ее теперь. Племя это, равно и многие другие, говорящие не русским языком, известно у русских под общим названием чуди, т. е. чужого народа. Самоеды называют их Сиирте и с уверенностью говорят, что они жили в этой стране до них, но что потом они ушли будто под землю.

Так, один Самоед Малоземельной тундры рассказывал мне, что в настоящее время Сиирты живут под землею, потому что они не могут видеть солнечного света; хотя они и говорят своим собственным языком, однако же они понимают и по-самоедски; однажды, продолжал он, один Ненец (т. е. Самоед), копая яму на каком-то холме, вдруг увидел пещеру, в которой жили Сиирты. Один из них сказал ему: оставь нас в покое, мы страшимся солнечного света, который озаряет вашу страну, и любим мрак, господствующий в нашем подземелье, впрочем, вот дорога, которая ведет к богатым соплеменникам нашим, если ты ищешь богатства, а мы сами бедны. Самоед побоялся идти и поспешил закрыть пещеру.

Известно, что Сиирты большую частью богачи: у них чрезвычайно много серебра и меди, железа, олова и свинца...»

Впоследствии этнографами, работавшими среди ненцев, живущих к западу и востоку от Уральского хребта, было записано немало преданий, действующими лицами которых являются сиирты. Они очень разные, эти предания. Иные перенасыщены фантастическими персонажами, деталями и сюжетными линиями, другие, наоборот, отличаются сугубо реалистической канвой, хотя сказочный элемент в той или иной степени в них тем не менее присутствует.

Вот один из таких рассказов, записанный мною в 1962 году в низовьях Енисея от энца Ивана Ивановича Силкина.

«Давно-давно, когда наших людей здесь не было, тут жили сиирты — маленьского роста люди. Которые в земле жили, которые чум травяной держали. Когда людей много стало, они насквозь в землю ушли.

По Енисею дальше, где Чайки реки голова, есть острые соп-

ка, по-ненецки, Сииртя сеза (Сииртя-сопка.— В. В.). У этой сопки один человек чумом стоял, олени тут же у сопки ходили. Вот он собрался ехать куда-то, а было это уже осенью. Темно. Белых оленей решил запрягать. Первого оленя на маут поймал. Что такое? Глядит, будто на шее у него пятна, как уголь черные. И у всех оленей так: на шее пять черных пятен, будто след пальцев.

— Ну,— он сказал,— сеза эта, видно, сииртя сеза. Это сииртя, наверное, моих оленей ловили.

С тех пор эту сопку все Сииртя сеза зовут».

Надо сказать, что географические названия, в составе которых присутствует слово «сииртя», встречаются на всей территории современного расселения ненцев. Среди топонимов тундревой полосы Европейского Севера и Сибири обнаруживается немало речек с названиями Сииртя яха (Сииртя река) и несколько десятков больших и малых сииртя сеза и Сииртя надо (Сииртя яр).

Итак, кто же такие сииртя?

Если отрешиться от сугубо фантастической окантовки и сказочных коллизий, сюжетное ядро преданий этого цикла выглядит так: сииртя — люди, некогда жившие в тундре. Появились ненцы, и сииртя тундру покинули. Но они ушли не совсем, а спустились под землю, в сопки. Там они теперь и живут, иногда по ночам выходя на поверхность. В подземных кладовых сииртя много металлов, которые иногда после их ночного появления люди находят на поверхности, чаще всего у подножья сопок, в которых сииртя живут.

А теперь обратимся к научной трактовке проблемы сииртя. Современные этнографы единодушны в том, что в преданиях о сииртя нашла отражение память о прежнем доненецком населении Европейского Севера и тундровой полосы Западной и Средней Сибири. Оказавшись на Севере, многочисленные, обладавшие более высоким уровнем хозяйственного развития и социальной организации, превосходившиеaborигенов в отношении вооружения и военного искусства самодийцы довольно быстро ассимилировали местное население.

Да, да. Не покорили, не уничтожили, а именно ассимилировали, потому что с древними обитателями севера Сибири генетически связаны некоторые родовые подразделения ненцев: Вануйта, Яптик, Яр, Вэнго и др.

В документах конца XVII столетия все эти роды фигурируют в ясачных списках. Самый крупный из них Вануйто (Ванюта — в ясачных книгах) насчитывал 188 плательщиков ясака, кроме того, 27 и 30 ясачных людей числились в его подразделениях Луци-

Ванюта и Соль-Ванюта. В роде Яптик (Сабей яптики, Сопли и Япти — в ясачных книгах) был зарегистрирован 161 ясачный плательщик, в роде Яр (Яр) — 45 ясачных плательщиков и т. д. Если иметь в виду, что лица, подлежащие ясачному обложению (мужчины в возрасте от 16 до 50 лет.— *В. В.*), по подсчетам историка Б. О. Долгих, составляли около 25% от общего числа членов каждого рода, то перечисленные ненецкие родовые коллектизы были, по меркам того времени, довольно значительными социальными организмами.

Все эти роды составляли в совокупности одну из экзогамных половин, на которые подразделялось ненецкое общество,— фратрию Вануйта.

Фратрии (особый тип социальной организации, регулирующий брачные отношения внутри определенных коллективов) открыты и описаны у многих народов земного шара. Главной чертой фратриальной организации является дуальность: все общество как бы подразделяется на две взаимообращающиеся экзогамные половины. Каждая фратрия включает в свой состав несколько экзогамных коллективов-родов. Роды одной фратрии, как правило, брачеваться между собой не могут.

Приоритет открытия дуально-экзогамной (фратриальной) организации принадлежит знаменитому американскому этнографу прошлого столетия Л. Г. Моргану, впервые изучившему этот социальный институт у индейцев-ирокезов. Он же явился создателем термина «фратрия», который со временем Моргана прочно вошел в этнографическую науку. Дальнейшее развитие проблемы фратриальной организации получила в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», показвавшего универсальность этого социального института для первобытной истории человечества.

Фратриальные подразделения сибирских ненцев впервые установил и кратко описал знаменитый финский ученый и путешественник Маттиас Александр Кастрен (1860 г.). «...В одной Обдорской волости,— сообщает он в своих путевых дневниках, относящихся к 1838—1844, 1845—1849 гг.,— живут 32 рода или племени. Самое большое из них племя *Harijutsi*, разделяющееся на многие ветви и распространенное от реки Кара (стекающей с отрогов Уральского хребта.— *В. В.*) на западе до Енисея на востоке. И род *Wanoita* — также значительное племя, распадающееся, подобно *Harijutsi*, на многие ветви; все же прочие состоят из немногих семейств...». Если отрешиться от некоторой вольности в отношении терминологии, это короткое описание позволяет понять сущность ненецкой двуфратриальной системы.

Подобное исследование фратриально-родовой организации ненцев провел этнограф Г. Д. Вербов. По Г. Д. Вербову, сибирские ненцы подразделяются на две большие эквогамные группы — фратрии, каждая из которых, в свою очередь, состоит из многочисленных экзогамных коллективов — родов. Г. Д. Вербов отмечал также, что такая система социальной организации выявляется в основном у тундровых ненцев Сибирского Севера (на Ямальском полуострове, на севере Гыданской тундры и на Малом Ямале), у европейских ненцев, как предполагал исследователь, подобная форма социальной организации была в значительной мере разрушена, хотя существует тенденция рассматривать европейско-ненецкие роды как составную часть второй фратрии зауральских ненцев.

Г. Д. Вербов не затронул в своей работе проблему генезиса ненецкой фратриальной системы. Эта тема явилась предметом исследования другого этнографа-сибиреведа — Б. О. Долгих. Согласно его гипотезе, предки фратрии Харючи представляли собой оленеводов-самодийцев, проникших на Обский Север с юга Сибири. В процессе своего утверждения в заполярных тундрах самодийцам «пришлось заключать браки с хантами, энцами, предками европейских ненцев», и постепенно сложилась тенденция рассматривать их и аборигенов-уральцев Вануйта «как нечто целое, противопоставленное в брачных отношениях им, ненцам фратрии Харючи» (Долгих Б. О., 1962). Как отмечалось в этнографической литературе, именно противопоставление самодийцев Харючи аборигенам-уральцам и другим иноязычным компонентам, составившим фратрию Вануйта, при неразрывном симбиозе этих двух составных частей ненецкого этноса, и дает ключ к пониманию ненецкого этногенеза (Васильев В. И., 1982).

Фратриально-родовая организация сибирских ненцев по своему генезису отличается от аналогичных институтов древнего мира и североамериканских индейцев. Она возникла в результате переселения в северную тундру южносибирских самодийцев в сравнительно позднее историческое время и представляет собой специфический общественный институт, возникший в силу ряда исторических причин в условиях патриархально-родового строя.

Когда же сформировалась фратриально-экзогамная организация сибирских ненцев? Если справедливо предположение о том, что последняя волна самодийцев проникла на Азиатский Север в XIII столетии, ее генезис отдален от наших дней не столь уж значительным временным расстоянием.

Таким образом, рассказ ненца К. Д. Ямкина, возможно, несет в себе вполне реалистическую, только несколько сдвинутую

во времени смысловую нагрузку. Об этом же свидетельствуют и некоторые другие этнографические факты. Ненцы рода Вэнонгка (Вэнго), живущие на северном побережье Ямала, говорили археологу В. Н. Чернецову, что, когда их предки пришли в эти места, они встретили там людей, которых назвали сииртя. Из рассказов ненцев следовало, что сначала они воевали с сииртя. Один из предков Вэнонгка, погибший в столкновении с сииртя, был похоронен на мысу Хаэн-сале, и могила его, по словам ненцев, цела и по сию пору. Впоследствии отношения ненцев с сииртя стали миролюбивыми. По словам того же ненца из рода Вэнонгка, его двоюродная бабка по отцовской линии даже была замужем за одним из последних сииртя.

В 1962 году в пос. Воронцово усть-енисейский ненец Борис Антонович Яитуне на мой вопрос, слышал ли он о сииртя, ответил, что сииртя — «это белый, как известь, человек. Как тень ходит. Вроде на солнце смотреть не может, только на темноту. Кто сииртя (рассказчик произносил сихиртя.— В. В.) увидит, счастливый будет».

После этого короткого сообщения, наполненного столь мало реалистическими подробностями, Борис неожиданно добавил: «Отец мой вроде бы сихиртя видел».

Вряд ли можно с абсолютным доверием относиться к этому рассказу, так как трудно предположить, что где-либо на Севере сииртя сохранились до нашего времени. Скорее всего в данном случае мой информатор несколько произвольно обошелся с хронологией. Однако как свидетельство «очевидца» эта история представляет несомненный интерес и заслуживает, на мой взгляд, того, чтобы ее здесь вспомнить.

Подведем итоги. Анализ самодийских преданий, отдельные фрагменты которых были приведены выше, бесспорно, свидетельствует о том, что сюжеты, связанные с сииртя, не просто рождены народной фантазией, но в той или иной степени несут в себе отпечаток реальных событий, когда в тундрах Европейского Севера и Западной Сибири наряду с ненцами обитали какие-то другие люди, иного, чем самодийцы, облика, обычая и нравов.

Аборигенное население, с которым столкнулись самодийцы Харючи, было, вероятно, немногочисленным и постепенно, благодаря бракам, оказалось ими ассимилировано. Но тенденция рассматривать его как сторону, противостоящую Харючи в брачном отношении, сохранилась и впоследствии была перенесена на другие (в том числе и самодийские) родовые группы, проникавшие на Обский Север позднее.

Само название основного рода фратрии Вануйта, являющееся

одновременно и названием всей фратрии, европейские и обско-тазовские ненцы обычно переводят «корневой», от слова *вану* (*вана*) — «корень». Такой же перевод этого слова дают один из лучших знатоков ненецкой этнографии Г. Д. Вербов и крупнейший специалист в области уральского языковедения швед Б. Коллиндер.

Члены рода Яптик фигурируют в преданиях ненцев и энцев как люди, не знающие оленеводства и не умеющие выпасать оленей. В качестве одного из таких преданий можно привести рассказ «Приключения Яптика», записанный Б. О. Долгих в 1948 году от 69-летнего иганасана Монтуку Турдагина.

Герой этого рассказа получает от сказочного человека сто оленей, но всех их съедает в течение одного года, рассуждая при этом: «Кто собирать их станет, кто караулиТЬ будет? Надо всех съесть. Оленей сильных как держать, я не знаю».

Интересно и начало предания, где говорится о том, что «семь Яптиков берег моря все время кормит. Ни в чем у них нужды нет, только оленей нет. Все время они на берегу моря живут, всякие промыслы промышляют... промышляют диких (оленей.—*B. B.*), песца, рыбу каждый год».

В этой связи уместно вспомнить, что, судя по данным, например, такого авторитетного знатока ямальских ненцев, как Б. М. Житков, летние кочевья членов рода Яптик в начале нашего столетия располагались в северо-западной части полуострова. Именно на территории, принадлежащей Яптикам, на мысу Тиутей-сале *В. Н. Чернецов* были раскопаны землянки, обитатели которых занимались главным образом морским зверобойным промыслом, охотой и рыбной ловлей.

Наконец, приведу еще одно место из того же предания, где сказочный человек с такими словами обращается к одному из главных героев, Большому Яптику: «Оу! В яме (в землянке.—*B. B.*) живущий Яптик!»

Из этнографических материалов, которые могут быть привлечены для обоснования предположения обaborигенной принадлежности предков рода Яптик, можно указать на зафиксированный именно у членов данного рода обычай жертвоприношения собаки, как справедливо отметил в 1935 году *В. Н. Чернецов*, чрезвычайно не характерный для оленеводов, «где обычно жертвенным животным является олень».

Родыaborигенного происхождения усматриваются и в составе энцев. Одним из таких родов, бесспорно, является Лодоседа, что в переводе означает «без плеч». Под именем Тыдасидин (искаженное «Тегасидин») этот род записан в одной из самых ран-

них по времени ясачных книг Мангазейского уезда, датируемой 1607 годом, и фигурирует в составе энцев на протяжении всего XVII века.

Название «Тыдаседа» сами энцы переводят как «без рода», «бездородные» и считают его старым названием рода Лодоседа. В одном из энецких преданий, записанном Б. О. Долгих и опубликованном в 1961 году, сказано, например, следующее: «Тыдуседа («бездородные») это раньше род Лодоседа такие были; они сперва Тыдуседа назывались».

Это предание входит в цикл коротких, но довольно многочисленных энецких рассказов, повествующих о происхождении рода Лодоседа. Общим для всех подобных преданий является то, что представители указанного рода постоянно совершают странные, порой граничащие с безумством поступки. Предки Лодоседа убивают друг друга, ощищают живого лебедя, ложатся в костер, так что у них обгорает часть верхней одежды — парка, и т. п. Последнее обстоятельство, кстати, служит традиционным объяснением названия Лодоседа — «без плеч».

Анализируя этот цикл преданий, Б. О. Долгих пришел к интересному выводу о том, что, возможно, они отражают представление самодийцев о каких-то аборигенных предках рода Лодоседа, поведение которых и обычай были, с точки зрения самодийцев, странными и дикими.

Анализ энецкой этнографии и фольклора позволяет предполагать принадлежность к досамодийскому аборигенному населению и некоторых других родовых подразделений в их составе: Лоббэо (Лампай, Ломбуев), Сонуко (Сонарэ), Язне (Яз, Яд). Особенно интересен в этом аспекте род Язне, члены которого постоянно рисуются в устных рассказах безоленными охотниками и рыболовами. В единственном предании, где они оказываются владельцами небольшого стада оленей, его рассказчик энец Р. А. Силкин счел необходимым сделать в беседе с Б. О. Долгих следующую чрезвычайно характерную remarку: «Ну, конечно, люди рода Яд никогда не имели раньше много оленей. Оленей у него (героя рассказа.— В. В.) 70, на аргиш только хватает. Зимой он на оленях кочует, а весной пастуху отдает своих оленей».

Ко всему сказанному следует добавить, что даже само название этого рода — Язне, т. е. «пешком идет», свидетельствует о том, что члены его в прошлом не знали оленеводства.

Наиболее значительный аборигенный субстрат выявляется в составе нганасан, хотя в связи с недостаточной изученностью их этнографии определено установить принадлежность к нему конкретных родовых подразделений довольно затруднительно. С на-

ивысшей долей вероятности к аборигенному пласту можно отнести иганасанские роды Линнанчера и Чуннанчера. В отношении последнего современный этнограф Ю. Б. Симченко приводит другое название — Фалочера, т. е. «жители гор», и возводит оба эти рода к юкагирам — аборигенам тундровой зоны Восточной Сибири.

Содержание преданий, однако, далеко не единственный источник, позволяющий отождествлять сииртя с реально существовавшими в не столь отдаленные от нас времена (может быть, всего каких-нибудь 200—250 лет тому назад) аборигенами Северной Евразии.

Как это ни парадоксально, но оказывается, что некоторые литературные произведения XV—XVII веков, главным образом посвященные описанию путешествий и плаваний по Арктике, содержат сведения о каких-то непохожих на самодийцев людях, населяющих прибрежные районы Европейского Севера и Сибири. При этом многие из такого рода произведений представляют собой свидетельства очевидцев, что, несомненно, еще более повышает ценность содержащихся в них сведений.

Подобных произведений можно назвать несколько. Среди их авторов англичанин командир пианассы «Серчерифт», совершивший плавание по арктическим морям в направлении к устью Оби в 1556 году Стиfen Бэрроу, комиссар Нидерландской экспедиции 1594—1595 годов к северным берегам России Ян Гюйген Van Линсхотен и другие. Но самые интересные сведения о жителях Севера России той отдаленной эпохи принадлежат Пьеру де Ламартинье, французу по происхождению и врачу по специальности, совершившему в середине XVII века одно из самых удивительных путешествий по северу Европейской России, описание которого не утратило научной значимости вплоть до нашего времени.

Рассказ о человеке, которого напрасно посчитали лжецом

Пьером-Мартином де Ламартинье написана книга под названием «Путешествие в северные страны». В этом произведении, изданном в 1671 году, рассказывается о путешествии, совершенном де Ламартинье в качестве судового врача на корабле датской торговой компании, отправленном к северным берегам России для закупки мехов и изучения местных рынков.

Во время путешествия де Ламартинье совершил поездку на Печору, в Большеземельскую тундру и даже за Урал, посетив

места, которые были не только совершенно неизвестны, но за редким исключением и абсолютно недоступны для европейцев.

Среди сведений о северных народах, приводимых Ламартиньером, особый интерес для нас представляет рассказ о «борандайцах», обитателях острова Варандей (или, как его именовали на старых картах, Борандай) и прибрежных районов Большеземельской тундры.

По описанию де Ламартиньера, борандайцы были смуглы, низкорослые. Занимались они только рыбной ловлей и охотой. Жилищами борандайцам служили хижины, сделанные «очень тщательно из рыбных костей (каркасов), покрыты также рыбными костями, проконопачены мохом сверху и обложены вокруг дерном столь хорошо, что внутрь не может проникнуть никакой ветер иначе, как через двери, устроенные наподобие печного устья, и через крышу, в которой устроено окошко или отверстие, в которое проникает свет».

В другой части своей книги он пишет о домах борандайцев, что они «выстроены из древесных ветвей и покрыты дерном; очень низкие; свет проникает только через дверь, устроенную наподобие устья печи».

Кроме борандайцев, де Ламартинье повидал еще и новоземельцев (обитателей одноименного острова) и также сделал любопытные этнографические наблюдения. Вот, например, как описывает он членок, которым пользовались жители Новой Земли в обыденной жизни: «Новоземельский членок сделан в форме гондолы очень искусно из рыбных костей и кожи, внутри кожа была сшита таким образом, что получался как бы мешок от одного конца гондолы до другого; внутри такого членка они были укрыты по пояс, так что вовнутрь лодки не могла попасть ни единой капля воды, и они могут таким образом выдерживать вполне безопасно всякую непогоду».

Оригинальностью в отношении покроя и материала отличалась и одежда североевропейских аборигенов. Платье борандайцев «состояло из очень узких штанов и камзола до колен, из чулок и шапки,— все из шкур белых медведей шерстью вверх, и из башмаков из древесной коры (лапти)». Одежда новоземельцев «была сшита из шкурок пингвина (какой-то морской птицы, возможно, гагары.— В. В.), перьями наружу, облегая тело, и состояла из очень узких штанов, доходящих только до колен, и из камзола, рукава которого доходили только до локтей, а стальная часть рук оставалась голой, камзол сзади и спереди спускался на нет в виде хвоста; шапки были в форме сахарной головы, а сапоги из шкуры морской коровы, коричневого цвета, шерстью вверх. Мы

распознали, хотя они и были одеты одинаково, в одном мужчину, а в другом женщину».

Как можно убедиться, заглянув в специальную литературу, эти списания мало соответствуют привычному этнографическому облику ненцев: их жилищ, водного транспорта, одежды. Обращает на себя внимание, что и сам де Ламартинье не ставил знака равенства между борандайцами и новоземельцами и самоедами, с которыми он также встречался во время своего путешествия.

В чем же дело? То, что сведения де Ламартиньера не вымысел, подтверждают свидетельства других очевидцев, работавших на Европейском Севере и в Западной Сибири.

О жилищах самоедов, очень напоминающих по своей конструкции хижины борандайцев, сообщает, с их собственных слов, такой авторитетный ученый XVII века, как Адам Олеарий, бывавший в России неоднократно в составе гольштинского посольства и длительное время живший в Москве. В 1647 году он опубликовал книгу о своем путешествии, появившуюся позднее и в русском переводе. «Они, — пишет А. Олеарий о самоедах, — живут в маленьких, глухих, наполовину в земле построенных избах, которые, как они говорили, кверху закругляются и заостряются и имеют посередине отверстие в качестве трубы, через которую они в зимнее время вылезают».

А вот описание самоедского членока низовьев Оби, сделанное в 30-х годах XIX столетия врачом Францем Белявским. Сверху он «обивается выделанной кожею из китовых кишок, которая... забирается посреди членока, наподобие дамских ридикюлей, на вздержку». Самоеды, «садясь в лодку, стягивая вздержки, опоясавшись в половину тела, пускаются не только по рекам — но даже в Обскую губу и по берегам Ледовитого моря, где они, ныряя наподобие дельфинов, не страшатся преследовать китов и убивать молодых моржей, быв уверены в своей безопасности и невозможности потонуть».

Как нетрудно убедиться, это описание почти идентично тому, что пишет о новоземельском членоке де Ламартинье.

Ю. Б. Симченко записал в низовьях Енисея от ненцев и энцев термины, обозначающие «кожаную лодку» в этих самодийских языках. У нганасан, по данным того же автора, такие миниатюрные лодки изготавливались вплоть до недавнего времени. Они имели сакральное значение и служили для хранения каменных изображений духов — помощников при промысле дикого оленя на переправах.

Еще в середине XVIII столетия, по описанию признанного знатока Камчатки академика С. П. Крашенинникова, у местных жи-

телей, ительменов, бытовали полуподземные жилища с входом в виде четырехугольного отверстия в крыше, «которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит».

Аналогичной конструкцией отличалось жилище оседлых (приморских) коряков восточного побережья Камчатки, а также паланцев. По описанию участников экспедиции И. Биллингса, в конце XVIII столетия коряки-паланцы в зимнее время жили «в юртах, углубленных в землю и осыпанных ею, с имеющимся наружу вместо окна и дверей отверстием, куда по представленной внутрь лестнице входят и выходят...»

Как писал выдающийся исследователь Крайнего Севера русский ученый В. И. Иохельсон, наличие круглой или направленной формы ямы и квадратного отверстия в крыше, служащего одновременно окном, дымоходом и дверью, присуще многим жителям Севера Тихоокеанского региона (айны, нивхи, коряки, ительмены, чукчи, эскимосы, алеуты, североамериканские индейцы).

Определенное сходство выявляется и при сравнении покроя и некоторых деталей костюма энцев, иганасан и эскимосов, на что обращалось внимание в этнографической литературе. В частности, современный исследователь Л. А. Файнберг отмечал среди прочих сходных признаков наличие султана (хохолка) на капюшоне сокуя (верхней одежды) иганасан и энцев и верхней одежды некоторых групп эскимосов Аляски и Северной Канады. Известный лингвист-самоедирист Г. Н. Прокофьев сравнил названия некоторых элементов зимней одежды ненцев, энцев и иганасан и пришел к выводу, что они не объясняются из самодийского языкового материала, но могут быть сопоставлены с аналогичными по значению словами в языках чукчей, коряков и эскимосов.

Употребленное де Ламартиньеом сравнение шапок новоземельцев с сахарной головой можно, с известной натяжкой, применить и к головным уборам ненцев, живущих на полуострове Канин и острове Колгуев, одежда которых заметно отличается от костюма остальных групп этой народности.

Более того, свидетельства де Ламартиньера вполне согласуются с материалами этнографии народов, живущих в других регионах арктической зоны за многие сотни и тысячи километров от мест обитания ненцев. Новоземельский челнок является близкой копией каяков эскимосов Берингоморья, которыми они пользовались для морской охоты еще в начале нашего столетия. В костюме юкагиров и чукчей, обитателей низовьев Колымы и внутренних районов Чукотки, просматриваются черты, имеющие параллели с костюмом борондайцев и новоземельцев, хотя изго-

тovлена эта одежда не из медвежьих шкур, а из кож домашних оленей.

Приведенные нами параллели с аборигенами северо-востока Европейского континента, ставшие известными во многом благодаря работе де Ламартиньера, значительно расширяют географические и этнические границы былого бытования этих культурных явлений. Более того, возникает возможность высказать предположение о существовавшем несколько столетий назад определенном культурном единстве аборигенов евразийских тундр на всем огромном протяжении территории их расселения от Канинского полуострова до побережья Берингова пролива и Охотского моря.

Основным занятием этого населения в прибрежных районах была охота на морских млекопитающих: тюленей, моржей, лахтаков, в тундре — промысел дикого оленя. Дикий северный олень в наше время сохраняется главным образом на полуострове Таймыр, где его (самая крупная в мире) популяция насчитывает несколько сотен тысяч голов. Но еще несколько столетий назад большие стада диких оленей выпасались на просторах европейской тундры, на полуострове Ямал, на севере Якутии, на Чукотке. Черты культуры охотников на дикого северного оленя наиболее выразительно проявляются у двух самодийских народов: ногасан и энцев.

В энецком фольклоре, опубликованном Б. О. Долгих, а позже записанном в низовьях Енисея и мною, существует целый цикл преданий о Моррэдэ. Моррэдэ (в переводе с энецкого) — охотник на диких оленей. Он живет в тундре и добывает себе пропитание исключительно охотой. Можно предполагать, что в этих преданиях нашел отражение очень древний дооленеводческий период истории энцев, возможно, связанный с их аборигенными предками.

Вот начало одного из фольклорных произведений на этот сюжет, вошедшего в публикацию Б. О. Долгих в 1961 году:

«Давно когда-то жил Моррэдэ. Как его называть иначе? Тогда лука не было, стрел не было. Во время гона (т. е. случного периода) диких оленей он промышляет. У него есть учений пороз (хор, самец.—*B. B.*). В то время, когда пороза порозует, он ходит диких оленей промышлять. Этого пороза он с собой таскает. Этому порозу на рога надевалась петля. А конец петли привязан к рогу у его комля. Эта петля (сило) сделана из ножных жил дикого оленя. Из трех прядей свита она руками. Он ходит промышлять диких оленей осенью, в ноябре, «в месяц дикого оленя». Он из племени сомату (тундровых энцев.—*B. B.*), Моррэдэ».

Фольклорные известия о сииртя достаточно хорошо коррес-

пондируют с материалами археологических раскопок, осуществленных в различных местах арктического побережья и тундревой полосы Европейского Севера и Западной Сибири. В конце 1920-х годов В. Н. Чернецков, в то время совсем еще молодой археолог, раскопал на мысу Тиутей-сале (на западном побережье полуострова Ямал) и на мысу Хаэн-сале (тоже на Ямале, на берегу пролива Малыгина) землянки, обитатели которых занимались морским зверобойным промыслом и охотой на дикого северного оленя. По предположению В. Н. Чернецкова, эти археологические памятники были оставлены не ненцами, а населением, обитавшим на Ямале до прихода самодийцев, причем относительно недавно (поселение на мысу Хаэн-сале датируется им XVI—XVII вв. н. э.). Собрав для подкрепления своих выводов обширный этнографический материал, В. Н. Чернецков пришел к заключению, что обитателями землянок как раз и могли быть легендарные сиирты, рассказы о которых бытовали среди ямальских ненцев.

Позднейшие археологические раскопки, проводившиеся в Большеземельской тундре Г. А. Черновым и на южном побережье Ямала экспедицией кафедры этнографии МГУ под руководством Л. П. Лашкука, подтвердили высказанную В. Н. Чернецковым гипотезу о существовании в прибрежных районах Европейского Севера и Западной Сибири вплоть до конца первого, а в отдельных районах, очевидно, до середины второго тысячелетия н. э. и даже позже своеобразной культуры морских зверобоев и охотников на дикого северного оленя, носители которой уже в историческое время были частично истреблены, а в большинстве своем поглощены пришедшими с юга самодийцами.

Кто же такие сиирты?

Итак, этнографические, археологические и фольклорные материалы позволяют совершенно определенно утверждать, что, по-видимому, задолго до прихода самодийцев Европейский Север и тундровая полоса Западной Сибири, в том числе и полуостров Ямал, были освоены и заселены людьми. Вступив в контакты с самодийцами, местное аборигенное население приняло непосредственное участие в процессе этнического сложения современных ненцев и нганасан. Его несомненное влияние сказалось и на формировании так называемых «северных», или «полярных», элементов их материальной культуры и быта.

Однако многие чрезвычайно важные для воссоздания цельной и реалистичной картины этногенеза северосамодийских народов

вопросы все еще остаются без ответов. И главный из них, несомненно, вопрос о том, кем же являлись аборигены Европейского Севера и Западной Сибири по своей этнической принадлежности, на каком языке они говорили. Неясно также, был ли аборигенный субстрат, вошедший в состав северных самодийцев, этнически однороден или же, наоборот, состоял из нескольких этнических компонентов. Предлагаемые ответы пока носят характер гипотез, причем таких гипотез выдвинуто несколько.

Впервые вопрос об этнической природе субстрата, принимавшего участие в формировании современных северосамодийских народов, был поставлен в конце 1930-х годов видным отечественным лингвистом и этнографом Г. Н. Прокофьевым. Исследуя с помощью методов сравнительной лингвистики некоторые слова, служащие в различных самодийских языках для обозначения элементов так называемого циркунполярного комплекса (названия арктических и субарктических животных и птиц, частей полярной одежды и обуви, отдельных конструктивных элементов чума и др.), Г. Н. Прокофьев установил, что они могут быть сопоставлены и находят параллели с аналогичными названиями в палеазиатских (чукотском и корякском) и эскимосском языках. На основании этих сопоставлений Г. Н. Прокофьев пришел к заключению; что в этногенезе северных самодийцев приняли участие этнические компоненты, причастные одновременно «также к формированию луораветланов (чукчей.— В. В.), нымыланов (коряков.— В. В.), эскимосов и, может быть, других народностей крайнего североостока Сибири».

По мнению Г. Н. Прокофьева, влияние аборигенного населения нашло отражение и в самоназваниях ненцев — «ненэ-циян», энцев — «энэ-тен» и иганасан — «нгана-сан», исходя из чего он назвал выявленный таким путем досамодийский пласт — «тян».

Гипотеза Г. Н. Прокофьева имела двоякий резонанс у этнографов и лингвистов, занимающихся проблемами этногенеза сибирских народов. В той части ее, которая касалась самодийско-эскимосских связей, Г. Н. Прокофьев был, безусловно, прав. Факт существования древних языковых контактов между самодийцами и эскимосами был открыт еще в XVIII веке датским миссионером, долгое время жившим среди эскимосов Гренландии, Расмусом Раском. Позднее, уже в 1924 году, вышла работа французского лингвиста А. Саважо, где этот вопрос был рассмотрен чрезвычайно обстоятельно, а общий вывод подтверждал точку зрения Раска.

Что же касается версии Г. Н. Прокофьева о возможном палеазиатском пласте, вошедшем в состав северосамодийских нар-

дов, то у большинства исследователей этого вопроса она поддержки не получила.

Следующий шаг в установлении этнического лица аборигенов Европейского Севера и Западной Сибири был связан с открытием шведским лингвистом Б. Коллиндером и венгерским языковедом К. Боуда близости юкагирского языка (до этого считавшегося палеоазиатским) языкам уральской языковой семьи. Основываясь на работах этих исследователей, Б. О. Долгих предположил, что этнический аборигенный субстрат, вошедший в состав нганасан, по своей языковой принадлежности был юкагирским*.

Иную точку зрения проводит в своей работе, посвященной этнической истории Печорского края, Л. П. Лашук. По его мнению, аборигенов Европейского Севера и Западной Сибири следует считать пралопарями, которые сформировались в результате смещения продвинувшихся туда с востока палеоазиатских племен с местными уральскими и палеоевропейскими племенами.

Пожалуй, наибольшее число сторонников имеет гипотезу В. Н. Чернецова. Как он полагает, в эпоху неолита (IV—III тысячелетия до н. э.) аборигенное население Северной Сибири было этнически единым. Только позднее, по мере расселения по северу Евразийского материка, произошло его разделение на западную (прапалопарскую) и восточную (праюкагирскую) ветви, каждая из которых в дальнейшем развивалась самостоятельно.

Приведем, наконец, новейшую концепцию, сформулированную В. П. Алексеевым в 1975 году на основании главным образом антропологических (соматологических и изосерологических) материалов. Как считает ее автор, указанные материалы заставляют «отвергнуть не только прямое генетическое родство между населением отдельных районов тундры, но и гипотезу общего субстрата, по-разному проявляющего себя на западе и на востоке». Что же касается совпадений в языке северных самодийцев и северо-восточных палеоазиатов и эскимосов и в ряде культурных характеристик, то, по В. П. Алексееву, их следует трактовать как результат «многовековых культурных контактов и диффузии культурных элементов».

Как мы видим, гипотез выдвинуто немало, но на сегодняшний

* Юкагиры входят в группу народностей Крайнего Севера РФ. Сейчас этот немногочисленный народ (около 400 чел.) живет двумя изолированными группами в Нижне-Колымском и Верхне-Колымском районах Якутии. Существует мнение, разделяемое рядом исследователей, о том, что в прошлом юкагиры заселяли весь север континентальной Сибири от р. Орленок до Берингоморья.

день все они примерно одного доказательного уровня. Дальнейшая разработка этой проблемы затруднена слабой археологической изученностью Арктики и Субарктики, где описанные и раскопанные культурные памятники являются не более чем островками в безбрежном океане неизведанного. Немаловажное значение для установления этнической природыaborигенного субстрата Северной Евразии может иметь детальное сравнительно-этнографическое изучение предметов материальной культуры и быта арктических народов. Но ведущее слово в решении этой проблемы безусловно, принадлежит лингвистам. Только сравнительно-лингвистическое исследование основного словарного фонда (особенно терминов, в которых отражаются арктический быт, природа и животный мир) и грамматического строя северосамодийских,саамского, юкагирского языков с привлечением аналогичных материалов из палеоазиатских и эскимосско-алеутских языков позволит прочесть одну из интереснейших страниц этнической истории народов нашего Севера.

* * *

Легенды, как и сказки, создаются людьми. Они могут быть сходны по сюжету, но всегда различны по жанру. В сказке порой трудно выделить простое реалистическое зерно, за мифической дымкой легенд часто бывают скрыты конкретные исторические события. Таковы и легенды о сииртя. Персонажи фольклора ожидают, мифические существа приобретают реальный облик. И мы уже знаем, что скрывают в себе эти легенды. В них память о людях, которые были пионерами освоения суровых пространств тундры, о людях, заслуживших право называться первыми землепроходцами Арктики.

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ — КТО ОНИ?

В настоящее время в Сибири проживает более 500 тысяч татар. Но кто они? Все ли они относятся к сибирским татарам — к тем, предки которых жили здесь еще до похода Ермака? Изучение национального, или, как мы, этнографы, говорим, — этнического (от греческого этное — племя, народ), состава татар Западной Сибири показало, что здесь сибирских татар насчитывается около 200 тысяч человек. А остальные татары Сибири являются выходцами из районов Поволжья и Приуралья. Это прежде всего казанские татары, мишари, кряшены и другие группы европейских татар. Что касается астраханских и крымских татар, то в Сибирском регионе их проживает немного.

Сегодня мы поведем рассказ о сибирских татарах. Но и здесь нужно сказать, что в наши дни часть поволжско-приуральских татар в Сибири тоже стали называть себя сибиртатарлар, т. е. сибирские татары. Одни из них называют себя так потому, что давно живут в одних селениях и городах совместно с сибирскими татарами, сблизились с ними и в значительной степени смешались, т. е. вошли в состав коренных сибирских татар. Другие давно живут в Сибири и, как и русские, считают себя сибиряками, поэтому и зовутся сибирскими татарами.

Долгое время проблема этногенеза, т. е. происхождения сибирских татар, волновала ученых. Ею занимались такие выдающиеся деятели науки прошлого, как историк В. Н. Татищев, этнограф Н. М. Ядринцев, языковед В. В. Радлов, а среди современных ученых — историк З. Я. Бояршинова, антропологи Г. Ф. Дебец и В. А. Дремов, языковеды Г. Х. Ахатов, С. М. Исахакова, Д. Г. Тумашева, археологи Б. А. Конников, В. А. Могильников, В. И. Молодин, В. И. Соболев и др. Большой вклад в ре-

шение этой проблемы внесли казанские ученые — уроженец Большереченского района Омской области, мой давний друг, доктор исторических наук Ф. Т. Валеев и этнографы Омского университета, выпустившие 5 монографий и несколько сборников статей по истории и этнографии сибирских татар.

Более трех десятков лет работы понадобилось нам, ученым, чтобы подойти к решению проблемы формирования и состава этой этнической общности. Сибирские татары состоят из трех разрозненных этнических групп — томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. Те, в свою очередь, тоже делятся на менее крупные группы: томские татары состоят из калмаков, чатов и эуштинцев; барабинские — из барабинско-чановской, кыштовско-уст-тарской и каргатско-убинской групп; тоболо-иртышские — из тюменской, тобольской, ясколбинской, курдакско-саргатской и тарской групп.

Среди части сибирских татар были еще и более дробные делиения на тугумные (генеалогические) группы. Например: куян («заяц»), торна («журавль»), пулмух («дурноватый»), чунгур, шагир (личные имена), сарт, курчак, нугай (этнонимы) и др. Всего в нашей картотеке более 250 этнонимов, родовых, племенных, тугумных и территориальных названий сибирских татар, десятки этногенетических преданий и легенд, тысячи записей генеалогий (родословных) современного населения. Вместе с другими данными этнографии, археологии, антропологии, лингвистики и некоторых других наук эти материалы позволяют нам углубиться в тайны происхождения разных татарских групп Сибири. А происхождение их во многом сходно, но во многом и различно. Это связано с широкой расселенностью татар в Западной Сибири (от Урала и почти до Енисея), а также с многообразными этническими контактами в разные периоды их истории.

Одним из достижений современных исследователей является то, что они пришли к выводам о многокомпонентности этнического состава тех или иных групп. В наиболее общем виде этногенез сибирских татар представляется сейчас как процесс смешения угорских, самодийских, тюркских и отчасти монгольских племен и народностей.

Угорскими народами являются венгры, манси и ханты. Последние два народа живут на севере Западной Сибири. Но когда-то угорских групп и народов было в Сибири больше, жили они также и в более южных районах. Считается, что они приняли участие в формировании барабинских и тоболо-иртышских татар. Некоторые ученые (З. Бояршинова, В. Храмова) писали, что угуры наряду с кыпчаками (турецкие народы) явились главным со-

ставным компонентом в формировании всех западносибирских татар.

Археологические данные говорят нам о том, что местным населением в Обь-Иртышском бассейне в I тысячелетии, а во многих районах и в первых веках II тысячелетия нашей эры (вплоть до XIII в.) были угорские племена. Антропологическая наука свидетельствует о сходстве физического типа тобольских и барабинских татар с хантами и манси. У них преобладают черты уральского расового типа, образовавшегося в результате древнего смешения монголоидного и европеидного компонентов. Частично и языковеды отмечали влияние финно-угорских племен в Тоболо-Иртышском бассейне, но лингвистических подтверждений не приводили, за исключением отдельных сходных явлений в фонетике.

Степень угорского компонента остается до конца не выясненной. Точно установлено, что в состав многих групп татар вошли местные мансийский и хантыйский компоненты.

А венгры или их предки? Принимали ли они участие в этногенезе сибирских татар? В последнее время этот вопрос вызывает интерес и у наших, и у венгерских ученых. Сравнительно-генетический анализ орнаментальных комплексов, осуществленный омским ученым В. Богомоловым, позволяет предполагать участие мадьярского (мадьяры — второе название венгров и их предков) элемента в этногенезе барабинских татар. Известно, что мадьяры проживали в южных районах Сибири и в IX в. ушли через Восточную Европу в места нынешнего расселения венгров. Но, видимо, какие-то небольшие группы мадьяр вошли все же в состав тюркских племен, из которых затем формировались группы барабинских и тарских татар, а отчасти и северных казаков.

Значительный интерес представляет вопрос об участии самодийских племен в сложении сибирских татар. В настоящее время сохранилось 4 народа, говорящих на самодийских языках: ноганасы, ненцы, энцы и селькупы (живут на севере Сибири, а ненцы и в европейской части страны). Когда-то их было больше и жили они гораздо южнее. Относительно томских татар (эуштинцев) существует точка зрения, что это аборигенное самодийское население, испытавшее сильное воздействие тюрков Алтая. В д. Эуште Томской области местные жители сообщили нам, что здесь живут потомки двух родов и члены одного из них — цыцканы (мыши) — приплыли из горной страны по реке на бревне задолго до прихода русских. По мнению московских этнографов В. Васильева и Б. Долгих, группа южных самодийцев вошла в состав и томских татар, и ненцев.

С другой стороны, в последнее время интерес исследователей

привлекает вопрос об участии самодийского компонента в формировании отдельных групп тоболо-иртышских и барабинских татар. Еще в 1930-х годах И. Авдеев высказал мысль, что обские угры (предки манси и хантов) только в XI—XII веках оттеснили самодийцев (ненцев) на север. Недавно московский исследователь Г. Еремин привел этнографические материалы по культуре заболотных (ясколбинских) татар (проживают в Тобольском районе), которые обнаруживают очень точные аналогии в ненецкой культуре.

Данные археологии позволили некоторым ученым (М. Косареву, В. Могильникову, В. Чернецову) говорить о наличии в районе Среднего Иртыша в разные эпохи культурных показателей, связываемых обычно с самодийцами. Интересно, что у тобольских татар обнаружен антропологический тип второго порядка, который назван «чулымским» и известен также у ненцев и селькупов. В. Васильев объясняет название Карагалинской волости у барабинских татар из селькупского языка от названия кара гула — «журавлиные люди», с которыми связывает самодийский массив на юге Западной Сибири. Сами татары-карагалинцы в XVII веке жили по соседству с селькупами. И по нашим материалам видно сходство в культуре северных барабинцев и селькупов. Но вошла ли часть селькупов в состав барабинцев? Этот вопрос остается пока открытым.

Теперь о тюркских компонентах. В последнее время рядом ученых высказаны сомнения в том, что кыпчаки были чуть ли не единственным тюркским массивом, принявшим участие в формировании сибирских татар. Обнаружение в их диалектах черт языков древних тюрков, проживавших в первой половине I тысячелетия н. э. на Алтае и в соседних районах, некоторых архаических черт в культуре сибирских татар подтверждает обоснованность этих сомнений.

Одним из тюркских компонентов в составе сибирских татар были поволжско-приуральские татары, которые переселялись сюда начиная со времен Кучума и растворялись среди тоболо-иртышских татар. Наиболее массовые переселения татар из Поволжья и Приуралья в Сибирь падают все же только на вторую половину XIX — первую четверть XX века.

Возникает, естественно, вопрос о степени близости и общности сибирских татар с поволжскими. В 1940—1950-е годы некоторые историки и языковеды Татарской АССР считали сибирских татар частью казанских татар (татарской нации), а их язык восточным диалектом татарского языка. В 1960—1970-е годы утвердился новый взгляд ученых на самостоятельный путь этнического

развития сибирских татар. И все же ясно, что сегодня это родственные, очень близкие по культуре и языку этнические общности, входящие в целом в состав татар России.

Наш читатель должен знать, что изучение этногенеза какого-либо народа — дело очень трудное, требует усилий ученых разных наук и занимает порой много десятилетий научных изысканий. И проблема происхождения сибирских татар сегодня не может считаться решенной. Неясны многие исторические стороны процесса формирования их разных групп, неизвестны места и время контактов с разноязычными народами и племенами. Появляются новые аспекты — так, антропологами и этнографами поставлена сейчас проблема установления связей татар с хакасами, якутами и эвенками (тунгусами). И все же мы видим основные пути сложения групп сибирских татар.

На территории Томской области, Колыванского района Новосибирской области, Юргинского и Яшкинского районов Кемеровской области проживают томские татары, состоящие из эуштинцев, чатов и калмаков.

На территории их проживания в неолитическую эпоху выделяется верхнеобская культура, а во времена бронзы складываются андроновская, еловско-ирменская культуры. В I тыс. до н. э. и I—II тыс. н. э. здесь существовало несколько культур железного века: кулайская, кижировская, рёлкинская и др. Многие из этих культур связываются учеными с самодийским и угорским компонентами. Интересна мысль о возможной разнородности самодийских групп на данной территории. Все же взгляд на эуштинских татар в основном только как на самодийцев, подвергшихся лишь тюркизации (языковой и отчасти культурной) и не более, представляется упрощенным. Речь следует вести о сильном смешении здесь тюрков и самодийцев и оттеснении последних на север.

В начальный период тюрки проникали двумя этапами: в VII—VIII веках небольшими группами и в IX—X веках большим массивом.

Сначала это были древние тюрки, среди них кыргызские и телесские племена, позднее — кимаки и кыпчаки.

Некоторые ученые не исключали возможности тюркизации местного населения со стороны тоболо-иртышских татар. Но этот вопрос остается проблематичным. Интересные сведения о том, что хан Кучум отобрал у языческого народа эуштинцев (яушта) город Сибир, или Туру, приведены в книге Ф. Странленберга в 1730 году. И. Фишер уточнил, что татарский род Еушта раньше жил на р. Сибирке, притоке Иртыша. Можно предположить, что какая-то

часть тюркизированных эуштинцев переселилась в Прииртышье, откуда они были изгнаны Кучумом в Заболотье.

Можно предполагать, что в составе томских эуштинцев (жили в юртах Эуштинских, Тигильдеевых и Горбуновых) оказались и какие-то более поздние, чем кыпчаки, выходцы из Средней Азии. Так называемые бухарцы появлялись здесь с торговыми целями задолго до прихода русских. Укажу также на то, что известный отечественный языковед А. П. Дульzon считал район Нижний Томи тюркским с наличием кетского древнего пласта (кеты живут сейчас в бассейне Енисея), прослеживал это в топонимике (названиях географических объектов) и погребальном обряде. Опираясь на результаты исследования этого ученого, З. Я. Бояршинова писала в 1967 г.: «Тюрками по языку постепенно стали кеты и селькупы в бассейне правых притоков Томи и Чулымы». Изучение этнографами разных сторон культуры томских татар помогло проследить их историко-культурные и этногенетические связи с тюркскими (в том числе с алтайцами, шорцами, якутами, хакасами, узбеками и др.), самодийскими и угорскими народами, а также выявить отдельные аналогии с кетами и эвенками.

Чаты — вторая после эуштинцев группа томских татар — появились в Томском Приобье довольно поздно. До прихода русских они жили в западных районах Барабинской степи. Со строительством Томска часть чатов переселилась в Нижнее Притомье, другая осталась в поселках на Оби. Это обстоятельство привело к выделению у них двух групп — обских (или орских — от д. Юрт-Оры) и томских чатов. В языке и культуре всех чатов отложились тоболо-иртышско-татарские элементы. В составе чатов оказались и барабинские татары, в основном теренинско-чайские (каргатско-убинские), на территории которых во второй половине XVI века жили чаты.

При рассмотрении вопроса о происхождении чатов следует учитывать их связи с казахами. Сами чаты в XVIII веке рассказывали, что раньше они были с казахами одним народом. Этноним «чат» («цат», «джат») встречается у казахов в названии рода Младшего жуза джеты-ру и в названии рода чат у казахов Среднего жуза. Этногенетические корни чатов следует, видимо, искать в племени шад (или шато) XI века, которое являлось кимакским по происхождению и проживало на Иртыше. Разрастаясь, оно входило затем в состав разных этнических и политических образований. В частности, термином «джете», «чёте» тюрки (чагатаи) Мавераннахра называли монголов.

Одним из поздних компонентов чатских татар был телеутский, наиболее четко отложившийся в обской группе (жили в юртах

Акбалыкских и Таганских) и определивший ее особенности наряду с обско-татарскими компонентами. Особенности томских чатов (жили в юртах Барабинских, Тахтамышевых, Чернореченских, Калтайских и Казанских) определяются значительным смешением их с эуштинцами и связями с бухарцами, частично осевшими в их деревнях. В ряде случаев имело место вхождение в состав служилых чатов выходцев из калмыков и барабинских татар.

Что касается третьей группы — калмаков (жили в прошлом в юртах Константиновых, Искитимских и др.), то это прежде всего потомки телеутов — алтайской народности. В их состав вошли также частично барабинские татары, чаты и эуштинцы. Но в целом происхождение их еще сложнее. Анализ орнаментов калмаков обнаруживает в них черты североазиатского, южносибирского, иртышско-алтайского, восточноазиатского, тоболо-иртышского типов, а также мотивы, связывающие с монгольским искусством. Вопрос о происхождении калмаков еще ждет своего исследователя.

На Оби помимо групп, вошедших в состав томских татар, проживали группы тюрков, которых условно ученые назвали обскими татарами и которые затем вошли в состав русского населения, приняв христианскую веру. Они проживали в юртах волостей Темерчинской, Малой и Большой Шегарских, Большой Провской, Соргулиной и Обской Тутальской. В состав обских татар вошли давние поселенцы в Среднем Приобье — потомки тюркизированных южных самодийцев, потомки киданей — тюркизированного монгольского племени, а также в разных местах в разном количестве селькупы. Согласно моей схеме в составе обских татар можно выделить четыре группы: темерчинскую, шегарскую, провско-соргулинскую и черномысскую. Так вот, во всех группах, за исключением провско-соргулинской, встречались выходцы из телеутов. В число шегарцев вошли также чаты, несколько эуштинцев и чулымцев. Темерчинцы включили в свой состав частично эуштинцев, чатов и, возможно, барабинцев, провско-соргулинские татары — эуштинцев, тоболо-иртышских татар и в XVII веке чулымцев. Черномысских татар (в конце XIX века они входили в Мало-Корюковскую волость) образовали чулымские тюрки и темерчинцы, смешавшиеся с чатами и телеутами.

На территории Новосибирской области кроме чатов проживают еще барабинские татары, состоявшие, в свою очередь, из трех групп. Они населяют в основном Барабинский, Венгеровский, Куйбышевский, Кыштовский, Убинский, Усть-Тарский и Чановский районы.

Новосибирский ученый В. И. Соболев считает, что процесс

формирования барабинцев начинается в VIII—IX веках, далее наступает этап усиления тюркского компонента в составе местного населения, второй компонент которого составляли угры. В XIII—XIV веках завершается начальный период формирования барабинцев — это время характеризуется взаимодействием тюркского населения с монголо-татарами. Основной вывод В. И. Соболева звучит так: «С XIV в. мы можем говорить о культуре барабинцев как о сформировавшейся. Она не претерпевает сколько-нибудь серьезных изменений до прихода и освоения этого края русским населением».

В барабинско-чановской группе татар нами зафиксированы в качестве обозначений семейно-родственных кланов названия этнографического характера. Более ранним является этноним «сарт». Он относится к выходцам из Средней Азии, в основном к узбекам и таджикам, которые появлялись в Барабе и оседали здесь в разные времена, начиная с XV века. Этноним «теленгут» относится к выходцам из южных алтайцев (телеутов, теленгитов), но, возможно, и казахов, что касается названия «калмыки», то оно появилось скорее всего от калмыков XVI—XVII веков, живших на землях барабинцев. Тюркоязычные орчаки, коурчаки (курчаки) оставили свой след также в соответствующем тугумном названии.

Известная московская исследовательница хантов и манси З. П. Соколова указывает на аналогию названия д. Мумраковой с хантской фамилией Мумраковых, названия д. Ачимовской — с фамилией хантов Ачимовых. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что какая-та часть угров вошла в состав барабинско-чановских татар. И именно в этой же группе жили карагалинцы, которых В. И. Васильев связывает с самодийцами, о чем говорилось нами выше.

В кыштовско-уст-тарской группе явно этнографический характер носят названия тугумов «иштяк» и «аялы». Иштяки — это тюркизированные угры, а аялы — это выходцы из соседней тарской группы татар, проживающих в наши дни в Омской области и частично в некоторых деревнях (например, в д. Альменевой Кыштовского района) Новосибирской области. В д. Улуцке Венгерского района нам рассказали легенду, по которой барабинцы произошли от кочевого народа сибиряков (сирыров), в прошлом угров. Среднеазиатские выходцы оставили здесь свой след в названии аула Куляба, связанного с таджикскими и узбекскими кулиби. А этноним «сахтар», «сактар» и «суккар» ведет взгляд ученых в сторону якутов и хакасов. Интересно, что в культуре хакасов и сибирских татар, якутов и сибирских татар обнаруживается сложный комплекс сходных или полностью совпадающих явлений.

Гораздо меньше мы знаем об особенностях этнического состава каргатско-убинской группы. Наименование родоплеменного характера «чой» известно, помимо местных татар, и у тубаларов Алтая.

В целом мы можем сделать вывод о том, что в числе барабинцев было много потомков ранних тюркоязычных племен алтайского происхождения. Алтайский пласт позднее был усилен включением в их состав небольших групп телеутов. Общим для всех барабинцев был и тарско-татарский (в большей мере аялынский) компонент. В их составе оказались также выходцы из Средней Азии (узбеки и таджики) относительно раннего происхождения, а также казахи, башкиры, орчаки — выходцы с Саяно-Алтайского нагорья (родственны тувинцам), угры, самодийцы, западные монголы (калмыки). В состав барабинцев в период общения их с кучумовичами, возможно, вошли и отдельные выходцы из тобольских татар.

На территории Омской области проживают две группы — кудакско-саргатские и тарские татары.

Курдакско-саргатские татары (в науке их называют еще тевризскими) проживают в основном в Тевризском и Усть-Ишимском районах Омской области и частично в Вагайском районе Тюменской области. Они помнят о том, что раньше они звались коурдаками (куртаками), саргачиками.

Курдакскую подгруппу данной группы сибирских татар образовало племя курдаков. Этот этоним известен и как название группы узбеков, проживающих в южных районах Таджикистана. Этнограф Б. Кармышева считает, что узбекские курдаки — это осколок рода курдак сибирских татар, часть которого оказалась сначала в составе казахов, а затем вошла и в состав узбеков. Курдаки, как мне представляется, могут быть ассоциированы с курчаками (коурчаками), древним тюркоязычным племенем Саяно-Алтайского нагорья, но время и пути их проникновения в Среднее Прииртышье остаются неясными.

В качестве других этнических компонентов этой подгруппы помимо угроязычных хантов назову сартов — видимо, наиболее ранних выходцев из Средней Азии, а возможно, пришедших сюда уже с курдаками. Их присутствие здесь отложилось и в названии деревни Сартаул. В предании о религиозных войнах среднеазиатских шейхов в 1394—1395 годах за исламизацию татарского населения Прииртышья сообщается, что в то время здесь жили хатаны (ктани), ногай, кара-кыпчаки, иштяки. Из указанных групп на территории курдаков могли проживать кара-кыпчаки. Наличие кыпчаков подтверждается и их родовым названием

ем карагай, сохранившимся в названии деревни Карагай Коурдакской волости. Возможно, ктани (киданы — тюркизированное монгольское племя) и ногаи также вошли в состав курдакских татар.

Саргатско-утузская подгруппа названа так потому, что в состав этих татар входили подразделения саргатов и утузов (отузов). Саргатов следует, видимо, считать тюркским племенем местного происхождения. В легендах местные жители рассказывали нам, что до прихода татар здесь жили остяки (ханты), которые произошли якобы от охотника Саургана, пришедшего сюда откуда-то с юга. Позднее саргатов появились здесь выходцы из Бухары — шейхи, которые стали обращать местное население в мусульманскую веру. Некоторые жители деревень Усть-Ишимского района Омской области утверждали, как, например, В. Ганеев (1908 года рождения, д. Саургачи), что они из «остяцкого» рода рыбаков и охотников и смешались здесь с пришедшими с запада татарами (остяки — дореволюционное название хантов).

В этих местах бытует предание о том, что по Иртышу жили ктани, иштяки, ногаи (татары) и калмыки. Ктани (киданы) попали на Иртыш скорее всего после XII века со стороны Саяно-Алтайского нагорья либо могли появиться позднее в составе переселенцев — казахов или каракалпаков, у которых этот этноним также отмечен. Этноним ктани (катаи) отложился в названии урочища Катайские Елани по р. Оше. В предании подчеркивается, что ногаи — это татары (в основном кыпчаки). Они появились в этих местах позднее иштяков и, видимо, ктаний, скорее всего в XIV—XV веках.

Относительно названия «отуз» («отузы», «утузы») следует заметить, что оно явно указывает на вхождение в состав саргатско-утузской подгруппы какого-то подразделения, связанного в более глубоком прошлом с «отуз-татарами» орхонских надписей (на Енисее). Среди местных жителей бытует предание о тридцати (отуз) татарах, поселившихся в этих местах и давших затем имя деревне Утузы, возникшей якобы во времена Кучума. Пришли из Поволжья татары расселялись среди курдакско-саргатских татар довольно поздно, в основном с конца XIX века.

Тарские татары проживают в Большереченском, Муромцевском, Тарском и соседних районах Омской области. Их аялынскую подгруппу образовали аялы (айлы) — общие предки и этой группы татар, и башкир. В этих местах зафиксирован также этноним «сарт» (раннеузбекский компонент). В тарских аялынцах отложились компоненты печенежско-огузских и огузо-кыпчакских

племен. Аялынцы осели в прииртышской зоне до XIII века, ассилировав здесь частично южных угрев.

Туралинскую подгруппу составили тарские служилые татары и их захребетники (зависимые люди). В XVIII веке, когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникла отдельная Подгородная волость. Особенности этнического состава туралинцев остаются во многом неясными. Видимо, немало здесь было и аялынцев. Довольно много в составе туралинских татар выходцев из Средней Азии, так называемых бухарцев. Они оседали здесь еще до появления русских и смешивались частично с аялынцами. В этих местах среди татар бытовали названия ших и сейд. Шихи (шайхи) и сейды — это выходцы из групп ходжей, в основном узбеков и таджиков, хотя среди них были и туркмены, пришельцы из Бухарского ханства. Название шихов очень четко отложилось в фамилии тарских татар Шиховых и в наименовании, Шиховых юрт. В документе XVII века был указан сейд Т. Берелеев. Термин «сейд», возможно, дал название д. Сеитовой.

Проходил здесь процесс тюркизации и местного населения. Еще в XVII — первой четверти XIX века на территории туралинских татар существовала Остяцкая волость, жители которой были татарами.

На территории Тюменской области проживают полностью три группы тоболо-иртышских татар — тобольские, тюменские и ясколбинские татары, а также северная часть курдакских татар.

Среди тоболо-иртышских татар одними из наиболее ранних наследников этих мест считаются тюменско-туринские татары. В конце XVI—XVII веке они делились на три группы — туринскую, тюменскую и ялуторовскую. В туринской группе наблюдалось смешение угорских и тюркских черт в культуре и языке. На территории Турина района в IX—XIII веках проживало протоманское население, среди которого в XIII веке и начали селиться первые тюрки. Этот процесс совместного расселения и смешения манси и тюменских татар застали здесь русские в конце XVI века.

Особенности формирования собственно тюменских татар ясны далеко не во всех аспектах. Помимо угорского населения в их составе выявляются также группы башкирского происхождения, а также выходцы из ранних узбекских племен тагчи (такчи, тахчи) и более поздних потомков одной из групп среднеазиатских ходжей. С XVII века они активно смешивались с бухарцами (в основном узбеками, таджиками) и частично с тобольскими и ясколбинскими татарами.

Основу ялуторовской группы составили тюменские татары и

смешавшиеся с ними башкиры. Кроме того, в их состав вошли и тобольские татары, частично переселившиеся на земли ялуторовских татар в XVI—XVII веках. В целом формирование данной группы представляется мне довольно поздним — началось оно во второй половине XVI — начале XVII века. Как подгруппа тюменско-туринских татар она сложилась в XVII веке. Дата поселения первых татар на р. Исети самими ялуторовскими татарами определяется концом XVI века. Об основании, например, юрт Зимнесингульских (Яр) они рассказывали, что это произошло уже при первых русских, лет 370 тому назад, хотя отдельные татары селились здесь и раньше.

В составе тобольских татар исторически выделяются четыре подгруппы: 1) аремзянско-надцинская; 2) искеро-тобольская; 3) бабасанская; 4) иштяко-токузская. Во всех них в качестве основного компонента выявляются потомки древнего населения этих мест, тюрки «тайбугина рода». Другим общим компонентом были угры.

Особенности аремзянско-надцинских татар определялись, вхождением в их состав небольшого числа иртышских хантов и, возможно, манси. В XVII веке северных татар тобольской группы называли «нанга», что означает по-мансийски «лиственница». Название волости Туртас связывается с телеутами сеока Тарт-Ас. Известно, что выходцы с Алтая — телеуты доходили по Западно-Сибирской равнине до северных границ расселения сибирских татар, некоторые из них могли осесть и на территории аремзянско-надцинских татар. Обращает на себя внимание и тот факт, что татары данной подгруппы почти не смешивались с бухарцами и казанскими татарами.

В состав искеро-тобольских татар кроме общетобольских компонентов вошли ногайцы, среднеазиатские тюрки (в основном узбеки), частично казахи, казанские татары и чуваши. Эту группу татар образовали жители Тобольска и соседних селений по Тоболу и Иртышу, в основном несколько южнее Тобольска. В период Сибирского ханства во второй половине XVI века здесь жили сам Кучум и все члены его клана — шейбаниды (в основном выходцы из Средней Азии и Казахстана). В составе потомков древнего тюркского населения были и ассимилированные им угры «сипыры», обитавшие к приходу русских в низовьях Тобола.

Территория бабасанских татар охватывала в XVI—XIX веках часть бассейна Тобола от низовьев Тавды и примерно до Мириловских юрт, заселенных бухарцами. Ряд селений бабасанцев раскинулись на восток от Тобола вплоть до Ашлыка, левого притока Вагая, в основном по берегам озер. Своеобразие бабасан-

ской группы заключалось в более мощной прослойке «тайбулина рода», в смешении с тюменскими и искеро-тобольскими татарами, в отсутствии в их составе бухарцев и казанских татар.

Иштякско-токузские татары жили в селениях по Иртышу, юго-западнее искеро-тобольских татар, по р. Вагаю и его притоку Аги-тке, в районе Уватских болот. У них более выпукло представлен пласт южных угров Западной Сибири, выявлены древнеогузские связи этой группы: тогузы — это токуз-огузы, оставившие орхонские надписи на Енисее. Кроме того, татары данной группы смешивались с искеро-тобольскими и курдакско-саргатскими татарами. В ряде мест среди тобольских татар в XVIII веке расселялись так называемые оброчные чувальщики, которые представляли собой смешанную казанско-сибирско-татарскую группу населения.

Особую этническую группу на территории Тобольского уезда в конце XVI—XIX веке образовывали ясколбинские (заболотные) татары. Они населяли территорию большого болотистого края к западу и северо-западу от Тобольска. Название их «заболотные татары» в документах XVIII в. употреблялось и населением Эсколбинских юрт, стоявших на Иртыше. В XVII—XIX веках татары этой группы часто назывались «ясколба», «эсколбины» — именем какого-то племени, обосновавшегося в Заболотье. Основные особенности формирования этой группы следующие: 1) большая ее древность, связанная с наличием в говорах кыпчакского типа древнетюркского слоя; 2) значительность угорского компонента в результате смешения тюрков с манси и хантами; 3) наличие компонента культуры, связанного с самодийцами — предками ненцев; 4) отсутствие бухарского и казанско-татарского населения.

В итоге в общности сибирских татар мы выявляем более двух десятков компонентов, связывающих сибирских татар родственными узами почти с 30 народами нашей страны. Любой народ имеет сложное смешанное происхождение, нет «чистых» народов.

В следующем очерке, а он будет помещен во второй книге серии «От Урала до Енисея», мне хотелось бы рассказать об истории сибирских татар, их развитии в рамках дореволюционной России. Возможно, у читателей возникнут вопросы, ведь обо всем сразу не расскажешь. Я жду ваших писем, а если будет у вас желание помочь в изучении истории и этнографии сибирских татар и других народов и национальных групп Сибири, то и ваших материалов и предложений по адресу: 644077, г. Омск, 77, пр. Мира, 55а, университет, кафедра этнографии, Томилову Николаю Аркадьевичу.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ГЕНЕАЛОГИИ БАРАБИНСКИХ ТАТАР

В 1960—1980-е годы большое внимание уделялось этнографическому изучению различных групп сибирских татар, широко расселившихся в средней и южной полосе Западной Сибири на территории Тюменской, Омской, Новосибирской, Кемеровской и Томской областей. Барабинские татары — одна из территориально-этнических групп сибирских татар, поселения которых расположены в Барабинском, Кыштовском, Чановском, Карагатском и ряде других районов Новосибирской области.

Барабинцы в XVII веке относились к Тарскому уезду. Татарское население было сгруппировано в семи волостях и насчитывало на рубеже XVII—XVIII веков 850 человек. В начале XIX века татарское население Барабинской степи составило 2487 душ.

Путешественники, неоднократно посещавшие Обь-Иртышское междуречье, отмечали, что «волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за знатности живших там людей, а также из-за числа ее жителей. Поэтому татары называли ее Улу-Бараба, и вся местность между Иртышом и Обью получила у русских название Бараба и Барабинской степи, а все прочие тамошние волости названы по ее имени Барабинскими волостями».

Если среди татар и были группы иного (угорского, самодийского) происхождения, то они, как полагает Б. О. Долгих, к началу XVII века были тюркизированы. В конце XVII века в Тарском уезде появились калмыки и ханты (остяки).

Значительным событием в этнической истории Сибири XVII—XIX веков было формирование стабильного русского населения. Вместе с тем усилилось продвижение за Урал народов Поволжья. Русские селились чересполосно с аулами барабинцев. Частично

они, как и «пришлые» поволжско-приуральские татары, селились вместе с коренным населением. Так, по данным переписи 1897 года, из 55 населенных пунктов семи инороднических управ в 30 расселились русские (798 чел.). В Каинском округе, куда входили Барабинские волости, была расселена большая группа казахов — 2489 человек (в собственно татарских аулах их было 138 чел.). Перепись 1897 года зарегистрировала в последних также 29 башкир, 16 черкесов, 15 остыков и представителей других национальностей. Татарское население аулов состояло в конце XIX века из двух основных групп: коренных сибирских и поволжско-приуральских татар, переселившихся из европейской части страны. В 1897 году из 5260 человек татарского населения 4421 (84,0%) являлись коренными барабинскими татарами, 835 (15,9%) — «пришлыми» татарами, 4 (0,1%) — бухарцами.

Значительные изменения в расселении и этническом составе барабинско-татарского населения происходили в советское время. Наблюдается тенденция к укрупнению населенных пунктов татар, что связано с интенсивным развитием экономической и общественной жизни. Продолжалось увеличение численности татарского населения. В 1926 году насчитывалось 7258 барабинских татар. Всесоюзная перепись населения 1959 года показала, что в целом в сельской местности Новосибирской области проживало 12 509 татар, по переписи 1970 года численность татарского населения была 14 582 человека. По подсчетам Н. А. Томилова, собственно в барабинско-татарских деревнях в 1971 году проживало 8380 татар. Поселки татар преимущественно одинонациональны. Средний процент русских жителей в татарских аулах составляет 8,5%, а средний процент населения иных национальностей (казахов, чuvашей, башкир и др.) — 4,5%.

Как видим, переписи населения, проводившиеся в советское время, учитывали татарское население аулов Барабы безотносительно их происхождения — будь то коренные татары или «пришлые» из Поволжья и Приуралья. Между тем выделение различных по происхождению этнических компонентов населения составляет важную научную задачу этнографии. Почти полное отсутствие архивных данных по истории барабинских татар обусловило необходимость привлечения каких-либо дополнительных источников. Таким источником стали генеалогии барабинско-татарского населения. Генеалогия — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая происхождение родов, фамилий, отдельных лиц, родственных связей составлением родословий. В узком смысле слова генеалогия означает саму родословную. Отметим, что плодотворность и необходимость использования применитель-

но к сибирской тематике такого массового источника, как генеалогия, подтверждают многие исследования. В этом плане примечательна работа В. А. Александрова, который при изучении колонизации Енисейского края в XVII—XVIII веках широко привлек материалы крестьянской генеалогии. В. И. Васильев успешно применил семейно-кустовые генеалогические схемы для изучения этнической истории кенцев и энцев.

Среди барабинских татар первые записи генеалогий были сделаны в д. Тармакуль Чановского района Новосибирской области в августе 1972 года сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета. Летом 1973 года записи генеалогий проводили участники этнографической экспедиции ТГУ. В 1975—1978 годах этнографическое изучение барабинских татар было продолжено в рамках Западносибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета. Все полевые работы проходили под руководством Н. А. Томилова.

Таким образом, в 1972—1978 годах был создан новый массовый источник для изучения вопросов этногенеза и этнической истории тюркоязычного населения Барабинской степи. Всего за годы полевых экспедиционных работ было собрано 1568 генеалогий во всех пунктах современного проживания барабинских татар. В семье на мужа и жену составлялись отдельные генеалогии. Как показали сравнения с похозяйственными книгами сельских советов, опросом было охвачено в среднем 56,4% всего взрослого населения барабинско-татарских аулов. Как составлялись генеалогии? Вначале фиксировались подробные данные об информаторе: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, групповая этническая принадлежность, сведения об образовании и занятиях. Такие же данные записывались относительно родителей информатора, предков и родственников по отцовской и материнской линиям, а также детей информатора. Отмечались все перемещения членов семьи, сведения о заключении браков. Сейчас уже сравнительно немногие помнят своих предков, живших в конце XVIII—начале XIX века. Большинство опрошенных сообщали сведения, относящиеся к середине и концу XIX — началу XX века.

Анализ генеалогических схем позволил осветить целый ряд важнейших проблем этнической истории тюркоязычного населения Барабинской степи. Именно обобщение данных родословных позволило охарактеризовать современную этническую ситуацию в барабинско-татарских деревнях. Выяснилось, что среди всего тюркоязычного населения выделяются несколько групп, различаю-

шихся прежде всего по этническому самосознанию. При генеалогическом опросе к барабинским татарам отнесли себя 34,5%, к различным группам поволжско-приуральских татар — 43,37%, сибирскими татарами или просто татарами назвали себя 17,66% опрошенных.

Остальные определили себя бухарскими татарами, черкесами, татарами аялу.

На следующем этапе анализа генеалогий мы имеем возможность определить происхождение информатора из однонациональной или этнически смешанной семьи. Под однонациональными семьями понимаются этнически не смешанные поколения всех известных предков. Если среди родителей, дедов, бабок и т. д. опрашиваемого были, например, только барабинские татары, то он относился к выходцам из однонациональной семьи. Если среди них был хотя бы один представитель с иной этнической принадлежностью, информатор причислялся к выходцам из этнически смешанной семьи. Из всех назвавшихся барабинскими татарами 52,2% являются выходцами из этнически не смешанной семьи. В группе поволжско-приуральских татар выходцы из однонациональных семей составляют 78%. Изучение генеалогий каждой семьи дает возможность конкретизировать характер смешения барабинско-татарского населения. Из всей группы этнически смешанного населения 74,4% назывались именно барабинскими татарами. Как явствует из семейных родословных этих татар, основная часть смешанных браков разных поколений падает на браки коренных барабинских татар с поволжско-приуральскими татарами и их потомками — 86,8% всех ученых межэтнических связей этой группы. При анализе генеалогий барабинских татар — выходцев из этнически смешанных семей к первой группе относились этнически смешанные браки родителей опрашиваемых, ко второй группе — дедов и бабок, к третьей — прадедов и прабабок информаторов. Выяснилось, что 59,6% браков барабинских татар с представителями различных групп поволжско-приуральских татар относится к первой группе; 35,1% — ко второй группе. Очевидно, что активные процессы сближения обеих групп татар отмечаются с начала XX века.

По генеалогиям изучался этнический состав 27 населенных пунктов. Общая тенденция, отмечаемая относительно всех аулов, проявляется в том, что большинство выходцев из смешанных семей коренных барабинских татар и «пришлых» татар определяют себя именно барабинскими татарами. В то же время часть несмешанных в этническом плане барабинских татар составляет в среднем 18,3% общего числа опрошенных жителей аулов. Есть

группа аулов, где преобладает коренное тюркоязычное население, такие как Воробьево, Чаргары, Бергуль, Улук и др.

Некоторые семейные хроники рассказывают о барабинских татарах, живших в конце XVIII — начале XIX века. Они записаны в аулах Юрт-Угуй, Теренино, Шагир и др. Именно такие генеалогии позволяют судить о времени возникновения фамилий у барабинских татар. XV—XVII века — это время зарождения русских фамилий, большинство которых развило из отчеств. Фамилии барабинцев возникли по преимуществу из имен собственных. Наиболее ранние сведения по этому поводу встретились в а. Тандов. В середине XVIII века барабинский татарин Тунус дал начало фамилии Тунусовых. Следует отметить, что не всегда один раз возникшая фамилия оставалась неизменной. В ряде случаев она менялась от отца к сыну. Так, Абдулов Атаул Абдулович, 1847 г. р., живший в Тармакуле, фамилию взял по имени своего отца Хайдова Абдуллы, 1820 г. р.

Как уже отмечалось, одну из основных групп тюркоязычного населения Барабинской степи составляют поволжско-приуральские татары. Заметим, что название «поволжско-приуральские татары» употребляется только в литературе. Сами себя они называют татарами, казану, мишарями, кряшенами и т. д. Когда же появились группы татар из европейской части страны в Барабе? Наиболее ранние сведения о переселенцах-татарах записаны в а. Кошкуль Чановского района. О своем прапрапрапрадеде Яхье Сулеймановиче рассказала Каримова Зайнаб Фазыловна. Он приехал в а. Тармакуль в начале XVIII века из Симбирска. Уже в Кошкуле родились его сын Архгул и внук Мингул, а от правнука Абдулкарима пошла фамилия Каримов, которую носил дед информатора Каримов Саттар Каримович (1860—1934). В конце XVIII века в а. Кошкуль приехал мишар Наурис. Сын его Мухаметша не имел фамилии. Но от его имени произошла фамилия Мухаметшин. Представитель этой генеалогической линии Мухаметшин Аллояр, мишар, 1898 г. р., проживал в а. Кошкуль.

Переселения татар из европейской части в Барабинскую степь в первой половине XIX века и ранее носили единичный характер — 9,5% всех учтенных переселений. Массовый приток поволжско-приуральских татар в барабинско-татарские аулы имел место в 1870—1890-х годах (17,2% всех учтенных переселений), в 1900—1917 годах (37,2%), 1917—1941 годах (30,3%). В дальнейшем переселения татар из Поволжья и Приуралья вновь стали эпизодическими.

Семейные хроники сообщают в ряде случаев и о конкретных причинах переезда на новое место жительства. Некоторые прибы-

вали до революции на поселение в Барабу как ссыльные, некоторые убегали в Сибирь, спасаясь от изнурительной 25-летней службы в царской армии. Тех же, кто добровольно и «неорганизованно» переселялся в Сибирь, называли «самоходами».

Сначала браки «пришлых» и коренных татар «не разрешались», самим переселенцам давались обидные прозвища, да и люди этих групп, как сообщают старожилы, селились на разных концах деревень. Данные явления наблюдались, однако, весьма непродолжительное время, чему способствовал постоянный в конце XIX — начале XX века приток татар из-за Урала.

Обычно поволжско-приуральские татары переселялись семьями. Иной раз в Барабу «приезжали» целые деревни. Так, основное население а. Новокочемка Чановского района составляют бывшие жители д. Кряжлы Оренбургской губернии, пришедшие в Сибирь в 1911—1912 годах.

Конечно, информаторы не всегда называли тот населенный пункт, откуда переселился их предок. Чаще всего данные генеалогий на этот счет ограничивались указанием губерний или городов, вблизи которых или в которых жили их предки.

Как выяснилось при изучении генеалогий, среди татарского населения аулов Барабы встречались представители других территориально-этнических групп сибирских татар. Большинство из них — тарские татары, именующие себя аялу (аялы). В настоящее время они проживают в д. Альменьево Кыштовского района, Аялукце Чановского района, Усманке Кыштовского района, Кыштовке и д. Воробьево Венгеровского района. Самая многочисленная группа тарских татар расселилась в д. Альменьево. В конце XVIII века здесь жил инородец аялу Казым, от имени которого и образовалась фамилия Казымов — ее стал носить сын его Абдуллай (1809 г. р.). Правнук Абдуллай, Казымов Калимулла (1890 г. р.), в 1973 г. проживал в Альменьево, считал себя аялукским инородцем, как и его родственники Казымов Аплехат и Дамнова (Казымова) Минсулу. Часть тарских татар переселилась в Барабу в советский период. По генеалогиям отмечены также случаи переселения тобольского татарина (1930-е годы) и тюменского татарина (1950-е годы). Их потомки считают себя барабинскими татарами.

Как видим, семейно-родственные связи между барабинскими и другими территориально-этническими группами сибирских татар эпизодичны в настоящее время, каковыми были и в прошлом.

По родословным прослеживаются связи барабинско-татарского населения с народами Средней Азии и Казахстана. Давнюю историю имеют связи с казахами. Путешественник А. О. Мидден-

дорф писал в 1870-е годы: «Самую северную ветвь киргизов (казахов.—Н. К.)... я встретил в разных деревнях Барабинской степи. Они там не только нанимаются в пастухи, но и остаются по большей части на зиму». Казахи, как показала перепись 1897 года, были расселены и постоянно в татарских аулах, живут они там и сейчас (аулы Тебисс, Кошкуль, М. Тебисс Чановского района, Чаргары Венгеровского района, Мусы Каргатского района и др.). В аулах М. Тебисс и Чаргары отмечены случаи смены казахами своего этнического самосознания. Так, правнук казаха Абакирова Намазбая Пахретинов Салимчан, проживающий в а. Чаргары, считает себя, свою мать и деда барабинскими татарами. В настоящее время большая группа казахов Новосибирской области живет в своих отдельных аулах, расположенных чересполосно с другими населенными пунктами и аулами татар. Казахи и барабинцы вступают в семейно-брачные связи.

Издавна приезжали торговать в Бараду бухарцы. Об этом имеются исторические сведения. Часть приехавших из Средней Азии оседала в барабинско-татарских аулах. Так, Мухаметов Мухамет, узбек, приехал в Ян-аул из Бухары в начале 1880-х годов. Проживающая ныне в а. Воробьево его правнучка считает себя барабинской татаркой. Дочь Абдулова Намасвата, приехавшего в а. Ал-балык из Самарканда в конце XIX века, также считает себя барабой. Потомки Кучагалеева Мухамеда, бухарца, переселились в а. Ак-балык из Муромцевского района Омской области. Бухарцев в Барабе было немного, значительная группа выходцев из Средней Азии влилась в состав тарских татар, история которых изучена Ф. Т. Валеевым.

Несколько черкесов с Кавказа появились в Тебиссе Чановского района, в основном как ссылочные в 1870-е годы.—Амиробы, Кабировы, Муртазалиевы, Фаруковы, Хадыровы, Хасановы. Здесь они женились на местных татарках, дети от этих браков приняли фамилии матерей и стали считать себя барабинскими татарами.

В 1971—1973 годах во время экспедиций в Новосибирскую область впервые было записано около 50 названий групп родственных семей барабинских татар, а также материалы, характеризующие эти группы. Общим термином для них является слово «тугум», «тогем», объясняемое информаторами как «наследство», «роды», «породы», «круг родственников» и т. п.

Все тугумные наименования барабинских татар можно подразделить на несколько групп. К первой относятся названия, возникшие от названий птиц, животных, рыб: «куян» (заяц), «тургай» (жаворонок), «этин» (собака), «буре» (волк), «карга» (ворон), «торна» (журавль), «кас» (гусь) и др. Тугумные наимено-

вания второй группы характеризуют действия людей, особенности их характера: «коит» — «люди, живущие на отшибе», «орлаш» — «криклиые, забияки», «тускай» — «люди, июхающие табак из берестяной табакерки», «штанак» — «порода от мальчика, родившегося через штанину женщины», «макы» — «несамостоятельные» и др. Названия тугумов третьей группы ведут начало от имен действительных или легендарных основателей тугумов: Чунгур, Иртышак, Куртанак, Кочем, Шагир и др. К четвертой группе относятся названия тугумов этнографического характера: «сарт», «таленгут», «калмык», «иштяк», «сахтар». Некоторые тугумные наименования информаторы не смогли объяснить: «ресмат», «палмыш», «тонгут», «пимай», «кумай», «кура», «вуаляж». Отметим также, что этнонимы более широкого распространения, такие как «казану», «мишар», «типтар», «чистай», «нугай», «башкурт», в ряде случаев также выступали в качестве названия тугумов. «Пришлые» татары были автоматически включены в систему тугумов, не характерную для татар Поволжья. В прошлом существовала «запись на породу» татар-переселенцев. Делалось это с целью перехода из крестьянского сословия в инородческое для пользования льготами, предоставлявшими последнему.

Многие наименования тугумов сохранились лишь в памяти татар, безотносительно конкретных представителей. Однако в ряде случаев родословные дают информацию о принадлежности той или иной фамилии (семьи) к конкретному тугуму. Так, например, сообщившее данные о предках население а. Кошкуль условно можно разделить по группам родственных семей.

При записи генеалогии к тугуму «респай» отнесли себя 17 взрослых жителей аула, причем 6 из них именно наименованием тугума определили свою этническую принадлежность. Семь информаторов (из 17) этническую принадлежность своих родителей также обозначили тугумным наименованием «респай». Пятнадцать жителей а. Кошкуль относятся к тугуму «пулмух». Троє опрошенных только тугумным наименованием определили свою этническую принадлежность, в четырех случаях так была обозначена национальность предков. Представляется, что в описанных ситуациях названия тугумов выступают в качестве этнонимов.

Большой интерес для исследования представляют такие названия тугумов, как «сарт», «таленгут», «калмык», «иштяк», «сахтар». Сведения о породе «сарт» записаны в а. Аялудк. Кроме того, этот этноним зафиксирован в гидронимике Барабы. В среде сибирских татар сартами именуют так называемых «сибирских бухарцев». В данном случае этноним «сарт» относится к выходцам из Средней Азии.

Татары рассказывают, что остыков они зовут «иштяк». Этноним «остяк» был до революции очень нечетким и нередко не соотносился с какой-нибудь определенной этнической группой. Барабинцы контактировали и с собственно «остяками» (хантами). Например, А. О. Миддендорф в XIX веке сообщал: «В верховых Оми я встретил два остыцких семейства. Это были самые южные форпости, охотившиеся с барабинцами в одних и тех же местах». Н. Костров сообщал, что в северную часть Каинской Барабы ежегодно заходили «остяки и самоеды Нарымского края». Таким образом, можно полагать, что название тугума «иштяк» относится к тюрканизированным угорским элементам, влившимся когда-то в этническую среду барабинцев.

Анализ таких тугумных наименований, как «калмык», «курчак», «таленгут», «сахтар», позволяет наметить пути поиска этногенетических связей барабинских татар.

Б. О. Долгих в своем исследовании по родоплеменному составу народов Сибири в XVII веке пишет о калмыках-коурчаках, кочевавших в Барабинской степи. Н. Г. Потанин писал, что для сбора ясака в Барабу «... приезжает ежегодно до 20 калмык». И. Е. Фишер сообщал, что в 1646 году «... барабинцы жаловались, что калмыки поселились в их степи... нанесли великий вред их звериному промыслу». О каких калмыках идет речь? «Белыми калмыками» называли в исторических документах телеутов. Они кочевали по всей Юго-Западной Сибири, распространившись во второй половине XVII века вплоть до Иртыша. Барабинцы и телеуты имели общую границу по южному берегу о. Чаны, по нижнему течению реки Каргат, по верхнему и среднему течению р. Чулым. Скорее всего, название пород «таленгут» и «калмык» относится к южно-алтайским этническим элементам, телеутам или теленгитам. Как установил Н. Т. Валеев, в этнической истории соседних барабинцам тарских татар заметный след оставил ассимилированные последними группы таленгитов (телеутов).

Название породы «сахтар» записано в а. Юрт-Угуй. Это форма множественного числа от термина «сах (саха)», который является самоназванием якутов. В а. Кошкуль был записан тугум «суккар». Поэтому нам и важен тот факт, что у В. А. Радлова «сахалар» также названы «суккар». Эти данные свидетельствуют о возможности этногенетической связи барабинских татар и якутов.

Коротко о самом этнониме «бараба». Известно несколько преданий о его происхождении. Наиболее характерно следующее: «Кучум-хан звал татар кочевать в другое место. Татары не хотели, отвечали — барам — приедем. Он три раза звал их. Они не ехали. Тогда он сказал им: «Барма сан — оставайтесь здесь и

будьте бараба — оставшиеся». Комментируя этноним, исследовательница языка барабинских татар Л. Дмитриева пишет, что слово «Параба (Бараба)» образовано посредством тюркского глагола «пар» (в отрицательной форме «парма» — «не идти»). Вероятно, отмечает она, это народная этимологизация древнего (возможно, не тюркского) названия местности и народа.

Таким образом, материалы о тугумах отражают разные направления этнических и этноисторических связей барабинских татар с народами Алтая, Средней Азии, этносами таежной полосы Западной Сибири. Данные о группах родственных семей подтверждают целый комплекс выделенных на материалах этнографии, антропологии, археологии и лингвистики связей с названными этническими массивами.

Необходимо, однако, отметить, что социальная сторона тугумов — групп родственных семей — практически еще не изучена.

Как видим, семейные родословные татар Барабинской степи являются для этнографа ценным источником. Обобщение данных генеалогий позволило представить относительно полную картину современного этнического состава тюркоязычного населения Барабинской степи. Генеалогии в массовом объеме оказались перспективными для изучения соотношения и степени смешения двух основных групп: коренных барабинских татар и «пришлых» полусибирьско-приуральских татар и их потомков. Кроме того, раскрывается явный переход пришлого татарского населения на этническое самосознание барабинских татар. Ценность родословных заключается также в том, что они позволяют изучать хронологически разные этапы этнической истории народов.

В составе современных барабинцев по генеалогическим материалам выявлены и другие этнические компоненты — казахи, черкесы, бухарцы, представители других территориально-этнических групп сибирских татар. Среди последних наиболее заметной оказалась группа тарских татар (аялу).

Сведения, почерпнутые из генеалогий, относятся в массе своей ко второй половине XIX — началу XX века, хотя часть их охватывает и более ранний период. Другими словами, этот вид источника ограничивает исследователя вполне определенным промежутком времени. Тем не менее круг вопросов, поднятых и решенных на массовом материале генеалогий, оказался довольно обширным.

УЗОРЫ СИБИРСКИХ ТАТАР ОМСКОГО ПРИИРТЫШЯ

Сибирские татары образуют значительный массив тюркского населения Западной Сибири. В Омской, Новосибирской областях из ныне живущих здесь народов это наиболее ранние наследники. Много татар обитает в Тюменской и Томской областях. Народ земледельцев, охотников и рыболовов в результате своего длительного развития сформировал богатую, насыщенную разнообразными формами культуру.

Еще в начале 1970-х годов мы практически ничего не знали о декоративно-прикладном искусстве сибирских татар. Сегодня же это наиболее исследованная проблема. Определенный вклад в собрание народных татарских узоров сделал доктор исторических наук, уроженец села Яланкуль Большереченского района Ф. Т. Валеев. Специальное, углубленное изучение татарской орнаментики стало одной из основных задач группы этнографов Омского государственного университета, возглавляемой доктором исторических наук, профессором Н. А. Томиловым. Было проведено сплошное обследование татарских деревень в Усть-Ишимском, Тевризском, Тарском, Муромцевском и других районах. Если учесть, что до этого в музеях хранились очень небольшие коллекции по художественной культуре татар, а публикации отсутствовали, собранные материалы сохранят для потомков декоративное наследие одного из древних народов Западной Сибири.

Следует отметить, что данная собирательская деятельность была проведена весьма своевременно. Отдельные составные части комплекса традиционного татарского искусства начали исчезать под воздействием развития капитализма в конце XIX — начале XX века. В тот же период этот процесс, с одной стороны, сопровождался усилением влияния русских традиций, с другой — боль-

шое воздействие оказывали казанские татары, которые в это время приняли активное участие в переселенческом движении. Но вплоть до 1930-х годов основной фонд художественной культуры воспроизводился. Коллективизация послужила мощным толчком разрушения ее целостности. Одно за другим уходили декоративные ремесла, забывались технологические приемы, выходили из обихода вещи, умирали последние мастера. Все эти процессы протекали стихийно. Никто специально художественную культуру не разрушал, но и не сохранял.

В тот период, когда начались полевые экспедиционные работы, многие духовные ценности были безвозвратно утрачены, большинство художественных предметов не изготавлялось. Но еще немало уникальных вещей обнаруживалось в сундуках, на чердаках и в сараях. Многие из них сохранились случайно в домах старой постройки. Кроме того, они составляли как бы часть быта людей пожилого возраста, сохранялись ими как память о прошлом, о родителях. В то же время было заметно, что молодые люди зачастую равнодушны к старине. Развернувшееся позднее обновление жилого фонда сопровождалось массовым уничтожением «рухляди». После смерти стариков часть их вещей раздавали соседям в качестве «садака» — символической милостыни. Чужое, как известно, долго не хранится. Большая часть вещей умерших людей попросту сжигалась.

Из жизни уходили не только старинные, богато украшенные вещи, но прежде всего люди, которые являлись носителями традиций, передававшихся ранее из поколения в поколение. Последнее время мы уже находили только тех, кто знаком с декоративным искусством лишь по рассказам родителей. В старческий возраст вступило поколение людей, чья молодость прошла в военный период. На нашем пути в одной из последних экспедиций 1989 года встречалось немало деревень, где не только не было обнаружено ни одной старинной вещи, но и не было записано ни одного листа в полевых дневниках.

Нельзя допустить, чтобы декоративно-прикладное искусство татарского народа было предано забвению. Ведь оно создавалось столетиями, сохраняя для потомков лучшие образцы талантливых произведений. В этом искусстве выражена сущность национальной художественной культуры. Уже первое знакомство с предметами, выполненными татарскими мастерами, поражает яркостью красок, насыщенностью орнаментальных форм, богатством изобразительного ряда. Анализ декора показывает, что он в полной мере отражает историю татарского народа. Здесь нашли воплощение связи с народным искусством казанских татар и других

тюркских народов Восточной Европы. Немало интересных черт орнаментики появилось в XVIII—XIX веках, благодаря выходцам из Средней Азии — сибирским бухарцам. В сибирско-татарском искусстве мы находим немало узоров, которые говорят о контактах с народами Севера и Алтая. Татары Омской области активно взаимодействовали с русским населением, что в полной мере проявилось в искусстве.

Скульптура и изобразительное искусство не получили широкого распространения у сибирских татар. До принятия мусульманства было изготовление деревянных фигурок домашних хранителей в виде кукол (коурчак). До середины века прослеживается традиция сохранения домусульманских верований. В это время существовала мягкая скульптура. Так называемых кукол делали из кусочков ткани, бус, бисера. Видеть их нам не довелось, хотя еще в середине 1970-х годов нам указывали на семьи, которые хранили у себя кукол.

Сюжетный рисунок встречался у татар до конца XVIII века. Затем он исчез под влиянием мусульманства, запрещавшего изображать живые существа.

Наиболее полно основы национальных традиций воплотились в орнаментальном искусстве, которое достигло у сибирских татар высокого уровня. Материалом для нанесения орнамента в XIX — начале XX века тарским и курдакско-саргатским татарам служили дерево, береста, металл, глина, ткань, кожа, войлок.

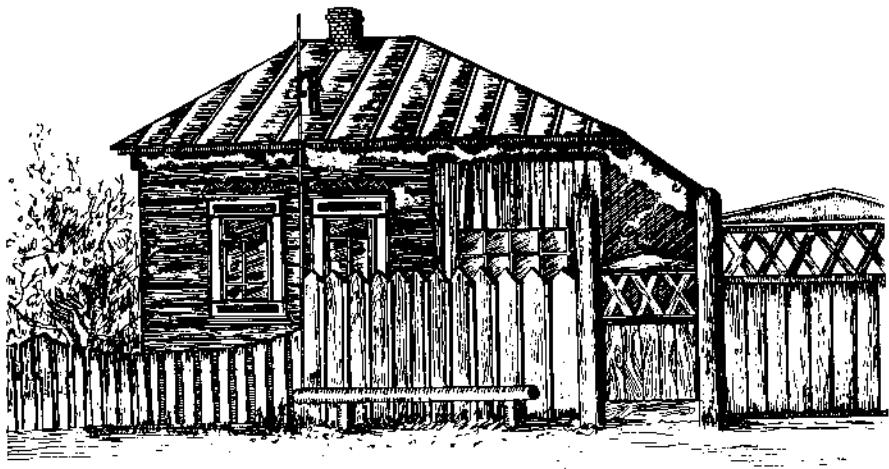
Наиболее жизненно важным материалом не только в лесной, но и лесостепной зонах для сибирских татар было дерево. Из него изготавливали жилища и многочисленные предметы быта. Обработку дерева осуществляли мужчины. Как правило, каждый хозяин сам делал и декорировал изделия домашнего обихода, жилище. Довольно часто изготовление орнаментированных изделий поручалось особо искусному плотнику из числа близких родственников. Вместе с тем среди сибирских татар были мастера, которые специально занимались деревообработкой. Они занимались на работу к жителям своей же или соседней деревни. Обычно заказчик сам ездил к резчику и договаривался об оплате. Объем и сложность украшений зависели от достатка хозяина. О том, как далеко зашла специализация в плотницком ремесле, свидетельствует тот факт, что в Усть-Ишимском и Тарском районах к концу XIX века сложились даже артели, которые на многие месяцы уходили на заработки, передвигаясь от деревни к деревне. Имена этих мастеров и сейчас хорошо помнят в татарских селах. Часть наличников в деревнях сибирских татар изготовлена русскими, сибирскими бухарцами, казанскими татарами.

Декоративное искусство этих народов, и в первую очередь русских, оказало определенное влияние на архитектурный орнамент тарских и тевризских татар.

Обитаемый мир, окружающий человека, был насыщен деревом. Это естественный мир лесов, колков и преображеный ландшафт деревни. Сама деревня (юрты) представляла собой комплекс художественно обработанной древесины, отражающей взгляды человека на мир, эстетические вкусы и высокий уровень плотницкого мастерства. Татарские юрты обычно расположены на возвышенном берегу реки, реже — озера. Место для селения выбиралось очень живописное, с красивым видом на лес и реку. Интересной была планировка поселения. Мы можем встретить дома, вытянувшиеся в один или несколько рядов. Но кроме того, обнаруживается бессистемная планировка с запутанными лабиринтами кривых улиц.

В каждой деревне на самом видном месте, хорошо просматриваемом отовсюду, стояла мечеть. Она служила центром, на котором была связана вся планировка поселения. Сама мечеть, являвшаяся самым крупным и высоким зданием в деревне, образовывала вертикаль, которая подчеркивалась устремленным в небо минаретом. Мечеть строилась всеми жителями, ее украшению придавалось большое значение. Изготавливали ее очень тщательно из толстых бревен, на века. Мечеть имела вытянутую пятистенную конструкцию с выступом в торце, чаще прямоугольной формы типа алтарной апсиды. Шестигранный минарет с внутренней лестницей завершался открытой площадкой под высокой конусовидной крышей, увенчанной шпилем с полумесяцем на конце. Выполнение резных наличников, карнизов, ажурного крыльца доверялось только лучшим мастерам. Не вызывает сомнения, что мечети были подлинными шедеврами народного зодчества, радующими глаз и пробуждающими глубокое уважение перед трудом татарских мастеров.

Все эти мечети начали разрушать еще до коллективизации как памятники религиозного мракобесия. Многие из них перекатали в первые школы. До 1980-х годов в Омской области сохранилось лишь три мечети. Вызывает большое беспокойство, что здания стоят в полном запустении, в каком-то отчуждении от населения деревни, их жизни. Немалая часть людей пожилого возраста татарской национальности придерживается религиозных воззрений. Почти в каждой деревне имеется непрофессиональный мулла, так сказать, на общественных началах. В условиях современной веротерпимости, возможно, следовало бы предоставить лицам мусульманского вероисповедания хоть одно место в сель-

Усадьба татар Тевризского района.

ской местности для создания своего центра. В других мечетях целесообразно создать сельские музеи.

В XIX — начале XX века в татарских деревнях встречались различные типы домов (ой, уй). Еще от седой древности сохранились землянки, мазанки с плетневыми стенками. Но основными типами жилища становятся бревенчатые дома. Многие их конструктивные детали были заимствованы у русского населения. На величину и устройство жилища влияли климатические условия, местные традиции, а также социальное положение владельца. Наиболее зажиточные строили 2-этажные большие дома, сердняки строили пятистенки, а беднота довольствовалась однокамерными избами. Дома ставили на подклети, пол находился высоко над землей. Крыша была двух- или четырехскатной, крытая тесом. Перед входом устанавливалась открытая платформа, заменившая веранду. Излюбленными материалами для домостроения служили кедр и сосна. Лиственницу, как «чертово дерево», применять избегали. В непосредственной близости от дома располагались надворные постройки — сараи, навесы, амбары, бани. Усадьба огораживалась забором, составной частью которого являлись ворота, чаще двухстворчатые.

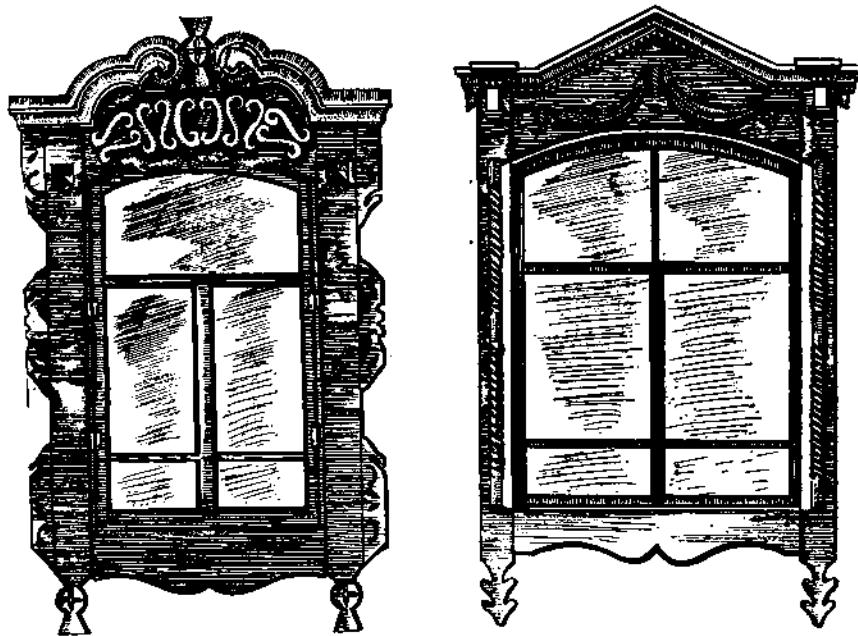
Строения сибирских татар основаны не только на утилитарных началах, но и эстетических канонах. Жилища насыщены дополнительными элементами декора, что делает их привлекательными и функциональными.

Декоративные украшения.

тельными украшениями. Для нас чрезвычайно важно, что декоративное оформление жилища является не только частью старого быта, но и элементом современности. Поэтому домовой архитектурный декор сибирских татар заслуживает особого внимания. Определенные виды украшения жилища существовали, видимо, у сибирских татар еще с периода Сибирского ханства. Но расцвет художественного оформления жилища связан с русским влиянием. Появляются такие виды архитектурных украшений, как охлупень и причелины на крыше, карнизы, оконные наличники, резное крыльцо, декоративные ворота и заборы. Так же как и у русских старожилов, главное внимание уделялось наличникам. Наблюдается и сходство в этапах развития декора. В XIX веке преобладала золотная выемчатая резьба. Украшения этого времени лаконичны, просты по форме. Здесь преобладают прямолинейные геометрические узоры. Почти одновременно с русскими (в конце XIX века) у татар появляются пропильные узоры.

Новый инструмент — лобзик существенно изменил не только технологию изготовления орнамента, но и сами узоры. Выпиленный декор все чаще имел криволинейную форму. Этот тип резьбы значительно усложняет декор жилища. Наиболее богатые дома покрываются сплошной сетью деревянного кружева. Круги, спирали, растительные побеги насыщают плоскости домов. Некото-

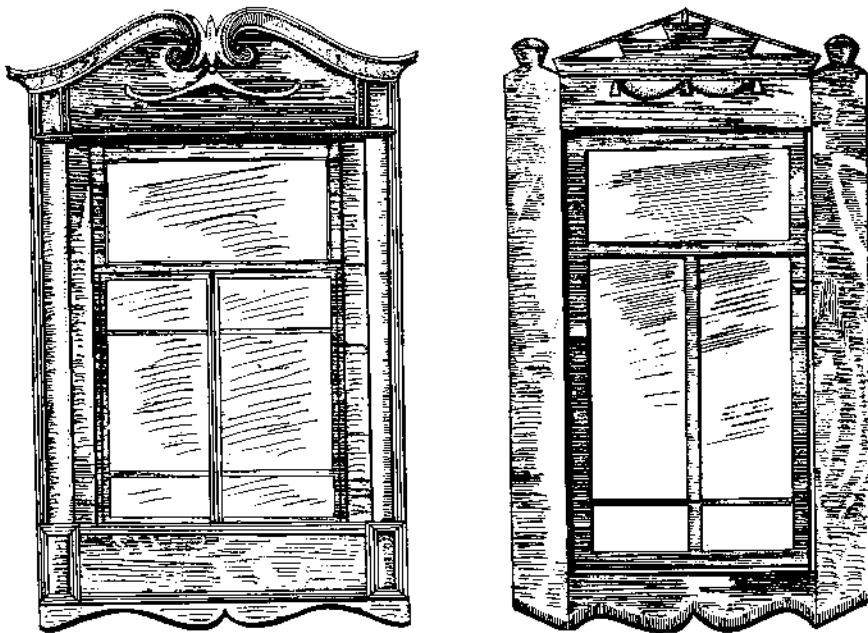

Наличники окон.

рые мотивы орнамента восходят к русским образцам, хотя и осмысливаются в настоящее время местным населением как чисто татарские. В пропильной резьбе встречаются узоры, перенесенные татарскими мастерами с вышивок, тканых и войлочных ковров.

Велик перечень предметов утвари, которые народные умельцы вырезали из дерева. Резьба наносилась на посуду — чашки, блюда, а также на коробки, сундуки, части ткацкого станка. К сожалению, большинство из них перестало бытовать еще в начале XIX века и заменено фабричными изделиями. До нас дошло очень мало таких вещей. Среди них выделяются огромные блюда с ручками в виде головы лебедя или утки, резные шкатулки. Раскраска деревянных предметов практически не применялась, она появилась лишь в 1920-е годы.

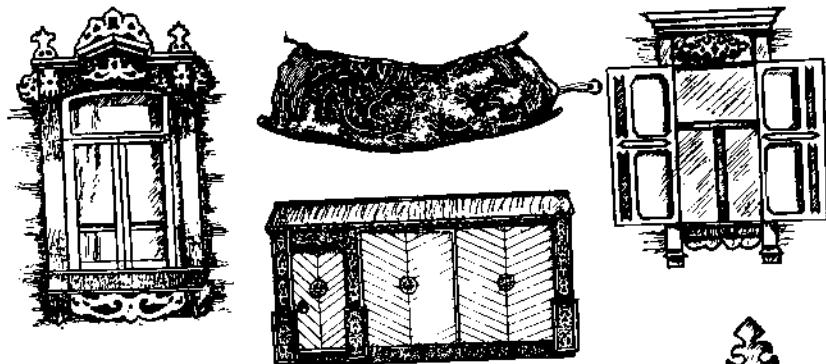
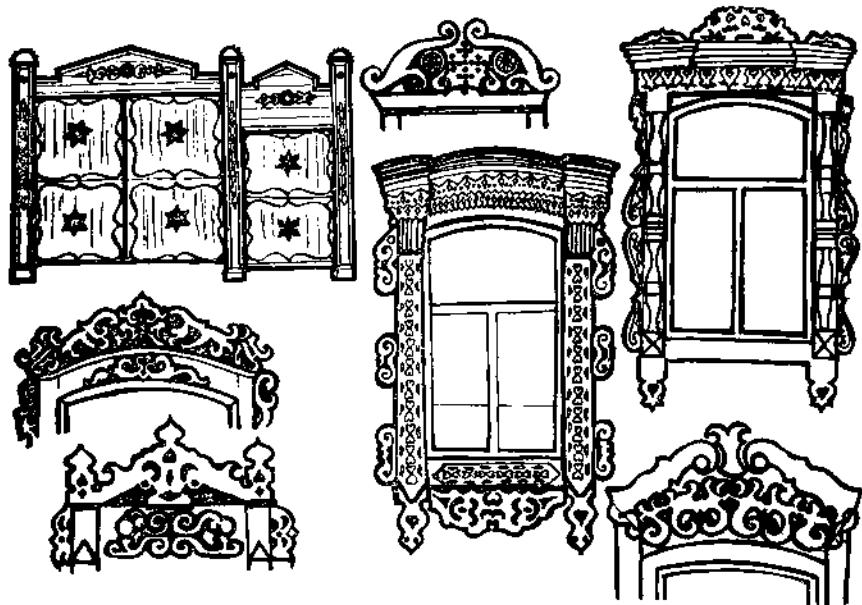
Итак, мы побывали в татарской деревне, прошли по ее улицам. Но прежде чем зайти в дом и познакомиться с его внутренним убранством, следует заглянуть на сельское кладбище. По

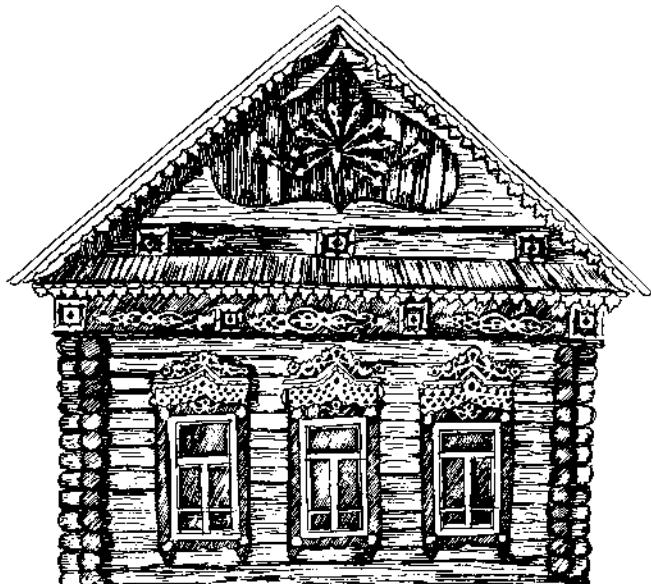
Наличники окон.

шариату, женщинам и иноверцам на его территорию заходить не полагается. Остановившись около ограды, мы увидим, что мощные хвойные деревья, кусты образуют здесь непроходимые заросли. Над могилами сооружаются крупные срубы наподобие домиков, которые первоначально и осмысливались как дом мертвых. Кроме того, делают и дощатые ограды, сплошь покрытые прорезными узорами. В Усть-Ишимском районе рядом со срубами устанавливают орнаментированные столбы, которые можно назвать подлинными произведениями искусства. Они имеют высоту от 2 до 5 метров. Их граненая или круглая поверхность сплошь покрыта узорами. Назначение этих столбов нам выяснить не удалось. Подобные предметы не встречаются у других групп сибирских татар. Их можно найти у народов Средней Азии и Якутов, где они использовались как коновязи.

После того, как мы рассмотрели внешний облик татарского дома XIX — начала XX века, перейдем к описанию его интерьера. Для этого выберем наиболее типичный пятистенок человека

Декоративные элементы украшения жилища.

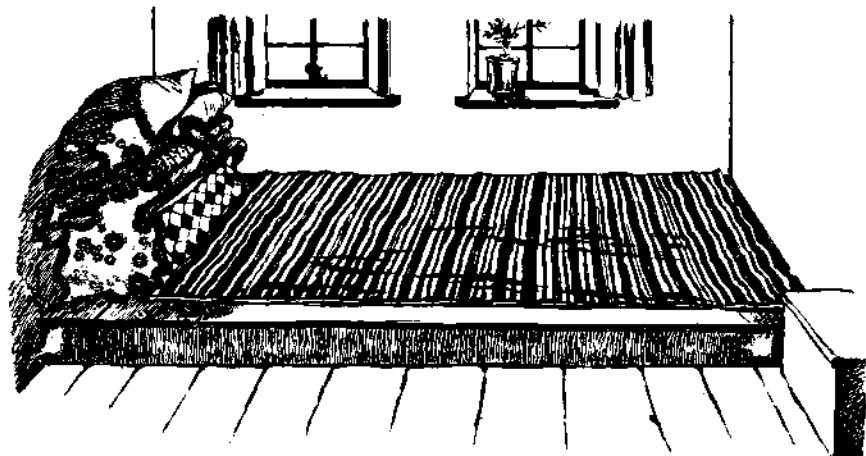

Фронтон дома.

среднего достатка. В бедняцком доме набор предметной среды очень ограничен, а в кулацком быт был насыщен дорогими городскими и импортными вещами.

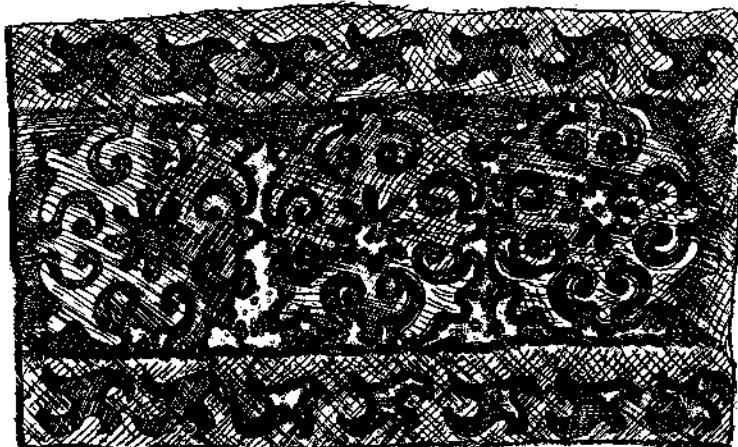
Поднявшись по крутой лестнице на платформу перед домом и открыв маленькую (для сохранения тепла) дверь, мы попадем в сени (ауле). Они представляют собой длинную пристройку, зачастую разделенную на две половины. Сени использовались для хранения продуктов, орудий труда и утвари. Чего здесь только не было — деревянные ступы и маслобойки, сундуки и ящики с одеждой, керамика, берестяные сосуды. Войдя в дом, мы сначала попадем в черную половину. В глаза прежде всего бросаются русская печь или чувал. Последний является наиболее ранним типом очага. Он выполнялся в виде конической трубы, похожей на камин. Единственный чувал, который мне когда-либо приходилось видеть, находился в д. Утузы Тевризского района.

Важнейшей частью интерьера татарского дома являлись нары (урынтык). Нары имели вид большого помоста высотой 50 см. Они занимали третью часть или же половину комнаты. Нары — это место для отдыха, сна, обычной и праздничной трапезы. Здесь

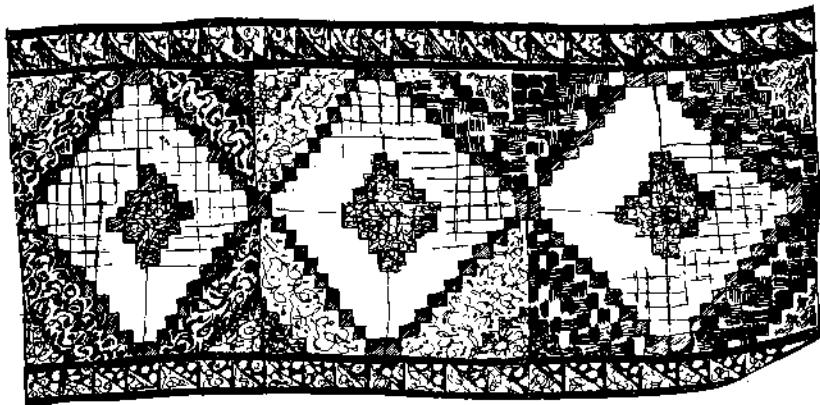

Интерьер дома.

же выполняли некоторые виды работ. Данный помост являлся декоративным центром жилища. С одного его края располагался дорогой, богато украшенный сундук с одеждой. На него горкой складывали подушки и одеяла, покрытые аппликативными или ткаными коврами. Поверх всех нар клади толстую стопку мягких

Войлочный ковер.

Ковер из лоскутков ткани.

подстилок. Первым слоем накладывали камышовую циновку (иган) или войлочный ковер (киис). Порой их использовали одновременно. Следующие слои — это безворсовые шерстяные ковры, число которых зависело от достатка семьи. Сначала стелили полосатые ковры (аламыш или урмак). Верхний слой состоял из наиболее нарядного, красивого ковра с рисунком в виде ступенчатых ромбов (клям). На нарах выделялось особо почетное место (тур), которое старались украсить особенно тщательно. Дополнительный эффект орнаментальной насыщенности достигался применением тканых лоскутных одеял и ковров (курама). Все эти предметы, чрезвычайно плотно заполняемые орнаментальными композициями, подолгу задерживают внимание зрителя.

Следует заметить, что сибирские татары весьма сдержанно украшали стены. На деревянных или побеленных стенах мы находим изречения из корана, включенные в рамки, зеркала, оправленные в резные рамы, изредка вышитые полотенца и салфетки. Развившаяся под влиянием русских настенная кистевая роспись встречалась только в богатых домах. Интерьер дополнялся шкафчиками и полками с посудой, низким столиком, кумганом для умывания и другими вещами. Многие из них были любовно украшены орнаментом.

Если рассматривать внутреннее убранство татарского дома в целом, можно заметить, что оно четко делится на продукты мужского и женского труда. Кроме многочисленной деревянной утвари мужчины уделяли большое внимание украшению изделий из бересты. Они выполняли большие заплечные кузова (кояз), ук-

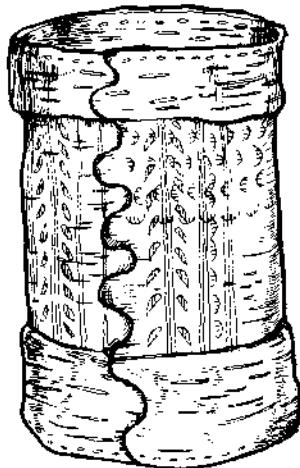

Зеркало и полотенце, использующиеся для украшения интерьера.

рашая их профилировкой краев в виде зубчатых полос. Большого совершенства достигло изготовление туесков и табакерок с деревянным дном. Их берестяные стенки покрывались рядами штампованных узоров. Древним ремеслом татар было керамическое ремесло, которым также в основном занимались мужчины. Горшки самых причудливых форм оформляли штамповкой, кистевой росписью, прочерченными узорами.

Среди тарских и курдакско-саргатских татар встречалось немало искусных кузнецов и ювелиров. На одну-две деревни приходилось по одному мастеру. У населения находили спрос изделия, сработанные сибирскими бухарцами и казанскими татарами. Существовала целая категория бродячих ювелиров. Они переходили из одних юрт в другие и подолгу работали на заказ. Излюбленным материалом для поделок служило монетное серебро. Почти все ювелирные украшения входили в состав жен-

ского национального костюма как обязательный элемент. Праздничный костюм включал обильные наборы предметов, которые весили не один килограмм. Этот набор состоял из браслетов, колец, подвесок для кос, серег, пуговиц, пряжек и т. д. Зачастую на каждой руке было по 3—5 браслетов, на каждом пальце кольцо и т. д. Кроме того, камзол сплошь зашивался серебряными монетами. Каких только монет мы не встречали. От американского доллара до екатерининского рубля. Украшения, как правило, передавались по наследству по материнской линии. Мастера применяли в своей работе разнообразную технику — плоскую сказь, гравировку, сердоликовые вставки. На изделиях мы видим изображения цветов, листьев, геометрический орнамент, надписи.

Берестяной туес.

Наибольшее число орнаментированных предметов, заполнявших интерьер, выполнено из мягких материалов. С давних пор это область женского прикладного искусства. Рукоделием очень плотно было заполнено все время, оставшееся от основной работы. Сколько сил необходимо было вкладывать в каждое ремесло! Девочки обучались техническим приемам орнаментации с раннего возраста. В 10—13 лет они уже могли прядь и ткать, вышивать. Обучением занимались матери, а также люди преклонного возраста. Особенно много рукодельничали незадолго до замужества. Зачастую зимой девушки работали вместе. Они собирались группами по домам, во время прядения, вязания пели, рассказывали сказки. Такие посиделки порой превращались в творческую мастерскую, где копировали узоры со старых предметов, делились наиболее удачными композициями, разрабатывали новые узоры. Большинство декоративных ремесел татар Омской области не вышло за рамки домашнего производства. Но такие области, как ковроделие, частично вышивка, орнаментированная береста, в конце XIX века приобрели характер товарного промысла.

Пожалуй, самым трудоемким процессом в женских ремеслах было ткачество. Не случайно многие старушки из уже ушедшего поколения вспоминали это ремесло с двояким чувством сожаления о его утрате и с облегчением, что больше не надо делать длинную череду тяжелых операций. Лен необходимо дергать, со-

бирать его в копны, мочить, сушить в бане, протаскивать через мялку, чесать через гребни, вычесывать, прядь, нити перематывать в клубки, с клубков в мотки, красить, сушить, перематывать, снова и т. д. И это еще только начало. Затем нити надо сновать, заправлять в ткацкий станок (турап урын), заправлять членки. Ряд приемов ткачества требовал высокой квалификации, хорошего владения счетом. Ковры аламышы ткать было проще всего. При сновании на стене просчитывались полосатые узоры. Нити основы образовывали полосатые узоры из чередования узких и широких линий самых разнообразных цветов. Тканая полоса была очень узкой — 15—25 см. После ее завершения разрезали сотканное на куски и затем сшивали в большие ковры.

Второй тип ковров (клям) имел иную технологию. Основу их делали однотонной, узор получался за счет разноцветных уточных линий. Для образования утка одновременно применяли более десятка членков. Эта техника позволяла соткать полосу шириной 60 см с довольно сложным орнаментом. Преобладали узоры в форме ступенчатых ромбов, сгруппированных в сетки и бордюры. Все эти ковры имеют много общего с изделиями казанских татар, башкир, казахов, но в то же время обладают и выраженными самобытными особенностями.

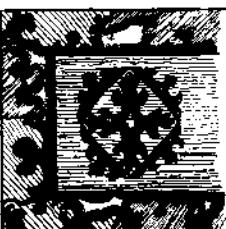
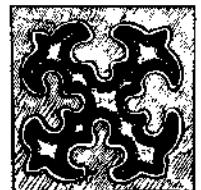
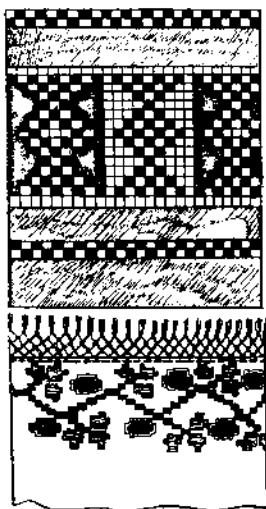
Войлокные ковры находили меньшее распространение у сибирских татар, чем тканые. Наиболее совершенные образцы декоративного войлока нам встречались в Тевризском районе. Ковры изготавливали в летнее время во дворе дома. На расстеленную плотную ткань раскладывали ровным слоем измельченную и очищенную шерсть высотой 5—10 см. Зачастую здесь же выкладывали узор, чередуя темную и светлую шерсть. Приготовленный материал накрывали сверху тканью и смачивали горячей водой. После этого шерсть прессовали, используя при этом катки. Большинство таких ковров имело круговой орнамент. Встречались и южные мотивы в виде «рогов барана».

Чрезвычайно широкое и разнообразное применение в декоративно-прикладном искусстве сибирских татар находили ткани. Причем материал использовался полностью, без отходов. Мастерицы не выбрасывали обрезки тканей, оставшиеся после шитья одежды. Из кусочков тканей рукодельницы шили ковры, покрывала, одеяла, наволочки и т. д. Все эти предметы обозначались одним термином — «курама». Лоскуты подбирали по цвету и размерам, вырезая из них треугольники и квадраты. Подогнав их друг к другу, сшивали длинные ленты, которые затем соединяли вместе. Орнамент на коврах состоит из сетки, полученной из квадратов с влisisанными ромбами. Принцип конструирования

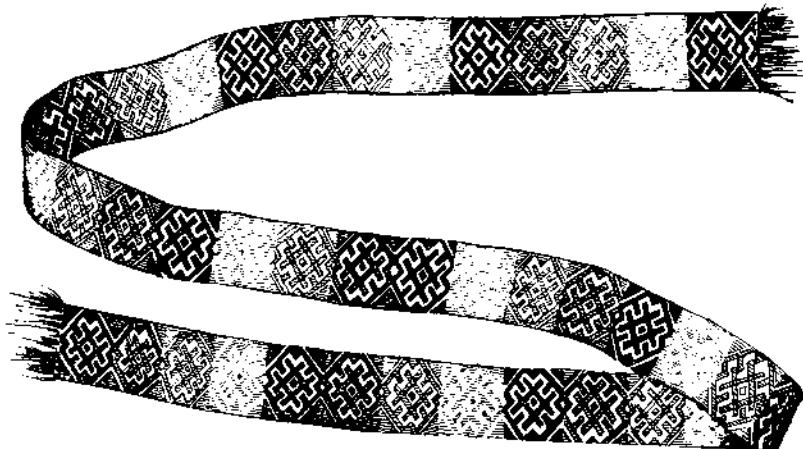
лоскутных изделий известен многим народам, но у татар он получил наиболее полное развитие.

Яркостью цветов, разнообразием форм отличался орнамент вышивки на тканях (чигу). Узоры наносились на домотканый материал из шерсти, льна и крапивы, а также на покупные бархат, парчу, шелк, ситец. Для вышивания брали нити самых разных фактур — льняные, шелковые, золотые и серебряные. Для основной массы старинных вышивок характерно использование одного или двух цветов. На более поздних изделиях встречаются сложные сочетания цветов, их оттенков. Преобладают в вышитом орнаменте белый, красный, зеленый и голубой цвета. В вышивке обнаруживается около двух десятков различных технических приемов, каждый из них связан с определенным видом изделий и мотивов.

Набор вышитых предметов значителен. Вышивкой украшали мужскую и женскую одежду, ковры, покрывала, салфетки, полотенца и др. Большинство мотивов вышивок носит растительный характер. В первую группу узоров входят стилизованные мотивы. Это бордюры с лепестками, условно изображенные цветы. Особенно интересны реалистично исполненные композиции из тюльпанов, роз, других пышных цветов. Отменно хороши узоры этого типа, вышитые по рельефному настилу металлическими нитками.

Элементы орнамента в вышитых изделиях из тканей.

Тканый орнаментированный пояс.

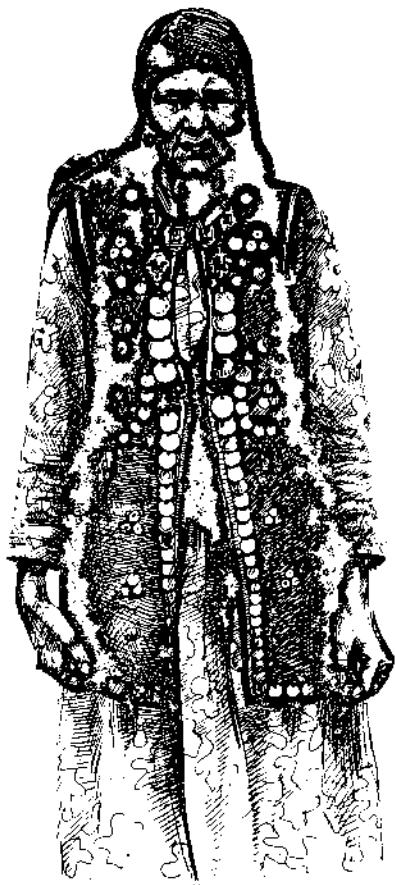

Женский костюм и украшения.

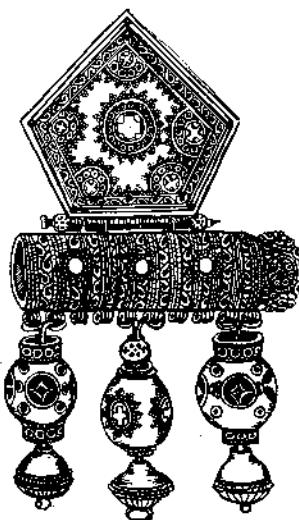
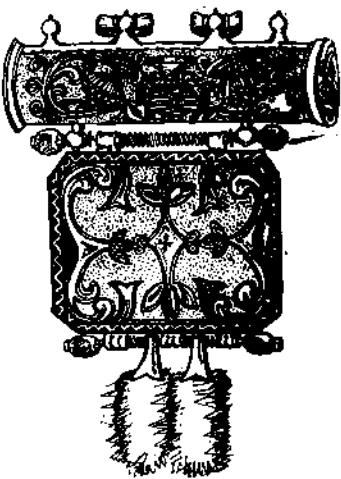
Среди сибирских татар было широко распространено изготавление кружев. Их подшивали к занавескам, простыням, наволочкам. Кружева вязались крючком из толстых хлопчатобумажных ниток. Эти изделия имеют много общего с кружевами, связанными русскими мастерицами. Орнамент на кружевах прямолинейный геометрический.

Орнаментированные изделия из кожи татары Омской области делали довольно редко. Из разноцветной кожи изготавливали полностью покрытые узорами сапоги. Их шили на заказ, главным образом богатым людям. Сапоги шили с помощью трудоемкой техники — шивной мозаики. Узоры на кожаных изделиях чаще всего имели пальметовидную форму и соединялись с бордюром из волн, треугольников. Подобные изделия встречались у татар Восточной Европы. В Заказанье существовал даже центр по производству такой узорной обуви.

В рамках статьи трудно не только раскрыть все богатство декоративно-прикладного искусства татар Омской области, но даже перечислить его основные виды. Собранный нами обильный материал свидетельствует, что татарское искусство достигло к началу XX века высокого уровня. Тем более обидно, что это наследие местным населением сейчас практически утрачено. Тем не менее считаем, что время для возрождения сибирско-татарского декоративно-прикладного искусства окончательно не утрачено. Многие татарские деревни достаточно стабильны, при высокой рождаемости отток молодежи не имеет катастрофических последствий. У татарского населения в последние 5 лет интерес к истории своего народа, усилилась тяга к литературе, посвящен-

Женский костюм и украшения.

Женский костюм и украшения.

ной народным традициям и искусству. В районах проживания татар имеются запасы сырья для выполнения декоративных изделий. При наличии большого количества населения, способного заняться надомным трудом, существуют все необходимые условия для постановки художественных промыслов.

КАЗАХИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVI—XX вв.

Казахи в равнинных районах Западной Сибири составляют в настоящее время значительную прослойку тюркоязычного населения. Они насчитывают более 130 тысяч человек. Из них 75 тысяч проживают в Омской области, остальные в южных районах Новосибирской и Тюменской областей, а также в Алтайском крае.

Казахи представляют собой довольно сложный по происхождению народ. В числе их ранних предков называют ираноязычных саков, усуней, племена государственного объединения Кангой, живших в различных районах Казахстана и Средней Азии еще до нашей эры. В этногенезе казахов принимали далее участие аланы первых веков н. э., выходцы с Алтая — тюргеши, теле и другие племена времен тюркских каганатов (VI—VII вв.), племена огузов (IX—X вв.), кимаков и кипчаков (VIII—XI вв.). Последние играли особо важную роль в формировании казахов, язык которых относится к кипчакской группе тюркских языков.

Во втором тысячелетии будущие казахские племена перемешивались в составе государства Карабанидов (X—XI вв.), испытали вторжение киданей — монгольских по происхождению племен в XII веке, расселение в начале XIII века под давлением монголов тюркоязычных племен найманов и керайтов (керей), смешиваясь под игом монгольских завоевателей и затем входили в середине XV века в состав Ногайского и Узбекского ханств. В начале XVI века образовалось Казахское ханство, в рамках которого и завершилось формирование казахской народности. Но каждая группа казахов имела свои особенности происхождения и дальнейшей этнической истории. Это относится и к северным казахам, жившим в пограничных с Сибирью районах.

В национальных процессах, проходивших в южной части За-

падно-Сибирской равнины, казахские группы в XVIII—XX веках играли существенную роль. Вместе с сибирскими татарами, бухарцами — выходцами из Средней Азии, чуымскими тюрками, пришлыми поволжскими татарами, башкирами они образовали мощный массив тюркоязычного населения, тем самым изменив здесь этническую картину.

Когда же первые казахские группы появились в Сибири? До недавнего времени большинство ученых уверенно отвечали, что в XVIII веке. Действительно, в основном сибирская территория стала заселяться казахами с XVIII века, даже со второй его половины. Но их исторические связи с южными районами Западной Сибири имеют все же более древнюю историю.

Известен факт появления казахов вместе с узбеками на Иртыше с мусульманским войском в период религиозной войны в 1394—1395 годах. Казахи проникали в места расселения сибирских татар в XV веке во времена Абулхайра, когда тот стоял во главе объединения «узбеков» (кочевников, объединявших и казахов), бывал на Тоболе, в Чимге-Туре (Тюмень), имел там своего ставленника и владел областью Тара. Ученые Казахстана предполагают, что небольшая группа жалаиров (казахов Большой Орды) в XV—XVI веках очутилась в Сибири. Существует изложенная в легенде версия, что отцом родоначальника сибирских ханов Тайбуги был казахский хан Мамык, убитый Чингисханом.

В первой половине XVI века кочевья казахского хана Тугума находились на сибирских рубежах, видимо, по соседству с чатами (позднее вошли в группу томских татар), в сражении с которыми и был убит этот хан. Обращает на себя внимание и тот факт, что в первой половине XV века среди казахов существовал аймак чат, многие из его членов присоединились к Абулхайру.

В XVI веке казахские кочевые группы часто появлялись в бассейне верхнего Тобола, Ишима и Иртыша, там находились кочевья и казахов центральных районов Казахстана. Сибирская летопись так сообщает о завоевании Кучумом Сибирского ханства: «Прииде же степью ис Казачи орды царь Кучум, Муртазеев сын со многими воинскими людьми...». В составе этих воинов были казахи, ногайцы и узбеки. Правда, если с южными соседями — ногайцами — Сибирское ханство при Кучуме поддерживало союзнические отношения, то с казахами нередко воевало. В годы войны русских с Кучумом казахи вели переговоры с русскими о совместных действиях против Кучума и принятии казахами русского подданства. Тем не менее в войске самого Кучума в этот период находились также и воины казахи.

После Кучума на короткое время в районе Тобольска уже при

русских осел Сейдяк, сын убитого Кучумом сибирско-татарского хана Едигера. С ним находился «царевич Казачий орды Салтан» (по выражению летописи) вместе со своими людьми.

Видимо, какая-то часть сибирских татар также вошла в состав казахов. В одной казахской легенде рассказывается о том, как отставшие от своей орды три брата отправились через Ишим на север, похитили там у какого-то народа трех девиц-красавиц, возвратились с ними на Ишим и стали жить. Потомки этих братьев разошлись и образовали якобы три казахские орды — Большую, Среднюю и Малую. Под неведомым народом можно подразумевать и тюркоязычные группы, образовавшие позднее сибирских татар.

В конце XVI века границы казахов в Сибири сомкнулись с границами Русского государства, между ними стали укрепляться посольские связи, оживилась торговля. Путь из Тобольска, Тары в среднеазиатские торговые центры пролегал через казахские степи. По пути купцы часто закупали у казахов скот.

Но с начала XVII века экономические и политические связи России с казахскими ханствами были затруднены вторжением в районы Северного и Западного Казахстана, в южные районы Сибири западных монголов. Последние заняли значительные территории по берегам Оби, Иртыша, Оми, Ишима, Тобола. К середине XVII века их походы на казахские кочевья приняли систематический характер. Войны между калмыками и казахами отодвинули последних с сибирских территорий.

В результате этих событий связи казахов с Сибирью ослабли, но совсем все же не прекратились. Казахи появлялись в отдельные периоды на сибирских землях, совершали, в частности, походы в Барабинскую степь. В 1690 году они вместе с каракалпаками были в районе Тарханского острова Тюменского округа. Из документов конца XVII века можно понять, что в тот период казахи совершали походы и далее на восток — в Тобольский и Тарский уезды.

В то же время поражения от джунгарских (западные монголы) войск приводили казахов к необходимости искать союзников. Русские в этот период продвинулись уже далеко на юг, вплоть до Ямышевского озера. Часть казахов стала переселяться на север уже не с захватническими целями, а под защиту Русского государства. В начале XVIII века они были замечены по р. Ишиму в Западно-Сибирском регионе. В первой половине XVIII века казахи заселили южные районы Сибири более активно, селились они также в бассейне Тобола. Но было их все же, видимо, немного.

Часть казахов проникала в Сибирь в это время в составе бу-

харцев, которых вместе с ними образовывали узбеки, таджики, уйгуры. Интересно, что в целом казахов (подразумеваются разные слои населения, от зажиточных скотоводов и частично теленгутов — служилых людей — до бедных казахов) называли собирательным термином «бухара». Возможно, это облегчало вхождение казахов в состав сибирских бухарцев — социальный термин «бухара» мог затем переосмыслиться как этническое самоназвание.

В 1741—1742 годах казахи испытали новое вторжение джунгарских феодалов на территорию Среднего и Младшего жузов. Набеги калмыков повторялись вплоть до прекращения существования Джунгарии как государства в 1758 году. Часть казахов по-прежнему бежала от грабежей джунгаров и от разорения хивинскими феодалами к русским границам.

В этих условиях и происходило добровольное присоединение Казахстана к России. В 1716 году казахи ханов Каипа и Абулхайра обратились к России с пожеланиями жить с русскими в мире и просили покровительства. Через десять лет казахи Младшего жуза снова обратились к России с просьбой принять их в подданство. В 1731 году их прошение было удовлетворено. Помимо большинства казахов Младшего жуза во главе с Абулхайром вскоре к России присоединилась часть родов Среднего жуза, возглавляемых ханом Семеке. В 1740 году подданство России приняла большая часть родов Среднего жуза. В начале 40-х годов XVIII века начался процесс присоединения и казахского населения Среднего Жуза, который затянулся, правда, почти до середины XIX века.

После падения Джунгарии часть казахов передвинулась на север и развернула свои кочевья между Омском и Усть-Каменогорском. Движение казахов в освободившиеся от калмыков места и на сибирские земли были столь быстры, что русские власти в 1765 году устроили десятиверстную пограничную полосу с целью запретить продвижение кочевников. Но эта мера серьезно ограничить миграции казахов в Сибирь не могла. Постепенно им стали разрешать переходить эту линию.

Предположительно с конца XVIII века часть казахов стала оседать на постоянное местожительство в южной полосе Тобольской и Томской губерний. Они устраивались на крестьянских казенных землях в качестве земледельцев и пастухов. Но таких казахов в тот период было еще немногого. Основная масса приключывала для устройства на сибирских землях временных поселений. В будущем это привело к возникновению постоянных аулов и переходу части казахов на оседлый образ жизни.

С XVIII века начинается формирование этнографической группы омских казахов. Первый период этого процесса приходится на 1758—1822 годы. В 1782 году в Тобольском наместничестве был выделен Омский уезд, в котором оказалась и часть казахов-переселенцев. Они сосредоточивались вдоль Сибирской пограничной линии, переходили ее и обращались с прошениями об отведении им земель в сибирских губерниях. В этот период разрабатывается целый ряд законодательных мер, в числе которых определяющим был Устав о сибирских киргизах 1822 года. В русских документах тогда казахи значились киргизами, киргиз-казахами или киргиз-кайсаками.

В первой четверти XIX века часть казахов была зафиксирована в Курганском, Ишимском и Омском округах как постоянное население. Казахов, живших в Тобольской и Томской губерниях, а также на землях русских казачьих отрядов, обозначали «внутренними киргизами». По реформе управления сибирских губерний 1822 года казахи Среднего жуза оказались в Омской области, и их стали называть сибирскими киргизами.

На территории Западно-Сибирской равнины расселялись в основном казахи Среднего жуза, состоявшие из племен кипчаков, аргынов, найманов, кереев и уаков. Именно они и поселялись на сибирских землях — там, где кочевали и до джунгарского нашествия. К уакам и кереям отчасти присоединились кочевавшие в южных районах Сибири казахи Младшего жуза из племени жетыру. Материалы Казахского отряда Сибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета, собранные в 1978 году, в том числе массовые записи племенной и родовой принадлежности современных казахов или их предков, показывают, что и сейчас на территории Омской области проживают представители аргынов, кереев, кипчаков и уаков. В небольшом количестве отмечены здесь и найманы, составлявшие в прошлом пятое племя Среднего жуза.

Северными соседями казахов были сибирские татары, поддерживавшие с ними и семейно-брачные отношения.

В XVIII веке в районах кочевания казахов стали селиться русские, направленные на службу в построенные многочисленные военные городки и крепости. Казахи понемногу и сами стали оседать в русских поселениях — в основном временно, на период найма на сезонные работы. Но некоторые казахи записывались в сословия казаков, мещан и крестьян, поступали на службу к русским купцам, служили ямщиками, становились работниками. В Омском округе были зафиксированы крещеные казахи, хотя большинство их держалось мусульманской веры.

Ограничение территории для кочевок, особенно в XIX веке, приводило к тому, что многие сибирские казахи стали постепенно оседать. Более массовый переход казахов в районы Тобольской губернии начался со второго десятилетия XIX века, как это видно из документа «Дело о поселении киргиз вдоль Сибирской линии». В 1816 году в Тобольской губернии числилось 869 казахов, из них 235 человек проживали в Омском округе, 552 — в Ишимском и 82 — в Курганском. В ревизии 1816 года были учтены только осевшие в этих округах на постоянное жительство казахи и не учтены казахи, временно переходившие границы сибирских губерний для устройства здесь своих кочевий. Общая численность этих двух категорий казахов в 1823 году составила по Омскому округу 1622 человека.

Следующий период расселения казахов в южных районах Западной Сибири охватывает время после 1822 года и почти до конца 1880-х годов. Он характеризуется законодательным закреплением постоянных территорий за казахами, установлением административно-территориальных единиц с ограничением переходов казахов с одной территории на другую. Хозяйственно-культурные контакты с русским населением расширяются. Постепенно растет численность казахов в степной зоне. Помимо омских казахов небольшие группы их расселяются в южных районах Тобольской и Томской губерний.

Именно в последней трети XIX века казахи появляются в Чуйской степи и начинает складываться еще одна их сибирская группа на Южном Алтае. Из-за ограничения пастбищных угодий царской администрацией в Усть-Каменогорском уезде в Семипалатинской области они откочевали сначала в Монголию. Через 10 лет оттуда из-за массового падежа скота казахи переселились на Алтай, договорившись с алтайскими зайсанами о выделении им там пастбищ. Алтайцы помогли тогда казахам, выделив им скот. В дальнейшем, в том числе и в годы советской власти до середины 1930-х годов, казахи продолжали переселяться небольшими группами в Чуйскую степь. В настоящее время они проживают вместе с теленгитами (группа алтайцев) в Кош-Агачском районе Горно-Алтайской автономной области. Численность кош-агачских казахов — 7 тысяч человек. В основном это выходцы из племенного объединения найманов, меньше среди них уаков и ители.

Более 100 лет кош-агачские казахи живут в оторванности от остальных казахов в казахско-теленгитских поселках. У них сформировались новые черты в культуре и быте, сложились особенности в хозяйстве.

Следующий этап расселения казахов в Западной Сибири отно-

сится к 1889—1917 годам. В это время начинается широкое крестьянское движение русско-украинского населения в степях Казахстана и Сибири, что коренным образом изменило этническую ситуацию в этих районах. Ограничение земель, находившихся в пользовании казахов, усиливавшееся хозяйственно-культурное влияние русских, украинцев и затем переселявшихся сюда же немцев привели к массовому отказу казахов от кочевого образа жизни и оседанию их на жительство в постоянных аулах. Этот процесс растянулся, правда, еще на несколько десятков лет. В 1897 году на Западно-Сибирской равнине насчитывалось уже свыше 50 тысяч казахов, из них более 38 тысяч — в Омском округе Акмолинской области, 5200 казахов — в Тюкалинском и 334 казаха — в Тарском округе Тобольской губернии.

Омская исследовательница О. М. Бронникова (в настоящее время работает в Санкт-Петербургском научно-исследовательском институте «Музей антропологии и этнографии РАН») для советского времени выделяет три периода в расселении казахов на территории юга Западной Сибири. Первый период, начавшийся с 1917 года, охватывает десять лет советской власти. В это время усилились миграционные процессы среди казахов. Фактически к 1928 году сибирские казахи перешли полностью на оседлый образ жизни.

Второй период охватывает конец 1920-х — 1940-е годы. Его характеризует жизнь казахов в условиях нового типа их поселений — круглогодично стационарных аулов и в условиях оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства.

Последний период начинается с 1950-х годов. Он связан прежде всего с изменениями в расселении, произошедшими в ходе освоения целинных земель. Новый мощный приток населения на этом этапе привел к завершению формирования современного национального состава в данном регионе. Этот период характеризуется более равномерным и чересполосным расселением казахов среди русских, украинских и немецких селений.

В настоящее время основная часть западносибирских казахов проживает в юго-западных районах Омской области, где они составляют от 7 до 12,5% населения этих районов. В однонациональных казахских поселениях сосредоточено около 30% казахов. Остальные сельские казахи расселены довольно дисперсно среди окружающего иноэтнического населения: русских, украинцев, немцев и татар. Значительная часть казахов проживает и в городе Омске.

Относительно компактное расселение казахов в Омской области, их многочисленность, особенности хозяйственного и культур-

но-бытового уклада, возникшие в условиях проживания в лесостепных и отчасти в лесных районах, а также в условиях активного культурного взаимодействия с оседлыми народами, способствовали формированию особой этнографической группы казахского народа — омских казахов.

Особенностью группового этнического самосознания казахов Западно-Сибирской равнины является то, что оно не оформлялось во внешнем выражении в этоним, единый, скажем, для всех казахов Омской области. Некоторые казахи называли себя «сырым казак», «омбы казак». Но все же процесс формирования и всеобщего распространения группового национального названия в какой-либо из этих двух форм у омских казахов завершения не имел. Большая их часть осознает и свою родоплеменную принадлежность или принадлежность к семьяно-родственным группам (тугунам). Но этот третий уровень этнического самосознания имеет номинальный характер и по существу является исторической традицией.

Казахи Западной Сибири поддерживают постоянные и давние контакты с казахами Казахстана, в первую очередь соседних Северо-Казахстанской, Кокчетавской и Павлодарской областей. Эти контакты имеют место сегодня прежде всего в социально-культурной сфере. Казахи двух соседних республик приглашают друг друга на праздники, на свадьбы. В 1976 году мне посчастливились присутствовать на свадьбе в ауле Каскатае Исилькульского района, на которую был приглашен один из известных в Казахстане акынов.

Издавна существуют и поддерживаются в настоящее время браки между казахами Омской области и Казахстана. В основном сибирские казахи заключают однонациональные браки преимущественно внутри области. Но вот за 1980—1982 годы удельный вес браков с выходцами из Казахской ССР, зарегистрированных в Омской области, составил все же 10,2% всех однонациональных браков.

Другое направление связей приводит нас к татарам. Мы уже указывали на тот факт, что татары до революции нередко назначались муллами к казахам. Тесные связи у последних были прежде всего с тюменскими и барабинскими татарами. Но как соседи, расселяясь по рекам Ишиму и Тоболу, контактировали они и сtarскими, и с курдакско-саргатскими, и с тобольскими татарами. Томские татары нередко покупали у них лошадей, а некоторые вместе с казахами в XIX — начале XX века работали пастухами в хозяйствах зажиточных казахов.

Третье направление этнических контактов казахов связано с

русскими, прочный характер оно принимает со второй половины XVIII века и особенно в XIX—XX веках. До революции постепенно возрастал объем торговых связей между ними, имевших место еще в XVII веке. Они осуществлялись в XVIII—начале XX века на рынках Кургана, Омска, на Ирбитской и Тюменской ярмарках, а также в других городах и крупных русских станицах и деревнях. Те казахи, которые в XIX веке сохраняли свой кочевой образ жизни, весной передвигались со своими стадами на север вниз по Ишиму, где постоянно вступали в контакты с русскими. Занятия казахов извозом в XIX—начале XX века также способствовали расширению взаимоотношений их и русских.

В XVIII — первой четверти XIX века часть казахов находилась на положении дворовых в домах зажиточных русских. Только в 1825 году была запрещена купля-продажа «казиатцев» и назначен срок для освобождения купленных прежде.

С середины XIX века возросло знание русского языка, среди казахов шире распространялось двуязычие. В 1852 году в военно-статистическом обозрении Киргизской степи Западной Сибири отмечалось, что «султаны и почетные бай пытаются выучить детей своих грамоте не только на киргизском (казахском).—Н. Г.), но и на русском языке». По данным 1897 года, среди казахов Тобольской губернии 7309 человек называли родным казахский, 206 человек — татарский и 31 человек — русский язык. И хотя последняя цифра кажется незначительной, она свидетельствует об имевших место процессах этнического сближения казахов и русских еще до революции.

В XX веке, особенно начиная с 1920-х годов, ослабло влияние разделяющих эти два народа факторов национальной и религиозной разобщенности. Казахи и русские постоянно контактируют друг с другом, а некоторые заключают и брачные союзы между собой. Казахско-русские браки в сельской местности Омской области в 1980-х годах составляли 42,7%, казахско-татарские — 41,1% всех межнациональных браков казахов. На долю браков с другими национальностями (украинцами, немцами, башкирами и др.) приходилось в те годы 16,2 %.

В целом значение национальной принадлежности при вступлении в брак для сельских казахов велико: предпочтение отдается людям своей национальности. И это является показателем устойчивости группы сибирских казахов в национально смешанной среде.

Из всех городов Западной Сибири наибольшее количество казахов проживает в Омске. С самого начала своего возникновения этот город тесным образом был связан со скотоводами степей.

В 1897 году первой Всероссийской переписью населения в Омске зафиксировано 37,4 тысячи человек, из них 505 казахов. А во всех городах Западной Сибири проживало тогда 606 казахов.

В период после Октябрьской революции, раскрепостившей народы нашей страны от национального гнета царской России, казахское население в Омске стало увеличиваться. В 1920 году, правда, их было по-прежнему еще немного — 514 человек. Среди них было зафиксировано уже 125 грамотных казахов. В 1959 году в Омске проживали 4832 человека казахской национальности, в 1970 году — 8999, в 1979 году — 16573 и в 1989 году — 28400. При этом живут казахи во всех семи районах города — в 1979 году больше всего их было в Кировском районе (4476 человек) и меньше всего в Советском районе (826 человек).

Казахи Омска живут в городе со сложным национальным составом населения и контактируют с людьми разных национальностей. Поэтому знание помимо казахского еще и русского языка как языка межнационального общения для них жизненно важно. 94,5% омских казахов при переписи 1979 года назвали родным языком казахский. В 1980 году при опросе 92% мужчин и 88% женщин ответили, что свободно владеют русским языком. Значительную роль в жизни казахов Омска играют их контакты с русскими, татарами, украинцами, немцами и людьми других национальностей. Они влияют и на культурно-бытовую сторону их жизни. Но о культуре и быте казахов Западной Сибири речь пойдет позднее.

НАРОДНЫЕ ЛЕЧЕБНЫЕ СРЕДСТВА СИБИРЯКОВ

На дальнем пути из России в Сибирь переселенцев поджидали немалые трудности. Но особенно страшны были заболевания, подрывавшие силы, уносившие жизни. Как сообщали в своих отчетах сибирские губернаторы, ежегодно появлялись «заразительные», а временами вспыхивали «поварильные» болезни. Тем не менее численность русского населения возрастала, а крепкое сибирское здоровье стало считаться образцовым. Немалую роль в этом сыграла народная медицина, которая помогала побороть недуги, а также приспособиться к новым условиям.

Народные медицинские знания весьма ценились, и сведения о них собирали практически со времени расселения русских. В различные запросы, вопросники, анкеты, рассылавшиеся администрацией и учеными ведомствами начиная с XVIII века, включались пункты о народном здравии и о способах лечения болезней. Было составлено немало специальных программ, особенно в начале XX века, по которым работали местные краеведы и специалисты: врачи, биологи, фармакологи, историки. В настоящие времена исследования ведутся широким фронтом учеными Сибири и центральных научных и лечебных учреждений. Их совместными усилиями выявляются достижения народной медицины, оцениваются и вводятся в практику.

Собирание сведений о народной медицине и их анализ имеют значимость и иного рода. В настоящее время чрезвычайно возросла тяга к лечению у народных целителей и к самолечению народными средствами. Изучение лечебных средств, применявшимися искстари, показывает, что развитие народной медицины шло опытным путем, и опыты проводились непосредственно на людях. Положительные результаты достигались ценой жертв. Выбор

средств врачевания основывался на народных представлениях о причинах появления болезней, о свойствах вещей и явлений в природе и о возможностях человека. При этом, постигая новые взаимосвязи в структуре «человек — природа», народная медицина сохраняла представления, сложившиеся в глубокой древности. Вследствие этого рациональные знания уживались с нелепостями и заблуждениями. Крупнейший сибирский ученый XIX века Г. Н. Потанин, проживший полгода в одной из казачьих станиц Алтая, пришел в 1859 году к заключению, что «лечение в Алтае состоит из смеси суперских обрядов с действительным знанием таинственных сил природы». Исследования, проведенные в историческом плане, показывают развитие положительных народных знаний и раскрывают иррациональные черты народной медицины.

Еще в начале XX века, до широкого распространения научных познаний в области медицины, в народе бытовали представления о болезнях как о внешних силах, наносящих вред человеку. Одни из них были очевидны, например травмы и перенапряжения при работе («надсадился», «пуп сорвал», «руку развел» и т. п.), другие воспринимались как наказание за грехи («ниспосланы») или вызывались действием ведомых и неведомых таинственных сил («нападали» или «насыдались»). Соответственно методы лечения были различны, но чаще всего обращались к посредничеству народных врачевателей. Среди них были различные специалисты: акушеры, массажисты, хирурги и лекари, пользовавшие от многих недугов. В настоящей статье речь пойдет о лечении заболеваний общего типа, при которых обращались к знахарам, бабушкам и дедушкам, шептуналам и пыхтунам.

Некоторые болезни представляли в виде живых существ, похожих на людей или животных. Так, распространенное заболевание лихорадка называлось, соответственно различным проявлениям, «лихоманка», «трясья», «колотуха», «сухотуха», «нутряная» и др. Всего их различали 12 и считали дочерьми Ирода. В обычное время лихорадки сидели на цепи, но иногда, особенно по весне и осенью, они срывались с цепи, нападали на людей и мучили их.

Смертоносный недуг людей и животных — сибирская язва — представлялся в виде человекоподобного существа огромного роста, покрытого шерстью и с копытами на ногах. Он выходил на свист или брань. Самыми заклятыми ругательствами были слова: «язви-тя», «пятнай-тя», «трафи-тя», которыми можно накликать моровую язву.

Болезни, при которых ощущали ломоту, неудобство, корчи, приносили, как полагали, змеи. Кроме укусов они якобы могли

заползать в человека во время сна: проползали в какое-либо место внутри него, жили там и мучили. Если змея переползала в другое место, то и болезненные ощущения перемещались.

Эти образы хотя и имели как бы реальную видимость, но были зловещими, колдовскими. В одном из заговоров по спасению от змеи прямо указывается на связь с нечистой силой: «Гада, ты гада, зародилась ты, гада, не от Господа Бога и не от матушки Пресвятой Богородицы. Зародилась гада от самого Сатаны и от врага — супостата».

Напавшие на человека болезни изгонялись различными средствами. Должны были помочь в этом заговоры с обращением за помощью к святым: «Змей-змеевица, головная головница! Ползай же ты в северную сторону к рябиновому кусту. Сядь же ты на святое дерево — на рябиновый куст...»; «Как от головни нету ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, также бы от черной от лютой от змеи, от красной, от черноголовой, от красноголовой от змеи не было ни щипоты, ни опухоли...» Воздействие заговоров подкреплялось особым образом приготовленными и крайне неприятными лекарствами, от которых змею должно было разорвать на части, а лихорадки должны были убежать сами. С целью запугивания болезней открывали пальбу из ружей.

Многие недуги появлялись, по широко распространенному представлению, вследствие злой воли человека. Их насылали по ветру («ветряные»), вызывали недобрый взглядом, словом («сглаз», «уроки»), передавали через какие-либо предметы («порча»). Особой силой обладали злобные наговоры колдунов. Они могли заклясть так, что никто другой, кроме них, не снимет наговора.

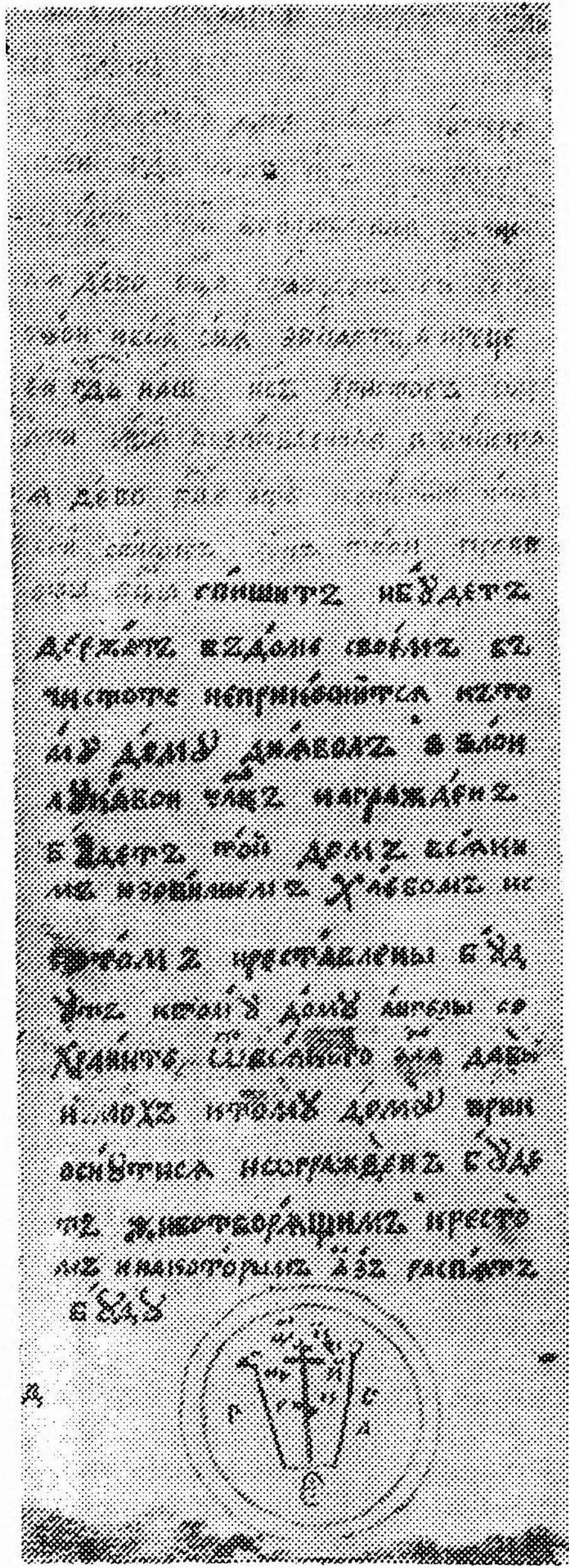
Уверенность в воздействии через слово очень устойчива. В следственных документах начала XIX века содержалось, например, обвинение русскими крестьянами «инородца Калбашкина в том, что он насыпал на них порчу путем камлания». А через сто лет писарь с. Чистоозерского Томской губернии Иван Ярошенко сообщал, что болезни в их волости объясняют «наговорами злых людей, знающих порчу». В те же годы священник с. Покровского Каинского уезда описал страдания «испорченных» женщин-кликуш: «Глаза мутны и кровавы, язык теряет свое привычное произношение, а производит только детское лепетание. Женщины сквернословят, выдирают волосы горстями, рвут одежду, кидаются на людей, кидают, что в этом бешенстве попадет в руки, кусают свой язык». Если больные увидят наславшего порчу, то сами указывают на него, называя мужчину своим отцом, а женщину — матерью.

Вера в пагубное и болезнестворное действие людской недоброжелательности в какой-то мере сохраняется по сей день. Порчей объясняют различные нервные расстройства, состояние тоски, семейные неурядицы. Так, в Омске у одной из знахарок мне довелось услышать рассказ женщины, подвергшейся «порче». Она была очень возбуждена. Уверяла, что ее хотят «известии» и разбить семью. Злодейку же указать не могла. Знахарка назвала способ, каким можно определить наславшего порчу: «Если кто-нибудь спросит: «Дай мне какую-нибудь вещь», надо ответить: «У меня нет». Тогда снова спросят: «Дай хоть что-нибудь». Этот человек и будет, который порчу наслал». Лечиться знахарка советовала отваром трав, над которыми произносили заговор.

С распространением христианства стала внедряться вера в то, что болезни являются наказанием за грехи. Поэтому с просьбами о даровании здоровья обращались к высшим силам. Посредничество в этом осуществляли священники, особенно если заболевания приобретали массовость. Во время эпидемий служили молебны в церквях, устраивали крестные ходы по селениям, обносили иконами дома и деревни.

Люди и сами обращались к святым заступникам. В церквях и старообрядческих молельнях имелись списки, или «целевики», указывавшие, к помощи каких святых обращаться за исцелением. Так, при головных болях рекомендовалось молиться святому Иоанну Предтече (29 августа по старому стилю), при болезнях глаз — мученикам Мине Египтянину (11 ноября) или Логгину Сотнику (16 октября), при зубной боли — св. мученику Антипе (11 апреля). Молитвы преподобному Роману Чудотворцу (21 ноября) или Ипатию Чудотворцу (31 марта) разрешали от бесплодия и бесчадия. Помощь при трудных родах надеялись получить от «святых жен» великомученицы Екатерины (24 октября) или Пресвятой Богородицы Федоровской (16 августа). Здоровье младенцев охраняли Пресвятая Богородица Тихвинская (26 июня). Конон Исаакийский (5 марта), великомученик Никита (15 сентября), преподобный Симеон Богоприимец (3 февраля). Обращения к святым помогали избавиться от блудной страсти (преподобному Иоанну многострадальному — 18 июля) и от винного запоя (мученику Вонифатию — 19 декабря, преподобному Моисею Мурину — 28 августа).

Большую популярность приобрел в народе духовный стих «Сон Пресвятой Богородицы». Ему приписывали чудотворную силу спасения от различных бедствий, сохранения от болезней, исцеления. В разных вариантах этот стих бытует в настоящее время. Несколько списков встретилось нам в деревнях Горного Алтая.

Один из них, написанный в начале XX века на длинных узких полосках бумаги, был найден на чердаке старого дома в селе Старо-Алейском. «Аще который человек, раб Божий, сей список сон твой Пресвятые Богородицы спишет и будет держать в доме своем в чистоте грамотному или неграмотному, и так избавлен будет худых скорбей, и от дщерей иродовых, и от лет отборных ветров, и от смертоносныя язвы, и от колдунов и от всех злых человек», — гласило начало. Целую тетрадочку с текстом духовного стиха, в котором подробно описывались страсти Христа, приснившиеся Богородице, показала нам женщина в с. Коргоне. Стих заканчивался такими словами: «Аще кий жене, рабе божьей прилучится во время рождения болезнь тяжкая, то сей список Сон твоей Пресвятой Богородицы, опоясать по чреве ея и во имя твое Пресвятое, Богородица, во болезни родит младенца».

Утвердилась вера в охранительную силу креста. Появились новые заговоры, по форме более ранних текстов, но православные по используемым образам. Примером может служить заговор от порчи:

Рис. 1. «Сон Пресвятой Богородицы». Фрагмент списка начала XX века.

~~Дай мне, Господи, на сей день Господень великую оборону — крест животворящий.~~

Крестом опасуюсь и крестом сохранюсь, ключевой водой умоюсь, крестовым полотенцем утрусь, пеленой Господней запеленаюсь. В той пелене пеленаюсь, в которой Матушка Пресвятая Богородица истинного Христа пеленала. В той пелене весь и запеленаюсь.

Запри меня, Господи, и запечатай тело мое, уста мои от худых дел, от злых людей, от еретика, от еретицы, от колдуна, от колдуницы, от змия-скороеда, от ужа ползучего, от огня кипучего, от острого ножа, от зубастого серпа, от огня, от пламени и от злых людей — во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

В подобных заговорах противопоставляются новая и старая вера и при этом христианство предстает победоносным. Отчетливо это выражено в заговоре от змеиного укуса, записанного в 1990 году в Усть-Канском районе:

Змей Савва, змей Сара, вынь свое острое, черное жало.

А если ты не вынешь свое острое, черное жало, то я час пойду к самому Господу Иисусу Христу и к Мануилу к воину. И он на тебя пошлет самого Господа Иисуса Христа и матушку пресвятую госпожу Богородицу с каленым копьем. И они будут тебя жечь и калить, в субботу будут в огненную реку садить.

Ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Успех научных знаний в XX веке вызвал значительные перемены в мировоззрении народа. Молодое поколение уже не могло без иронии относиться к представлениям об антропоморфных и зооморфных образах болезней. Вера в подобных злых духов безвозвратно ушла в прошлое. Практика же народного врачевания продолжала бытовать, соседствуя с профессиональной медициной. Сохраняется также доверие к людям, владеющим особой силой воздействия словом, к тем, кто знает лечебные свойства трав, и к другим народным врачевателям. Их деятельность проходит на глазах односельчан, от которых не могут укрыться успехи и неудачи. Оценивается она всем обществом. В зависимости от способностей и возможностей врача складывается круг пациентов. Опыт накапливается с годами, поэтому лечат обычно люди немолодые. Все лекари, ~~которыми~~ удалось побеседовать, — люди в возрасте более 60 лет. Свои знания они получили еще в детстве от старших членов семьи (от матери или бабушки), а затем пополняли их.

Мария Ивановна Сонорова поведала мне о своем пути к врачеванию. Заговоры она знала от бабушки, но не особенно-то в них верила. Пробовала их применять, но ничего не получалось. Не стало бабушки. Потом серьезно заболел любимый дедушка. Тут Мария была безутешна. Дедушка был самым близким ей

человеком в семье. Соседка дала травку, нашептала на нее. Девушка попил теплый отвар, уснул спокойно, и болезнь пошла на убыль. После этого случая Мария поверила. Стала припоминать слышанное от бабушки, стала у других узнавать травы и заговоры, стала помогать людям.

Чтобы оказать помощь, надо почувствовать чужую боль. Так и сказала мне Елена Кузьмовна на вопрос о том, научила ли она кого-нибудь своему искусству. «Я одной молодой заговоры дала. Придет время — лечить начнет. Она человека видит. И я вижу все, как только человек в избу войдет».

Опросы, проведенные в различных селениях и городах Западной Сибири, показали, что кое-какие сведения о лечении известны большинству людей и они, по мере надобности, применяются. Например, с детства прикладывают к порезу лист подорожника или бархатной травы, а к синяку — медный пятак, перетягивают шерстяной ниткой «развившееся», воспалившееся сухожилие. Намного обширнее опыт практикующих лекарей. Однако каждый из них владеет определенным набором лечебных средств. Народные знания рассеяны. Необходимы были опрос многих людей и специальные исследования в разных местностях для того, чтобы представить используемые лечебные средства с достаточной полнотой и проанализировать.

Исследователи народной медицины различают в ней явления реально-практические, иррационально-мистические, социально-психологические. Однако четкой границы между ними провести невозможно. Характерно, например, отношение к заговорам. Одни исследователи и собиратели объявляли лечение ими чистейшим шарлатанством, другие — признавали возможность воздействия словом, третьи — считали заговоры произведениями народной поэзии. Более правильным является все более утверждающийся подход к народной медицине как к комплексу знаний, закрепленных опытом многих поколений. Сибиряки сохранили наследие предков, полученное еще в местах прежнего проживания в европейской части страны, и пополнили его собственными наблюдениями над природой нового региона и над бытом проживающих в нем народов.

Наиболее глубинные слои народных представлений о врачевании связаны с обожествлением матери-земли и явлений природы. Прикосновение к земле давало силы, унимало боль. В разных губерниях России существовал обычай, по которому пахари и жницы по окончании страды катались по полю, чтобы земля помогла им расправить спину, освободила от усталости.

Удобренная земля увеличивала плодородие, т. е. получала

большую силу. Возможно, по аналогии с этим землю, смешанную с навозом, прикладывали к ранам, чтобы не только восстановить силы, но и унять кровь.

Реальнее оценивались такие качества, как вязкость глины, ее водоизолирующие и адсорбирующие свойства. Из пластичных комков делали пластиры, при горячке прикладывали ко лбу, при изжоге принимали внутрь (белую глину).

Обожженная глина русской печки приобретала особую крепость. С ее помощью пытались унять носовое кровотечение (растолочь глину, смешать с уксусом и прикладывать на чело).

Печь у русского народа являлась символом жилого дома, случалось, что вновь приселившиеся крестьяне не могли получить разрешения сельского общества на жительство. Когда же они начинали строить дом самовольно, постройку разламывали. Однако если нежелательные поселенцы успевали тайно за ночь поставить избу и затопить печь, их не трогали. Животворное тепло печи как бы охраняло собравшихся возле нее. К этой заступнице обращались с заговорами страдавшие от тоски.

«Горит где мати, белокирпичная печь, сохнет и колется, не отходит от белодубового столба. Тая и рабица Божия (имя рек) не могла бы она дни дневать, часы часовать, денежные часы и полуденные, во все сутки, во все 24 часа» (записано в 1990 г.).

При болезнях горла помогали себе, водя больным местом по краю печи. Произносили обращенные к ней заговоры, после этого плевали через левое плечо.

Возможность сверхъестественного воздействия через посредство печи — центра хозяйственной усадьбы — проявлялась и в уходе за скотом. Провожая весной корову на выпас, хозяйки нашептывали заговор, который должен был приводить скотину к своим воротам, к своему дому, к его печному столбу. В магическую силу этих воззрений крестьяне искренне верили. Подтверждение этому удалось получить недавно. Отыскивая жителей разъехавшейся д. Зыряновки Омской обл., я расспрашивала крестьян соседних деревень. И услышала, что какие-то колдуны в той деревне жили, «слова знали, скотина у них сама к дому ходила».

Печка-каменка курной бани также обладала таинственными свойствами. По ее камешкам девушки гадали о судьбе, бросали их в воду. Если послышится шипение — муж будет бранливый. Русская баня была отменным средством для изгнания простуды. Кому из сибиряков неизвестны лечебные свойства парного полка с березовым веником? С детства проходили они закалку, то прогреваясь в горячем пару, то ныряя в снег, в прорубь, обливаясь холодной водой. Обычай этот, укрепляющий здоровье, был

связан также и с древними представлениями о «нечистоте» бани: в ней обитал дух Банник, которого опасались. Поэтому не полагалось париться с наступлением темноты, когда оживает нечистая сила. Банную посуду не вносили в дом, а после мытья нужно было очиститься, окатив себя водою.

Воде отводилась важная роль в народном лечении: ее пили, ею обмывали и обрызгивали, в нее окунали и окунались, через нее передавали и с нею сплавляли, на нее нашептывали, ее заговаривали.

Непосредственное лечебное воздействие воды как силы живой природы слышится в заговоре от детских болезней: «Матушка река! Как ты течешь с востока на запад, моешь крутые бережка, положишь золотые пески, так смой, сполоши с м'его младенца, раба Божьего (имя рек), хитки, притки, сокотухи, лоскотухи, дерги, тряски...» (записано в 1990 г.). С помощью текучей воды избавлялись от тоски. Читая заговор, следовало опустить в реку ладони, зачерпнуть воду движением от себя и обмыть лицо.

Самое сильное действие приписывали освященной воде. Целебные свойства ее особенно возрастали непосредственно после водосвятия в праздник Крещения (6 января по старому стилю). Серебряный крест при этом опускали в прорубь, а затем, несмотря на стужу, туда окунались недужные, ища исцеления. Освященная в этот день вода хранилась в течение целого года, ее отпивали понемногу при заболеваниях. Вера в очистительную силу воды сочеталась при этом с верой в заступничество христианских святых.

Некоторые местные водоемы, чем-то выделяющиеся, также наделялись целительными свойствами. Например, возле пос. Колыванского (Алтайский горный округ) на горе Синюхе нашли большой камень с естественной выемкой в нем. В ложбине скапливалась и конденсировалась вода, не пересыхая даже в жару. Необычайность этого явления побудила местных жителей считать камень священным, чудодейственным, а воду в нем — целебной. Камень стал местной святыней. Сложился ритуал поклонения ему, согласно которому в день христианского праздника Пасхи проводили крестный ход по горе до священного места. Так переплетались христианские обряды с дохристианскими представлениями.

Знакомясь с природой Сибири, русское население внимательно присматривалось к опыту местных жителей. Благодаря этому им становились известны качество и свойства воды различных источников, которые ранее были определены коренным населением. У местных народов существовал обычай отмечать целебные ис-

точники, развешивая возле них на деревьях и кустарниках пестрые ленточки. Много выходов минеральных вод имеется в южной части региона. Еще в начале XVIII века появились первые русские переселенцы у реки Коргон, струящейся между горных ущелий. В ее долине увидели они большой камень и бьющий из-под него источник. Рядом были развешаны пестрые лоскутки. Камень назвали «шаманским», как и ключ. Целебную воду с того времени пили и алтайцы и русские. Получали они от этого вполне реальную практическую пользу, но название источника указывает на то, что относились к нему с известной долей мистицизма.

Не менее почитался лютый враг воды — огонь. В заговорах к нему обращались так же почтительно, как и к матушке-водице: «Батюшка Огонь, Царица Искра, Батюшка Дым». Образ огня двойствен, он связан и с языческим богом Перуном, и с христианским святым Ильей пророком. Огонь давал тепло, на огне готовили пищу, он помогал обороняться от диких зверей. Однако огонь мог пожрать все крестьянское добро. Огня опасались. В день Ильи пророка не выходили на работу в поле, страшась быть убитыми молнией за непочтение к святому. Подобного рода мистические представления сочетались с реальными наблюдениями. Так, после Ильина дня не полагалось купаться в реках и озерах под угрозой кары небесной. Реально же к этому времени лето подходило к концу, вода становилась холодной и небезопасной для здоровья.

Крестьяне верили в очищающую силу огня не менее, чем в силу воды. Окуривание повсюду в России применялось для ограждения от различных бедствий, от нечистой силы. Особенно действенным считался дым ладана в церковных курильницах. Осознавался также и дезинфицирующий эффект от применения огня и дыма. В 1773 году сибирский губернатор Д. И. Чичерин, узнав, что в Ялуторовском уезде на заимке Рафайловской появилась «заразительная болезнь», распорядился «сжечь все». В 1898 году вспыхнула эпидемия холеры в окрестностях с. Переваловского Тобольской губернии. Для избавления своего села от бедствия мужчины и женщины применяли разные средства. Бабы обходили село ночью, вымазав лица сажею, в вывороченных шерстью вверх шубах, со сковородками и трещотками в руках, производя как можно больше шума. По их рассказам, холера появлялась в образе древней старухи, но не могла проникнуть в село, так как ее запугали. Мужчины поступили иначе. Они навозили кучи мусора и соломы на дороги, подожгли их и окуривали дымом каждого входящего и выходящего.

Окуливание применяли также во время эпизоотий домашнего скота. Для этого добывали «живой огонь», который получали путем трения. У большинства сибирских деревень, возле полевых ворот лежали сухие столбы со следами пожогов от нарождавшегося пламени. Древность способа добывания огня как бы гарантировала его действенность, проверенную временем. Дым надеялся, кроме того, магической силой, способствовавшей в сердечных делах. «Батюшка дым! Иди да иди к (имя рек) и гложь ей сердце...» Ту же роль можно было поручить ветру: «Гой еси, буйный ветер! Пособи и помоги мне (имя рек) закон получить от сего дома и взять, кого хочу...»

Присушки полагалось читать на зарю утреннюю или вечернюю. Этому времени суток придавалось особое значение. При свете дня проходила жизнь людей. В ночной темноте действовали «темные силы». Грань между днем и ночью являлась как бы границей реального «этого мира» и нереального «того света». Утренняя заря Марена и вечерняя — Маремьяна могли служить посредниками, через которых обращались за помощью к силам мира иного. В заговоре, записанном в 1990 году, помогавшем от всех болезней, зори были названы как бы вехами в пути: «Стал я, раб Божий, благословясь, пошел я, перекрестясь, из избы дверьми, из ворот — воротами, под восточную сторону, под утреннюю зарю Марену, под вечернюю Маремьяну».

«Тот свет» был миром мертвых, ушедших из жизни предков. По древним поверьям славян, они следили за живыми и покровительствовали им. В некоторых деревнях сибиряков-старожилов существовал обычай выводить «на зорю» невесту. В это время она причитала и просила разогнать ее тоску — гробовую доску. Невесту-сироту в разных губерниях России водили перед свадьбой к могилам родителей, у которых она испрашивала благословения.

Покровительство мертвых считалось возможным в лечебной практике. Поэтому «мертвое мыло», которым обмывали покойников, использовалось для избавления от кожных заболеваний. Устанавливалась аналогия: мертвый не болен, мертвый очищается от земного зла, так и мыло, соприкасавшееся с ним, очистит тело больного человека. Подобные ассоциации выражены в заговоре от болезни горла: «Как у мертвого мертвеца нет горной болезни, так у меня, раба Божьего (имя рек), не было бы ни горной болезни, ни костной, ни жильной отныне и до веку».

Путь под восточную сторону, под утреннюю и вечернюю зори, как указывалось в заговорах, приводил к «океян-морю», за которым находится царство мертвых. Надежнее считалось обра-

титься к главному из них. «...На океан-море есть остров, на острове желты пески, на желтых песках лежит 77 мертвцев. У 77 мертвцев есть Семен-Мертвяк. Подойду я к нему поближе, поклонюсь пониже: «Батюшка Семен-Мертвяк, не болят ли у тебя коренные зубы или передние?» — «Нет, у меня не болят ни коренные, ни передние». Как у тебя не болят, так бы и у раба Божьего (имя рек) не ныли и не болели зубы и черви десны не точили». В другом заговоре «от ветряной» упоминается остров с престолом, на котором «лежит Адамова голова». Она не ноет, не болит и не скорбит ни денно, ни ношно, ни полунощно...» Здесь под влиянием христианского вероучения обращение к мистическому неопределенному предку конкретизировано указанием на прародителя рода человеческого, названного в христианских притчах.

Во многих заговорах на острове помещают мифический камень Алатырь (или Алтырь, Латырь). Его белизна, чистота и безболезненность должны были способствовать исцелению. Возможно, вера в охранительную силу камня восходит к тому времени, когда жилищем человека были пещеры, а сами камни служили орудиями труда и борьбы. В хозяйственной практике крестьян камни часто используются и по сей день, при этом больше ценятся старые, лежалые. В гористых местностях их закладывают в фундамент дома, подкладывают под столбы хозяйственных построек, выстилают ими под печи в доме, а покрытые патиной укладывают в каменку.

Магической силой наделяли камни с отверстием. Как и в европейской части страны, сибирские крестьяне стремились принести такой камень во двор для того, чтобы «скотина хорошо водилась». В Восточной Сибири через отверстие протаскивали человека, укушенного бешеной собакой, чтобы камень вобрал в себя болезнь.

Необычность не только формы камня, но и цвета, структуры, места нахождения вызывала надежды на особые полезные свойства. Очень ценили красный коралл, который называли «камень семибратной крови». Порошок из него, разведенный в воде, принимали от женских болезней. От зубной боли сибиряки спасались, прикладывая кусочки окаменевшего мамонтова зуба, которого не мало скрывалось в земле. Познакомившись с китайским чаем, стали приписывать лечебное действие даже камешкам, попавшимся в упаковках этого товара. В 1970-х годах в Тобольске нам довелось видеть, как старушки собирали осколки от каменных надгробий священников, которые лежали во дворе кремля. Камни прикладывали и привязывали к больным местам. В наивной вере старых женщин в благодатность освященного места

Окуривание применяли также во время эпизоотий домашнего скота. Для этого добывали «живой огонь», который получали путем трения. У большинства сибирских деревень, возле полевых ворот лежали сухие столбы со следами пожогов от изрождавшегося пламени. Древность способа добывания огня как бы гарантировала его действенность, проверенную временем. Дым наделялся, кроме того, магической силой, способствовавшей в сердечных делах. «Батюшка дым! Иди да жди к (имя рек) и гложь ей сердце...» Ту же роль можно было поручить ветру: «Гой еси, буйный ветер! Помоги мне (имя рек) закон получить от своего дома и взять, кого хочу...»

Присушки полагалось читать на зарю утреннюю или вечернюю. Этому времени суток придавалось особое значение. При свете дня проходила жизнь людей. В ночной темноте действовали «темные силы». Границы между днем и ночью являлись как бы границей реального «этого мира» и нереального «этого света». Утренняя заря Марена и вечерняя — Маремьяна могли служить посредниками, через которых обращались за помощью к силам мира иного. В заговоре, записанном в 1990 году, помогавшем от всех болезней, зори были названы как бы вехами в пути: «Стал я, раб Божий, благословясь, пошел я, перекрестясь, из избы двериами, из ворот — воротами, под восточную сторону, под утреннюю зарю Марену, под вечернюю Маремьяну».

«Тот свет» был миром мертвых, ушедших из жизни предков. По древним поверьям славян, они следили за живыми и покровительствовали им. В некоторых деревнях сибиряков-старожилов существовал обычай выводить «на зарю» невесту. В это время она причитала и просила разогнать ее тоску — гробовую доску Невесту-скроту в разных губерниях России водили перед свадьбой к могилам родителей, у которых она испрашивала благословения.

Покровительство мертвых считалось возможным в лечебной практике. Поэтому «мертвое мыло», которым обмивали покойников, использовалось для избавления от кожных заболеваний. Устанавливалась аналогия: мертвый не болен, мертвый очищается от земного зла, так и мыло, соприкасавшееся с ним, очистит тело больного человека. Подобные ассоциации выражены в заговоре от болезни горла: «Как у мертвого мертвяка нет горлой болезни, так у меня, раба Божьего (имя рек), не было бы ни горлой болезни, ни костной, ни жильной отныне и до веку».

Путь под восточную сторону, под утреннюю и вечернюю зори, как указывалось в заговорах, приводил к «окели-морю», за которым находится царство мертвых. Надежнее считалось обра-

титься к главному из них. «...На океан-море есть остров, на острове желты пески, на желтых песках лежит 77 мертвцов. У 77 мертвцов есть Семен-Мертвяк. Подойду я к кому поближе, включюсь почиже: «Батюшка Семен-Мертвяк, не болят ли у тебя коренные зубы или передние?» — «Нет, у меня не болят ни коренные, ни передние». Как у тебя не болят, так бы и у раба Божьего (имя рек) не кылы и не болели зубы и черви десны не точили». В другом заговоре «от ветраний» упоминается остров с престолом, на котором «лежит Адамова голова». Она не кост, не болит и не скорбит ни денно, ниночи, ни полуночи...» Здесь под влиянием христианского вероучения обращение к мистическому неопределенному предку конкретизировано указанием на прародителя рода человеческого, названного в христианских притцах.

Во многих заговорах на острове помещают мифический камень Алатырь (или Алтырь, Латырь). Его белизна, чистота и безболезненность должны были способствовать исцелению. Возможно, вера в охранительную силу камня восходит к тому времени, когда жилищем человека были пещеры, а сами камни служили орудиями труда и борьбы. В хозяйственной практике Кресты камни часто используются и по сей день, при этом больше ценятся старые, лежальные. В гористых местностях их закладывают в фундамент дома, подкладывают под столбы хозяйственных построек, выстилают ими под печи в доме, а покрытые патиной укладывают в каменку.

Магической силой наделяли камни с отверстием. Как и в европейской части страны, сибирские крестьяне стремились принести такой камень во двор для того, чтобы «скотина хорошо вплелась». В Восточной Сибири через отверстие протаскивали человека, укушенного бешеной собакой, чтобы камень вобрал в себя болезнь.

Необычность не только формы камня, но и цвета, структуры, места нахождения вызывала надежды на особые целебные свойства. Очень ценили красный коралл, который называли «камень сримбратной крови». Порошок из него, разведененный в воде, принимали от женских болезней. От зубной боли сибиряки спасались, прикладывая кусочки окаменевшего мамонтова зуба, которого не мало скрывалось в земле. Познакомившись с китайским чаем, стали приписывать лечебное действие даже камешкам, попадавшимся в упаковках этого товара. В 1970-х годах в Тобольске нам довелось видеть, как старушки собирали осколки от каменных надгробий священников, которые лежали во дворе кремля. Камни прикладывали и привязывали к больным местам. В наивной вере старых женщин в благодатность освященного места

можно увидеть и следы древней веры в оберегающую силу камней.

Самосадочная соль, которую ломали в озерах, также имела вид качни. [Лаговоры на соль известны у русских издавна, а ее дезинфицирующие и консервирующие свойства часто использова-лись в хозяйственной практике. Особенна действенной считали «четверговую соль», прокаленную в печи в утро четверга на страстной неделе. Шепотку ее добавляли в питье больных желудком, бросая в воду для мытья крынок и другой посуды. В этот четверг старались сделать припасы мясных продуктов, так как верили, что они не испортятся в течение всего года. В этом, как и при лечении осколками с Надгробий, сочетались представления языческие и христианские, но в данном случае они подкреплялись естественными свойствами соли.]

Возможно, по сходству с прозрачными кристаллами каменной соли приписывали дезинфицирующее действие «хрустальному стеклу». Ею, например, народная медицина рекомендовала нить в истолченном виде болевым сифилисом. Рецепт включал несколько компонентов: к порошку из стекла добавляли петрушку, растение «кульбаба», снявши толочки шиповника и суджу (1 г.) Все это надо было вскипятить в воде (4 бутылки на курс лечения). Также и при гонорее давали пить смесь из толченого стекла с конопляным молоком (выжимки из мелко растертого конопляного семени) до 1 стакана в день.

Помимо аналогии с солью можно предположить перенос качества стекла (прозрачности, чистоты) на его свойства, якобы способствующие очищению от внутренних «нечистых» болезней. Соответственно этому разрывная соль пороха могла разорвать и изгнать лихорадку, заползающую в человека змея или вырвать за jakiательный плод у женщины. С этой целью дили настой пороха или юркую, всегда переливающуюся ртуть. Опасность подобных рецептов для здоровья и жизни очевидна.

Металлы в народной медицине применялись издавна. Об этом свидетельствуют тексты заговоров, в которых называются мед, олово, железо, каленое железо, булат, серебро, золото. Известна была очищающая способность серебра, а серебряный крест, кроме того, наделялся защитной силой от всяческой скверны и нечисти. Впрочем, такие же свойства приписывались острым, колющими металлическим предметам. Исходя из подобных представлений, в платье невесты закалывали итолки и булаки, а дружка носил за кумаком нож.

Металлическая ограда, бесспорно, намного прочнее деревянной. Образы затраждений из различных металлов обычно упот-

реблялись в охраниительных заговорах, например для оберега ото всех болезней. «Вокруг меня железный тын от земли и до неба, от востока и до запада, и булатные ворота. У булатных ворот калена луковая стрела состреливает с раба (имя рек) порчу с его тела, с его крови, с его легкой печени, с его речивого сердца, с его 77 жил, с его 77 суставов. Так я я, раб, беру ту же и состреляю ти же».

Наряду с образом металлической ограды, защищающей человека, встречается образ железного существа, удерживающего злые козни. От злого заговора можно было оборониться словами: «Стоят мужик железный, подперся посохом железным. Как у мужика рот не растворится и язык не подымется, так же у моего недруга рот бы не растворился и язык не подымался бы отныне и до века. Аминь, Аминь, Аминь». В других заговорах упоминаются бык железный, дуб железный и пр. Распространена клиновка с указанием на металлический замок и ключ, укрепляющие действие заговора. Приведу один из текстов для остановления крови.

Бетаку я, благословясь, пойду, перекрестьсь. Выйду из дверей я двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в широкое раздельье, на окраину моря.

На окраине моря стоит гробница, в этой гробнице сидит девица. Мать Пресвятая Богородица. Во правой ручке держит иголочку булатную, во левой ручечке - маточку шелковую, Запирает она, сидит, рану кровлюзую. От этой раны кровлю 77 жив, от 77 жив 77 суставов, от 77 суставов 77 мышц.

И к ей едет старик-стар, под ини конь-марь, в стать, кровь, не кань. Будьте вы, или слова, крепки и ледки, крепче камня, крепче булату. Ключ в море, занок в роте. За толстыми щеками та за частыми зубами.

Кроме символических образов «железная-мать», каменной гробницы, колючих, запирающих металлических предметов и сиятых покровительниц в этом заговоре содержится описание действий, которые при реальном их исполнении могли бы закрыть рану и остановить кровь. Подобных различных, как бы реальных действий в заговорах называется немало. Это дает основание ученым полагать, что первоначально на самом деле производились те или иные лечебные процедуры и лекаря, рассказывая о них, обращаясь за следствием к силам природы и духам. Со временем слова-приобрели первенствующее значение, а действия оттеснились на второй план или вовсе прекратились. Люди уверовали в силу слова, в возможность добиваться лишь с его помощью требуемого результата. Доверие к слову глубоко укоренилось, произошла замена словом реальных процедур.

Заговоры получили самое широкое распространение. Некоторые из них произносятся от первого лица. В простых случаях повторяя их, каждый человек может излечить себя. В ц. Верх-Уй-

монской девяностолетней женщина рассказывала, как она сама избавляется от занозы. Надо повторять и повторять несколько слов: «Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь. У дуба Парфен, из черного коровьего молока, из раба Божьего человека (имя рек), из глаза, пальца выйди игла, стекло, заноза, сор» (запись 1979 г.). Постепенно заноза начинает подниматься и легко удаляется. В более сложных случаях обращались к специалистам-знахарям, силае слова которых особенно доверяли.

Широко распространены были в народной лечебной практике замена самого больного человека и перенесение действия на что-либо от него полученное. Например, достаточно было отрезать волоски или состричь ногти и над ними производить действия или читать заговоры. Таким же образом больной орган или болезненный участок тела заменялись сходными предметами. Так, для лечения нарывов («чириев») требовалось найти сухой сук, обводить им больное место, приговаривая: «Сук-сучище, возьми мое чирище. Как сук сохнет, так и чирий засохнет». Однако можно было не трогать больное место, а обводить пальцем на деревянной доске след срезанного сучка. Результат ожидался тот же.

Слово человека являлось источником целительной силы, но и исходившие от человека вещества использовались в лечебных целях. Многим по опыту известно, что слюна помогает закрыть порез, моча — унять боль ожога. Сибирские крестьяне принимали мочу вовнутрь для изгнания глистов и для отхаживания от алкогольного опьянения. Кал использовали для лечения опухолей. Грудным молоком пользовали младенцев.

Более широко в качестве лечебных средств употребляли ткани и выделения животных. В ход шло все: шерсть и шкуры, мясо и сало, рога и копыта, молоко, моча и кал, пот, кожная и носовая слизь, а также отдельные органы.

Мы упоминали о вредоносной способности змей. Они, как и другие земноводные — лягушки и жабы, считались пособниками и атрибутами колдунов и ведьм. Однако те же гады могли быть и лекарями. В Древней Руси делали медальоны с изображением человеческой головы или фигуры, окруженной змеями. Их носили как амулеты, предохраняющие от болезней и других бед. В старинных сказаниях повествуется о человеке, который отведал еды, приготовленной из змей. После этого он стал понимать язык трав. От этого человека пошло учение о целебных травах. Считалось, что змея, ежегодно меняющая кожу, сбрасывает старость, охраняет «змей-траву», способную оживить даже мертвого. В лечебной практике змеиный выползок носили на шее для избавления от лихорадки, прикладывали к наривам.

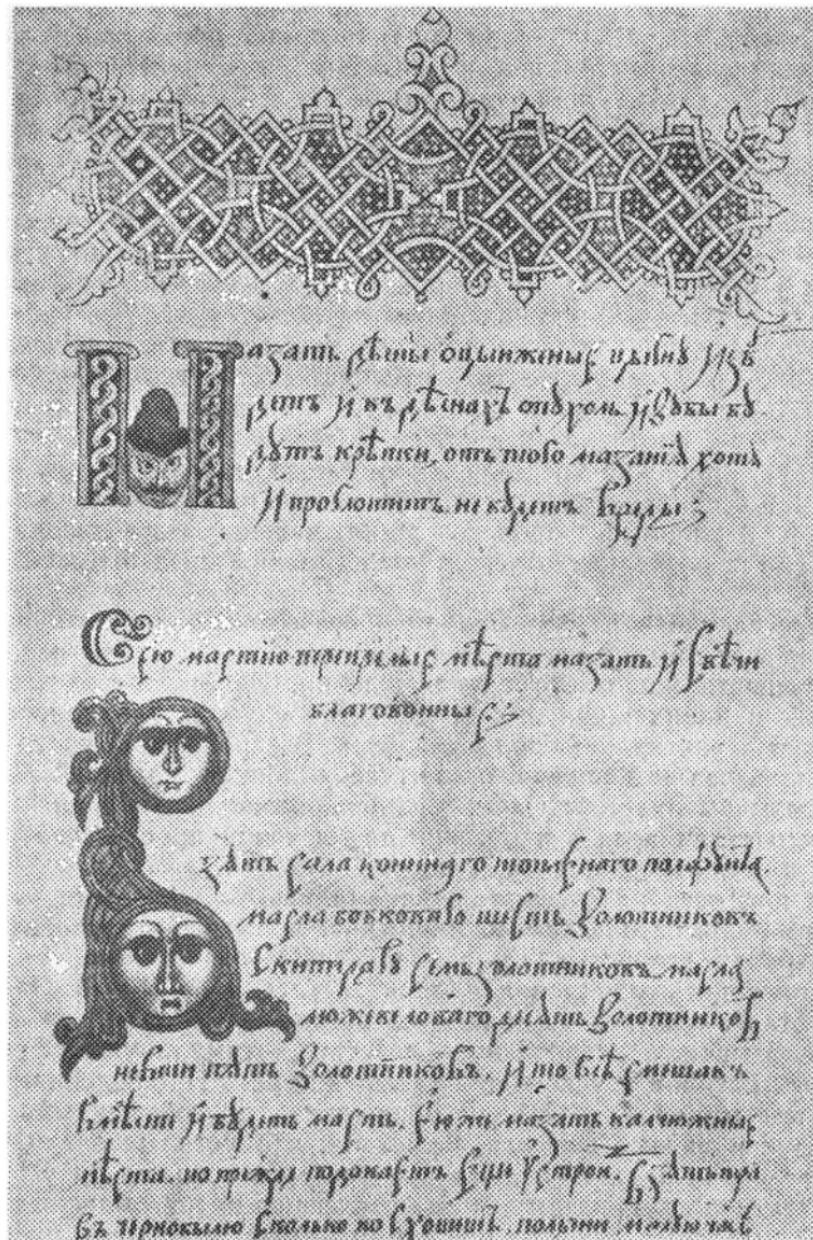

Рис. 2. Страница рукописного «Лечебника» XVIII века, орнаментированная изображением голов людей, оплетенных змеевидными узорами (Алтайский краеведческий музей).

Действие препаратов растительного и животного происхождения, известных в народной медицине, изучено лучше других лечебных средств. Полезность многих из них подтверждена современной практикой. Примером тому могут служить мед, воск, прополис и другие вещества, составившие основу целого направления медицины — апитерапию. Но использование их в народной медицине более свободно и своеобразно. Например, в Томской губернии для лечения «падучей» болезни уваривали в «вольную мару» русской печи 2 горсти домашних пчел, брошенных в горшок с 4 стаканами воды. Горшок замазывали и оставляли в печи, пока объем воды не уменьшится вдвое.

Некоторые народные рецепты неспецифичны и вызывают удивление. Так, для лечения желтухи русские крестьяне в разных губерниях пользовались одним приемом: ловили щуку, пускали в ведро с водой и смотрели ей в глаза. Болезнь должна была перейти на рыбью Сибирские крестьяне, кроме того, если висят. Тем не менее чистотических представлений, связанных с лекарствами растительного и животного происхождения, меньше, а в заговорах они называются несравненно реже, чем применяются в бытовой практике.

Переселение в регион Сибири обогатило знания и расширило арсенал лечебных средств. В частности, болевые стали использовать вещества животного происхождения. Известно, что жир домашних и диких животных повсеместно служил для приготовления мазей, растираний, приема внутрь. В европейской части страны использовали в основном жир гусей, кабанов, медведей, бобров. Тюркоязычные народы Сибири чаще пользовались бараньим жиром, что стали делать и русские для лечения яростуды, сосудистых и суставных заболеваний и даже опухолей.

На эпоху региона русские познакомились с некоторыми аркемиями тибетско-монгольской медицины. Это вызвало появление новой отрасли хозяйства — мараловодства. Русские крестьяне начали разводить маралов для продажи пантов в Китай. Затем и сами стали лечиться вытяжкой из рогов, препаратами из крови. Они оказывают гониизирующее действие, стимулируют функции половых органов и ускоряют заживление ран. Наблюдения за поведением маралов позволили обнаружить другой ценный источник токсигенирующих веществ. Заметили, что усталые плены вызывают корки леззен (*«маралии коренья»*) и повадают их. Это растение оказалось полезным при физических переутомлениях.

Богатый опыт лечения растениями был накоплен русскими еще на родине. В Сибири в первую очередь пользовались теми из них, которые уже были известны. Всегда под рукой находи-

лись огородные овощи. Многовековым опытом были установлены дезинфицирующие свойства чеснока и лука, послабляющие — свеклы, очищающие — петрушку и редьку, утоляющие боль — листья капусты и т. д.

При надобности домашнюю аптеку пополняли дикорастущими, а некоторые из них приближали к жилищу. Еще в XVII веке путешествовавший по Сибири академик П. С. Паллас заметил, что Крестьяне выкапывают лук из чеснок и сажают его на своих огородах.

Вблизи домов рассаживали черемуху, плоды и кора которой обладают вяжущим свойством, в некоторых местностях — липу (отвар цветов или при простудах, лихорадках) или березу — любимое русскими чудо-дерево. Красота белоставльной берески и круглого листья многократно воспевались народными поэтами. Около нее приводили гулянья, водили короводы. При исполнении обрядов, ее косили по деревням, ставили в домах и храмах. Разнообразное использование берески в быту и в хозяйстве заставляет думать, что не только красота дерева, но и большая полезность снискали ему всеобщую любовь. К образу берески обращались в заговорах. Например, при лечении детей от золотухи читали такой заговор (заиман в Усть-Канском районе в 1990 г.):

Стоят в поле белая береска,
созревает и нечехает, чахнет исчезает,
ни пухнет, ни тухнет, ни краснеет,
ни блестит, поверху не зрывается
вся ножка, полуношку.
Так у кладенца (ния рек) золотушечка
в ушечках, в глазенках.
В головушке не пухла, а тухла,
ни краснела, ни дрела, кверху
ни здымалась вся ножку полуношку.
Будьте мои слова крепки-лепки,
крепите ножка быстро и каняя суровика.
Замкнен запру, ключом замкну.
Ключ в море, замок в роте.
Прыгай и присяди и во веки веков знай.
Действуйте мои слова все
24 часа, под полуношку и на ветхуки,
На ущербье и на молоду.

В лечебных целях использовали все части растения: листья, ветки, почки, кору, даже наросты на коре, даже уголь и деготь — как освежающие, очищающие, тонизирующие средства. Бодрящее действие берескового веника в парной бане с детства знакомо каждому сибиряку, даже народный банный лист может быть полезным. Так, при ожоге народный опыт советовал

брьзнуть воду на печь-каменку и читать заговор: «Банный лист, банная плитка, банная прытка — на пень, на колоду, на холодную воду, на змей ползучих, на лягушек скакучих. Аминь» (записано там же). Затем надо снять прилипший к телу банный лист, обмыть его и приложить к ожогу — он не будет воспаляться при мытье.

Свежий зеленый лист прикладывали для успокаивания мышечной и суставной боли, для заживления ран. Березовые почки настаивали в вине, от этого оно укрепляло силы. По весне собирали бересковый сок, которым заменяли квас. В лечебных целях пили чистый деготь — как средство от лихорадки, им же смазывали раны, с его помощью избавлялись от кожных болезней.

Плоды различных деревьев, а тем более кустарников использовали как в питании, так и для лечения. Свежие ягоды черемухи были лакомством для детей, а из сухих плодов мололи черемуховую муку и варили кисели, обладающие вяжущим действием. Сладкие ягоды малины вкусны в свежем виде и в варенье, а сухие служат отличным жаропонижающим средством.

Лечебные свойства земляники, клубники, клюквы, брусники были хорошо известны еще в европейской части страны. В Сибири русские познакомились с местными растениями, содержащими высокоактивные вещества. Сибирские богатыри: кедр, пихта, лиственница — нашли самое широкое применение в хозяйстве как строительные материалы, пищевые и лечебные средства (отвары хвои и масло). Плоды кустарников (облепихи, заманихи, лимонника) пополняли пищевые припасы, но особенно ценились как дорожные запасы, помогающие путникам и охотникам снять усталость.

Разнообразен был кладезь лечебных трав. О свойствах многих тоже знали по опыту жизни в европейской части страны. Большинство из них произрастало в средней полосе Сибири и активно использовалось для лечения. Продвижение русских к южной границе Западной Сибири позволило значительно расширить набор целебных растений, он пополнился цветами альпийских лугов.

В начале XX века ботаник Л. А. Уткин провел опрос знахарей в Томском, Мариинском и Кузнецком уездах. Он смог записать большое число трав, их свойств, местных названий и при этом пришел к выводу, что «народ склонен приписывать лечебное значение каждому растению, каждое растение он считает живым, наделяя его поэтическими образами». Поэтому названия нередко даются по свойствам: чистотел, девясила, перелой, кровохлебка и т. п.

Рис. 3. Страница рукописного «Лечебника» XVII века с растительным орнаментом (Алтайский краеведческий музей)

Как заметил Л. А. Уткин, лечебные свойства стремятся увидеть во внешнем сходстве с характером заболевания или с человеческими органами. Так, растения с красной окраской применяются при лечении кровотечений или болезней крови, а растения с желтыми цветами — от желтухи, заболеваний печени. Травы, имеющие острые, килиющие формы, считаются полезными «от холода», или «от нечистой силы». Оценка по внешнему виду может быть и ошибочна. Оттого средства народной медицины не переносятся непосредственно в лечебную практику медицинских учреждений, но проходят основательскую проверку путем выявления действующих веществ химического состава и определения их воздействия на организм.

Новые для русских сибирские растения нередко вначале входили в обиход как съедобные. Постепенно обнаруживались и их лечебные свойства. Повсюду в России оскудевшие к весне залазы положились первой зеленью, появлявшейся в лесах и на лугах. Это крапива, лебеда, хвощ, сныть-трава и другие дички. На юге Сибири по весне ватаги алтайских и русских ребятишек отправлялись на луга со специальными палками-копалками искать яросли кандыка. Они поедали растения в поле и делали прятаны, складывая луковицы в заплечные мешки. Кандык выручал крестьян при нехватке продовольствия. Его молодые луковицы, сладкие на вкус, называли конфетами. После того как растение отцвело, луковицы становились Мужчинами и напоминали по вкусу картофель. Их отваривали в молоке или растирали в муку для лепешек. В народной медицине кандык стали использовать при упадке сил, малокровии, при желудочных коликах, при цинге.

Повсеместно были известны русским лягни лук и чеснок. В Сибири произрастало их более тридцати видов, к тому же с высоким содержанием витаминов и фитонцидов. Почти вся эта зелень шла в пищу в свежем виде, соленом и сушеным, как отдельное блюдо и как притрава. В лечебных целях лук и чеснок применяли в борьбе с инфекционными заболеваниями: при лихорадке, чуме, холере, тифе, а также для лечения ран, парализов, при женских болезнях и как косметическое средство.

Другие же растения попадали к русским от местного населения вначале как целебные. К ним относится чай, бадан и ревень, которые доставлялись в Россию в XVII—XVIII веках под строгим контролем, а торговля ими считалась государственной монополией. Чай тем не менее раньше других попал на стол сибиряков. Еги выменивали на границе или покупали у китайских купцов. Уже к XIX веку он стал любимым повседневным напитком, потеснив квас. Бадан русские крестьяне получили возможность собирать с

ми, поднявшись к алтайским высокогорьям, где он хвостом устипал скалы. Перезимовавшие черные листья его предпочитают к сейчас чаю, а в лечебных целях применяют для укрепления желудка и как кровоостанавливающее средство.

Для поисков очень целившегося ревеня в XVIII веке к алтайским горам был специально послан учёный аптекарь Ивах Сивер. Он нашел два вида растения, запасся семенами и вырастил из них пробный посев в Усть-Каменогорске в 1793 году. Так ревень появился в России как культурное растение. Его зеленые части с успехом шли в салаты, борщи, кисели и компоты. В лечебных целях заготавливали корневища и листья, которые применяют при желудочных заболеваниях.

Красивый, покрытый белым спутанным пухом эдельвейс в Западной Европе считается символом мужества, так как произрастает на крутых обрывах и сорвать его решаются лишь отчаявшиеся смельчаки. Но в горах Алтая сбор эдельвейсов не связан с риском для жизни: растение покрывает каменистые равнины. Из сухой его травы местные жители в прошлом делали трут для добывания огня с помощью огнища. В восточной медицине эдельвейс использовали для прижиганий и в иглотерапии, а также как болеутоляющее и отхаркивающее средство. Жители Алтая, кроме того, соком листьев заливали раны, отваром полоскали горло, останавливали носовые кровотечения.

Тонкие наблюдения за растениями позволили народным ведунам отметить особенности воздействия некоторых из них на мужской и женский организм.

Сильные токсичирующие свойством обладают корни медведьей лапы, имеющие нежный аромат, приятный вкус и красивый золотистый цвет, за который они получили название «золотой корень». Свойства его были известны алтайцам более 400 лет назад. Существовало поверье, что тот, кто найдет золотой корень, будет здоров, удачлив и проживет два века. Корень вручали молодому супругу как свадебный подарок — «дабы умножить род свой». Оценки токсичирующие свойства золотого корня, русское население применяло его не только при лечении импотенции, но и в борьбе с малокровием, изматывающей майярней, для восстановления сил после болезни. Пили настой корня и для профилактики («чтобы быть вообще здоровыми»).

Мясистые длинные корни другого растения — пиона, имеющие сладковатый запах и вкус, получили наименование «марин корень» и стали популярны при лечении женских заболеваний.

От народов, возле которых расселялись русские в Сибири, они унаследовали не только новые целебные растения, но, что особенно суще-

ственно, восприняли некоторые каноны восточной медицины. Из документов XVIII века известует, что русские крестьяне овладели искусством прижигания, а следовательно, знали точки на поверхности кожи, через которые можно воздействовать на внутренние органы. Хотя документы о лечении прижиганием немногочисленны, они тем не менее свидетельствуют о широком применении этого метода населением Западной Сибири. В середке XVIII века в ответах на актуету об образе жизни местных народов сообщалось, что в Томском округе татары, живущие в степной части, прижигали березовой губой больные места, «пока войдет до тела и выгорит». Новокрещеные татары лечили этим приемом также и русских.

В 1763 году главный лекарь Колывано-Воскресенских заводов сообщал в Москву, что жители горнозаводского округа от сибирской язвы применяют «закалывания икрою или шилом» и «наожигание трутом, что поселенцы называют ядном». Ножевщиков указал, что русские переняли этот способ «из китайской границе, в Зеигории, а некоторые из Каамчатки», что им часто пользуются «от лому поясницы, вертлуга и прочих kostломных боляcek не без пользы».

В 1926 году студент-медик П. Т. Приходенко в деревнях Анжеро-Судженского района Томской губернии обнаружил, что местные эзахари лечат лихорадку, прижигая кожу пламенем горящей свечи. У одной из женщин он увидел на животе и спине более 30 ожогов величиной с серебряный гривенник. А в 1990 году травница из Горного Алтая указала мне точку на руке, которую она прижигает толченным чесноком во время наスマфии.

Основываясь на народных традициях и знаниях, русские эзахари включали в свою практику не только заимствованные от соседей приемы, но и позаимствованные от профессионалов. Некоторые медицинские рецепты и рекомендации были вкесены в травники и лечебники, которые в Сибири переписывались от руки. Так, в средние века в Западной Европе широко было распространено лечение кровопусканием. В сибирском рукописном «Руководстве врача бедным» приводятся подобные сведения, связанные с астрологическими знаками восточного календаря, и хариду с ними отнесения «главнейших жил, из которых от какой болезни руду метать» (т. е. выпускать кровь).

В конце XIX века для борьбы с оспой, принимавшей характер эпидемии, готовили кадры оспопрививателей из крестьянских мальчиков, которых затем рассыпали по деревням. Однако эти «профессионалы» не смогли завоевать доверия сельчан. Крестьяне предпочитали делать прививки самостоятельно, перенося жидкость из осповых пузырьков от больного ребенка на тело здорового

го. Узнавая состав медицинских рецептов, крестьяне перерабатывали их в соответствии со своим возможностями и представлениями. Врач Сузунского завода И. Казаринов при появившихся заболеваниях холерой вел разъяснительные беседы и сообщал рецепт. Он обнаружил затем, что «переделанный, перекореженный по-своему, этот рецепт послужил службу для внутреннего потребления». В крестьянском варианте он принял следующий вид: 1 чайная ложка дегтя, 1 чайная ложка золы и 2 ложки кипятку сильно и долго взваривать, отстаивать, снять и лить по 1 ложке и по 1 рюмке.

Через сведения из различных источников, народ проверял их путем опытов, лекари постоянно ставили эти опыты, в том числе и на себе. В 1748 году теодезист И. Шишков описал опыты крестьян Томской губернии по лечению эпидемии сибирской язвы травой, «изываемой блошицца, она же душница, цветом беллан». В других деревнях лечили прикладыванием к язвам чертиполоха или листового табака. В 1858 году в Томских губернских ведомостях мещанин Н. Лео описал свои опыты по лечению головной боли после угарта. В это время имелось немало средств для этого: положить в уши мерзлую клюкву обкладывать голову мерзлой капустой или красной гусицей, прикладывать к голове салфетку, смоченную в вине, а к вискам — холодные огурцы, промывать холодным уксусом левую сторону груди, наконец, выйти на улицу и полежать в снегу. В 1894 году врач И. Казаринов опубликовал некоторые доморощенные рецепты против холеры. В 1990 году несколько жителей сообщили мне, что вылечили себя сами, начав «олоты» на себе ставить, травы разные пить. Число подобных сообщений можно умножить. Они свидетельствуют о не угасающей активности народного поиска, который начался со времени появления русских за Уралом. Традиционное лекарское искусство сибиряков основано на древнем русском наследии, пополненном знаниями народов как европейского так и азиатского континентов. Концентрируя опыт, простиравшийся вглубь и вширь, и подключая свой собственный, народные врачи-врачеватели могли противопоставить болезням могучий и многообразный арсенал целительных средств. Не подлежит сомнению, что народная медицина Изучена далеко не полностью. Исследования ее продолжаются и должны проводиться впредь.

Раздел II

РАССКАЗЫВАЮТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

Н. А. Смирнов

ТИХВИНСКАЯ СТАРИНА (О ЖИЗНИ КАЗАХОВ, РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ)

Освоение юга Западной Сибири началось давно ишло по разным направлениям. По рекам Иртышу, Оби и их притокам селились выходцы из Европейской России: русские, украинцы, немцы, поляки, эстонцы, латыши. По берегам рек создавались казачьи поселки. Между ними селились выходцы из различных религиозных сект: староверы, малакане, мармоны, лютеране менониты, баптисты и др. Из стелей Казахстана пролегались кочевые роды казахов.

В конце XIX — начале XX века начался процесс формирования казахской нации. Именно в это время происходит переход их к оседлому образу жизни. В 1822 году была учреждена Омская (с 1860 года — Акмолинская) губерния. Это вытекало из необходимости упорядочить управление кассационем степной полосы. В административном порядке весь север Казахстана тогда входил в Омский уезд Акмолинской губернии. Царские чиновники управляли этим обширным краем через местную знать — басы, ханов, предводителей родов. Через них осуществлялось налоговообложение, решались другие вопросы.

Относившиеся к территории хынешнего Павлоградского района аулы Састамар, Кайдаул, Байдалик, Иргибай, Аыре, Саттыбай составляли род Керей. Аулы, расположившиеся на телерешной территории Степного совхоза, входили в род Кылшак. Население из ауль, что были возле Тихорецка (Карабайсен, Байтука, Салжан, Ульминек, а также аул Кирибай), составляло род Уак. Особняком выделялись аулы Исенгельды, Токтаул, Шишокпай, Байчукжа, Укуган, Джалашан, которые составляли род Байктуур. Из всех этих поселений осталось только три: Байдалин — в Таврическом районе, Кирибай и Кайдаул — в Павлоградском. Про-

изошло смешение родов, многие семьи казахов расселились среди русских и украинских поселений, отдельные места жительства избрали районные центры и города. Стали возникать смешанные браки между немцами и казахами, казахами и русскими, особенно часто между татарами и казахами. Есть случаи заключения браков казахов с дагестанцами.

Сохранилось интересное предание о названии рода Уак. Давным-давно, когда приходилось отражать набеги врагов, батыр Сарбаян собрал джигитов и отправился воевать. Прошло время, он вернулся в родное кочевье. Знал, что у него должен был родиться ребёнок. И действительно, при встрече с женой показала ему сына. На радостях он его горячо поцеловал и произнес слово «уак», что в переводе означает младенец. С тех пор почетство этого человека стало называться Уак.

В памяти казахского народа хранятся много легенд, преданий, сказаний, очень интересных по своему содержанию. Народ помнит имена многих своих легендарных героев, таких, как Жаубасар, Карокирей, Кабанбай, Канжигач, Бугенбай и др.

Постоянных поселений в нашем современном понимании тогда не было. Условия кочевой жизни диктовали свои законы. Скот содержался круглый год на подножной корме. Построек для скота не делали, сена на зиму не заготавливали. Животные зимой сами добывали себе корм, разгребая снег копытами. Вначале проходили лошади и верблюды (их было много), за ними шел круплый скот, а потом — овцы и козы. Трава вырастала обильная и высокая и вся оставалась на корню. Упрятый ковыль не давал уплотняться снегу, а равнителько частые колки служили защитой животным от холодных сибирских ветров. Чтобы прокормить скот, необходимо было селиться в одном месте несколько семьями. Большие поселения создавать было рискованно. Лулы свободно и часто переносились с одного места на другое. Четко обозначенных улиц не придерживались, а селились по строго соблюдаемому закону: наилучшее место занимал старший в роде или старший из братьев, остальные ставили землиники по старшинству своего положения.

Аул Каирбай первоначально располагался чуть поодаль от современной застройки и долгое время назывался Даулбай или Егенднагаш. Первое название связано с именем человека, а второе переводится как «посаженный лес». Вероятно, окружавшее аул каводили на мысль, будто лес был посажен руками человека. В двух километрах от теперешнего поселения есть лес, похожий по своей форме на заслоняющую полосу. Узкая полоса беловствольных берез тянется сплошной ровной линией с запада

на восток на значительное расстояние. А возможно, предки кирибайцев действительно свой аул обсаживали деревьями. Кстати, следует отметить, что казахи очень бережно относились к природе. Лес, который произрастал вокруг аула, тщательно сохранялся. Там, как правило, грачи устраивали свои гнезда, разорять которые считалось большим позором и грехом.

Дерновые земляки, в которых казахи проживали зимой, скорее напоминали временное жилье. Потолки, укрывавшиеся лозой или хворостом под дерн, не обмазывались глиной. Даже стены не всегда белились. Печки для отопления строились из кирпича-сырца с горизонтальными колодцами-дымоводами. Спали на земляном полу, плотно застеленном потником (кошмой). На день постель убиралась и стлались ковры, изготовленные своими руками, с затейливым орнаментом. В богатых домах ковры бывали купленные.

Пища состояла в основном из продуктов животноводства. Хлеба не знали до установления тесных контактов с русскими. Его заменяли кирчики, приготовленные из кислого молока. В ограниченном количестве употреблялась соль. Из-за того, как уверждали первые поселенцы, казахи обладали острым зрением до глубокой старости. Ели за столом с очень короткими ножками, сидя на полу, скрестив ноги. Посуда была изготовлена из дерева и кожи. Ложками и вилками не пользовались, пища бралась пальцами. Название национального казахского блюда бишбармак означает «пять пальцев».

Одежда женщин состояла из длинных сосборенных юбок и камзолов-безрукавок. Праздничные камзолы украшались бляшками из металла или монетами из серебра. Все замужние женщины носили жаулык — одежду в виде длинной кофты вместе с головным покрытием. Изготавливаясь она обязательно из белого материала. Самыми любимыми материалами были вельвет и бархат.

Белье стирали мылом, которое готовили в домашних условиях. Делалось это так. Собирали и сушили особый вид полыни, называемой «алабота». Затем ее сжигали и собирали золу, которую смешивали в определенных пропорциях с костным жиром. Для его получения собирали кости и долго их кипятили. Как уверяют старые казашки, это было мыло очень высокого качества. Рецепт его изготовления знали немногие.

Если родители невесты не были согласны на брак, то жених должен был ее выкрасть. Во время такого акта происходили потасовки, довольно крупные и длительные, но в смертельную вражду они не перерастали. После как все утрясется,правляли свадь-

моте испи-
ля из онжом
зан насып-
лено

Фото 1. Казахи в национальных костюмах (Ержигитов
Зейнула со своей женой).

бу. Невесту усаживали в отдельную комнату или за ширму, чтобы никто из гостей ее не видел. Мулла читал молитву из корана и спрашивал жениха, любит ли он невесту. Эта процедура проводилась над пиалой, наполненной водой. После ответа жених должен был испить из пиалы воды, невеста тоже пригубляла пиалу и именно в том месте, где пил ее будущий муж. После этого пиала идет по кругу среди гостей, которые, отпивая воду, бросают туда серебряные монеты. Затем следует угощение, спиртного

при этом не бывало. Казахи вообще не употребляли алкоголь, можно сказать, до нашего времени. И сейчас многие пожилые казахи не знают вкуса водки и вина.

Первого родившегося ребенка нередко отдавали насовсем своему родственнику, который считал его членом своей семьи. Когда ребенку исполнялся год, приглашали уважаемого в ауле человека, который брал дитя из беска (люльки) и путал его, как путают лошадей.

После этого следовало угощение. Этот обычай утверждал веру в то, что ребенок будет растя сильным, выносливым и быстрым, как конь.

Если в одной семье умирал жепатый мужчина, то вдова становилась женой его брата, даже если у того уже были жена и дети. Этот обычай, оставшийся от родового строя, выражал заботу о сохранении в своем роде потомства. Отдельные богатые банились на молодых девушках из бедных семей. Общественное мнение таких поступков не осуждало тогда, тем более что это разрешалось кораном.

В середине или в конце мая жители всех аулов выезжали на жайляу (летнюю стоянку). Причем жайляу был один для многих близлежащих аулов. Так, аулы Састамар, Кунанбай и Кирибай ставили свои юрты возле большого озера Сасыккол («квонючая вода»), что находилось возле бывшего села Лозовое (по-казахски Бурма). Жили там до крепких заморозков. За это время скот набушивал жир, а люди заготавливали на зиму масло, сыры, различные травы для приправы жирной пищи. Огородов тогда казахи не возделывали. В рационе питания растительная пища во многом уступала продуктам животноводства.

Основная забота замужних женщин состояла в приготовлении пищи и присмотре за детьми. Развито было домашнее ремесло: ткачество, прядение, изготовление ковров, седел, посуды, пошив одежды и обуви, чеканка по серебру и др. Многие девушки помогали старшим, накапливая житейский опыт и обучаясь ремеслу. Ходили в лес, собирая ягоды, ягоды и березовую кору, из которой искусно варили замечательную жвачку черного цвета. Рецепт приготовления теперь, наверное, уже утрачен навсегда. В лесах находили совершенно белого цвета глину, заменившую известь всем жителям деревень.

В конце июля казахи вывозили на продажу в деревни ягоды, жвачку, белую глину в комках, а также кумыс, налитый в кожаные мешки (бурдюки). Кумыс, обладающий ценным лечебным свойством, готовили из молока конематок. Обычно возле юрты хозяин натягивал волосистую веревку на колья. К ней привязы-

вали жеребят, в определенное время подготавливали лошадей, которых тут же доили.

Дети постоянно находились возле скота. Ездить верхом на лошади привыкали детей чуть ли не с пеленок, поэтому казахи были искусными и выносливыми наездниками: могли по несколько суток не спать с коня. Все праздники сопровождались обязательной байтой (с скачки верхом) с многочисленными участниками. Особенно почитался праздник Курбан, что приходится на июль. Все выезжали в лес, готовили мясо, кумыс. Молодежь пренеажала друг к другу в гости, парни высматривали невест.

Контакт с украинскими и русскими поселенцами осуществлялся через торговые сделки. Наиболее важные казахи вели торговлю скотом. Русские скотопромышленники закупали целые гурты молодняка, откармливали его, а затем отправляли в промышленные центры России. Так, из Кирибая где-то в начале века сопровождались отхормленных бычков до самого Петербурга был направлен Кенисбай Шүлембаев. Он хорошо говорил по-русски и по возвращении оттуда долгое время рассказывал об увиденном чуде не только в своем ауле. С этой же целью его приглашали во многие соседние аулы, и он скотину ездил туда.

Казаки с большим желаниям брали на воспитание русских детей. Так, в начале века у здравницы Евдокии Водиной из Тихвинки была взята мальчик (она жила в большой нужде). Брат его, проживавший в Тихвинке, долго разыскивал, но так и не нашел до сих пор. Дружелюбные казахи относились к первым переселенцам, помогая им обживаться на новом месте: продавали по низкой цене скот, лошадей, а иногда просто дарили, с большой скотиной принимали на жительство в свои аулы.

В 1889 году был опубликован царский указ о заселении степи, т. е. юга нынешней Омской области. После выхода этого указа к югу от Омска нарезали 30 номерных участков под будущие деревни: 1-й участок — Тавричанка, 2-й — Любомировка, 3-й — Ясная Поляна, 4-й — Павлоградка, 7-й — Белоусовка и т. д. Старожилы долго называли населенные пункты не по их названию, а по номерам: вместо Константиноградки — восьмое, Абрамовки — девятое и т. д. Сейчас такого не услышишь.

Название деревням давали сами переселенцы на ходу и чаще всего называли именем тех сел, откуда они прискали. Большинство поселений в Павлоградском районе имеют еходные названия с населенными пунктами областей Украины. К ним относятся: Павлоградка, Юрьевка, Белоусовка, Рафаловка, Богодуховка, Милоградовка, Божедаровка, Хорошки, Уманка, Ясная Поляна, Константиноградка, Глинико. Иногда к основному на-

званию прибавляли слово «Ново» — Новокупянка, Новогомубоянка, Новоуральское. Остальные села названы по фамилии или имени богатых людей, которые по договоренности на склоне ставили за это мужикам водку. Это Кохановка — от Кохана, Назаровка — от Назара, Логиновка — от Логина, Бреславка — от Бреславского.

Тихвинка получила свое название в честь религиозного праздника — Тихвинской божьей матери. Краснодаровка была переименована после Октября. До этого она называлась Царскодарское — от выражения «царский дар».

Интересно происхождение имени села Ярмоклеевки. Многие связывают это название со словом ярмо — упряжь дляолов. Другие рассказывают, что дело было так: перед первой мировой войной переселены из Бессарабии из сел Ярмошкино и Сертсека прибыли в Сибирь. От первого названия взяли два первых слова — «ярмо» и «ирнеклен» к последним двум слогам второго названия — «евка». Получилось Ярмоклеевка.

Название села Явлено-Покроока связало с появлением первого ходока или представителя от государства на религиозный праздник Покров. Он «явился на Покров», получилось Явлено-Покровка.

Значительные изменения претерпело название села Пашенка Роша. До сих пор отдельные старожилы называют свое село Паханная Роша. Видимо, село первоначально называли так потому, что все дома находились в лесу, в роще. Возле домов распахали землю под огороды. Роша получилась паханая, отсюда Паханная Роша, превратившаяся сейчас в Пашенную Рошу.

Села Раздельное, Степное, Березовка, Камышкино получили название в 1970-х, Толольки — в 1980-х годах. До этого времени все эти села были безымянными. Их называли номерами отделений совхоза, как первоначально в начале всех участки.

Место для будущей деревни тщательно выбиралось. Все деревни удачно располагались возле березовых колюков или в их окружении. За ранее сооружали колодцы с питьевой водой, которые первые поселенцы долго называли казенными. Копали котлованы (водоемы) для накопления весенних вод. Они очень выручили в засушливое лето.

Землеустроители под одни крестьянский двор отводили одну десятину. Дворы располагались таким образом, чтобы через каждые 3 или 4 усадьбы проходил прямой сквозной переулок. Если случалось, что приезжало большее количество семей, чем было нарезано земельных участков, то отводилось дополнительное место за зерном или выделялся ряд участков в конце улиц — пер-

пендикулярию к ним. Такую часть деревни переселенцы с Украины называли «которвановка» или «прицепиловка», а русские — «крючок».

Обязательной составной частью каждой деревни была площадь, где строили церковь, школу, здание волости. Эта площадь служила местом сходок селян, проведения ярмарок и массовых гуляний. Там устанавливались качели, карусели и другие атрибуты развлечения.

Первоначально шло заселение номерных участков, а позже стали застраиваться новые села между этими поселениями и во-круг них. Пустующих территорий было много, а казахских аулов сравнительно мало. Массовое переселение крестьян из европейской части России пошло после завершения строительства Транссибирской магистрали и устройства железнодорожного моста через Иртыш в Омске. Ускорила это движение земельная реформа Столыпина.

Желающим поселиться в Сибири казна выделяла деньги, а государство — землю: по 15 десятин на мужскую душу, женщины в расчет не принимали. Не случайно у большинства первых поселенцев семьи состояли в основном из сыновей.

Сибирь обрадовала их широкими просторами, ковыльной степью с ароматкой земляникой, небольшими степными озерами с многочисленной пернатой дичью, березовыми колонами с грибами и вкусной костяникой. В то время в этих местах водились волки, козы, лисы, корсаки, барсуки, множество зайцев и другой мелкой живности, как, например, сурчики, хомяки, ласки, хорьки, земляные зайцы, водяные крысы, ежи и разнообразные мыши. В лесу обитали лягушки, кобячки, греки и много певчих птиц. Наслаждение вызывали крахи кукушки и трели жаворонков, которых было здесь великое множество. Забредали иногда в эти края даже лоси. Но самое главное — для крестьян земли было вдоволь: и для пашни, и для выпасов, и для покосов.

Свое переселение в такой волыготный край крестьяне расценивали как великий дар царя. Поэтому одно из селений в Сибири и нарекли Царскодарское. В первый же год в нем заселили все отведенные участки, пришлось даже нарезать дополнительные за лесом, получилась «прицепиловка», или «которваловка». Такой ускорению появившийся поселок казахи назвали Бугана, что в переводе на русский означает «Ничего не было и вдруг стало». В окрестных селах это село называли Батуны.

Видимо, быстрый рост Царскодарского повлиял на то, что власти учредили здесь волость. Это был довольно крупный административный центр. В Царскодарскую волость входили де-

реани Березовка, Паханская Роща, Камышино, Бреславка, Ново-Уральск, Кариновка, Золотухино, Тихвинка, Лозовая, Абрамовка, Семяновка, Конградка, Шмидовка, Ковальчуковка, Шок-Шок, Бобринка, Адамовка, Чероглазовка, Тихорецк, Богачевка, Платоновка, Кавказ, Юта.

Управленческий аппарат состоял из двух человек — старосты и писаря. Первым старостой был Сергей Вербицкий, а писарем сначала Озюмский, а потом Даюба. В их компетенцию входили раскладка по дворам налога, набор и отправка новобранцев в армию, почтовая служба, разрешение бытовых конфликтов, поддержание порядка в деревнях. В своей деятельности староста опирался на сход, решения которого играли огромную роль в управлении жизнью деревни.

В 1908 году здесь была возведена из кирпича церковь, крытая железом, с двумя куполами: большой и маленькой звонницами. У церкви была своя земля, ей принадлежали четыре дома. В них проживали батюшка Клипацкий с женой Вассой Кондратьевной, дьяк с семьей, монахиня Василиса, имевшая музыкальное образование. Она играла на фисгармонии и других инструментах, в совершенстве владела нотной грамотой и управляла церковным хором. Обычно в хор отбирали мальчиков и девочек с хорошим музыкальным слухом, принимали участие в нем и взрослые. Все знали нотную грамоту. Обучала этому искусству Василиса, она же дирижировала во время службы по престольным праздникам.

Бот как вспоминает об этом времени Мария Сирица, бывшая певчая: «У монахини Василисы были камертон. Она отбирала мальчиков и девочек в хор. Перед большими праздниками мы репетировали, долго спевались. Пение было многоголосое. В церкви всегда было много народа, ведь приход был очень большим. Приезжало очень много людей с окрестных деревень. Батюшку нас часто хвалил и угощал конфетами. Батюшку все любили и относились к нему с глубоким уважением. И еще он давал нам читать интересные книжки. У него была хорошая библиотека...»

Сама Мария Сирица, по национальности полька, попала в Царскодарское в 1915 году в возрасте трех лет как беженка. Беженцы появились, когда началась первая мировая война: люди уходили с мест, где происходили военные действия. В село прибыло более десяти семей. Это Сирица, Медведь, Денещук, Иванюк, Грушевский, Пищук, Токарский, Потапчук, Михалюк, Шишака. Вначале ехали на своих лошадях вместе со скотом в солдатских обозах, затем их погрузили в эшелоны и направили в Сибирь. Тогда почти во всех деревнях оседали беженцы. Впослед-

Фото 2. Первое школьное здание, построенное в 1916 году.
В настоящее время не сохранилось.

ствии кое-кто вернулся в родные края, но большинство осталось в Сибири.

После открытия церкви начались занятия в школе, под которую было построено специальное здание из самана. В 1913 году в честь 300-летия дома Романовых была заложена новая рубленная из красного дерева школа на высоком из кирпича фундаменте. Достраивать ее пришлось в первые годы мировой войны пленным австрийцам. Это здание сохранилось до наших дней.

Царскодарская школа выгодно отличалась от других в округе. Это, по-видимому, было единственное мощное сельское училище во всем Омском уезде. Обучение было рассчитано не на три года, как в обычных школах, а на более длительный срок. Имелись специальные мастерские, где готовили жестянщиков, плотников, столяров, кузнецов и слесарей. Школа содержала приют, по-нашему детдом, где проживали дети-сироты со всей волости. Обучалась в этой школе и детвора из многих близлежащих деревень.

Сейчас никто не помнит первых учителей, но знают, что уроки Закона Божьего вел батюшка. В начале 1920-х годов заведовал школой Павел Николаевич Морозов. Вместе с ним работала его жена Екатерина Афанасьевна. У них было двое детей, один из которых донес на отца, что тот бывший царский офицер. Учи-

теля арестовали, и он исчез навсегда. В период гражданской войны, когда отступали колчаковцы, в селе была оставлена офицерами некая граffия. Она хорошо знала иностранные языки. Старожилы еще помнят, как ее звали англичанкой. Фамилия у нее была Гергилевич, она тоже работала в школе.

После революции никаких учебников в школе не было. Те, которые были изданы при царе, сожгли, а новых не выпустили. Тетрадей тоже не было, писали на грифельных досках и мелом на классных досках.

В двадцатые годы начались эксперименты по созданию новой школы. Реальное училище закрыли, оборудование мастерских разбили, здание сломали. Открывались НИКМ — школы крестьянской молодежи. В Ново-Уральске открылась школа спецуч. В нее набирали учащихся разного возраста, умеющих писать, считать и читать. Там готовили специалистов для сельского хозяйства. Обучение было рассчитано на три года. Это училище было преобразовано сельхозтехникумом. В то время преподавали учителя Физиков, Котович, Чуева, Обухова и др.

В начале 1930-х годов открывались НСШ — неполные средние школы. Пятый класс в Краснодарке открыли в 1932 году, на следующий год — шестой. Первым директором семилетки был Александр Иванович Крылов, впоследствии ставший заведующим Павлоградским районным отделом народного образования.

Заселение района продолжалось до начала первой мировой войны. Последняя новая деревня Шмидоякка появилась в 1910 году в 5 километрах от Царсколарского. Свое название это село получило в честь генерал-губернатора Акмолинской губернии, который посетил Царскодарское то ли при открытии новой школы, то ли при ее закладке. Сейчас это трудно установить, но факт посещения продолжает жить в памяти людей.

Задолго до его приезда начались тщательная подготовка: выравнивали дороги, срезали кочки лопатами, засыпали и утрамбовывали ямы, убирали сорняки, подметали улицы, прививали собак. На такое торжество съехались крестьяне всех окрестных деревень.

Генерал-губернатор приехал со свитой чиновников на шести флагонах (легкая пароконная повозка на рессорах с отдельным сиденьем для кучера). В честь его приезда батюшка Клипецкий провел торжественный молебен прямо на площади. Встречали по русскому обычаю с хлебом-солью самые уважаемые люди села. Конечно, он произнес патриотическую речь, призываю к преданности царю и отечеству, любви к Богу. На прощание раздал подарки каждому ученику — учебники. Такой части (посещение ге-

нерал-губернатором). Каверное, не было удостоено ни одно поселение.

За сравнительно недолгий по крестьянским меркам период жизни переселенцев в материальном плане изменилась в лучшую сторону. Обустраивались подворья, деревовые землянки сменились жилищами с каменными стенами, столбянками или сбитыми из глины. Тогда саман изготавливали из белой глины, но прочности он мало уступал современному кирпичу. Из-за неразумности человеческой деятельности месторождения этого ценнейшего строительного материала в настоящее время почти совсем исчезли.

Многие дома ставились с двумя крытками из соломы, перемешанной с жидкой глиной, на украинский лад. Наиболее зажиточные селяне возводили их под железной кровлей. К моменту коллективизации таких построек было много, не считая общественных зданий и церкви. Для хранения зерна ставились деревянные эмбары под железной крышей. Такие хранилища, куда крестьяне сдавали зерно за пользование землей, имело волостное управление. Обычно хлеб ввозили в Куломзинно. Налог этот был невелик, как утверждают старожилы, а в неурожайные годы он снимался совсем. Малоимущие хозяйства также не платили его, за них рассчитывалось общество. Этот вопрос решался на сходе селян.

На каждой усадьбе стояли конюшни, сараи и хлева. В них содержалось по нескольку дойных коров, лошадей, рабочихолов, не считая другой живности. Например, у Конюхова было 20 лошадей с молодняком и жеребец-производитель. 9 дойных коров и бугай, более 70 голов овец, много свиней и птицы, рабочие воловы и крольчики. Для ухода за скотом держали работников. В их хозяйстве трудился Денис Токарский и Иван Копытько. В годы войны работники были 2 пленных австрийца. Для хранения сельхозинвентаря возводились клуки, навесы. Наиболее предпримчивые и леловые хозяева стали заниматься переработкой сельхозпродуктов и торговлей. Возле церкви появилась лавка (магазин), где вели торговлю Кузьмин с женой. Открыл свой магазин под вид трактири Горобец.

На окраине села в километре от кладбища молоканин построил ветряную мельницу. Сам он не жил в селе. В 1909 году эта мельница сгорела. Позже, в 1910 году, молоканин Каринь поставил за лесом деревянную мельницу и подарил ее своему работнику Истомину, который долгое время работал у него на Букиной заминке на берегу Иртыша. Он женился на сестре или на дочери своего хозяина и за это получил в подарок мельницу.

Вторую мельницу, которая приводилась в рабочее состояние

двумя зданиями внутреннего склада, построили на плях братья Ореховские и Новаки. Стала она возле площади.

В начале 1920-х годов Григорий Новак поехал в Омск за запчастями для мельницы. Вместе с ним были его работник и сын лет тринацати. В Омске хозяин для своего работника за хорошую работу купил велосипед. По тем временным это было в диковинку. И работник, чтобы на него обратили внимание, при проезде через деревню, под вечер, сел на велосипед и продемонстрировал свое умение. Так они проехали по Тихвинке: хозяин с сыном на телеге, а работник на велосипеде.

Тогда профилированных дорог не было, были только проселочные. Отъехав от Тихвинки километров пять, решили заночевать в лесу. В Тихвинке жил некий Б., он и его работник глубокой ночью напали на спящих и убили. Мальчишку задушили поясным ремнем, который всполыхах забыли снять с мертвого. На следующий день, когда стало известно об этой трагедии, туда поспешило много людей, взрослых и детей. Сын убийцы узнал ремень своего отца на шее мальчика. Виновного нашли быстро. Еще до суда родственники пострадавших устроили самосуд. В тюрьме от побоев он и умер. С тех пор этот лес тихвинцы называют Новаков склон.

На север от Краснодарки тоже есть лесок со своим именем. Он находится в 4 с половиной километрах от села. Давным-давно там произошло событие, похожее на легенду. А дело было так. Любашков — реальный человек и, вероятно, инициативный и деловой, постоянно арендовал землю у царскодарских Мужиков. В европейской части России крестьяне брали в аренду землю у помещиков, а здесь, в Сибири, самые давали деловым людям. Арендатор, видимо, проживал в городе, а на лето выезжал как бы на отдых в этот лес. Там у него были добротный дом, сарай, амбары и постоянно проживал работник, который ухаживал за выездными конями. На этот раз хозяин приехал с женой и 15-летним сыном.

Однажды вечером, в субботу, работник отпросился в деревню на гулянку. Хозяин отпустил его. Не доходя с километр до места, где собиралась молодежь, работник обнаружил, что забрал с собой ключи от всех дверей хозяйства. Он решил вернуться, чтобы их отнести. Когда он подходил к усадьбе, скорее почувствовал, чем увидел, что-то неладное. Во всех комнатах горел свет, собаки рвались на цепях, а во дворе стояли две заряженные тройки. Не успел он ничего сообразить, как к нему ринулся человек с ломом в руках, измеревшись нанести удар. Работник ловко увернулся, вырвав из рук лом и тут же сразил нападающего на-

смерть. Затем подбежал к амбару, откуда слышались голоса двух мужчин, и громким шепотом позвал. Когда же они стали выходить по одному, он нанес ломом им смертельные удары. А в это время внутри дома, убив Любезнова и его жену, двое бандитов обшаривали комнаты. Завязалась борьба работника с двумя разбойниками. Сын Любезнова спал на сеновале и, став свидетелем этой схватки, спустил с цепи собак. Они помогли свалить с ног сначала одного, а затем второго бандита. Работник ломом, как штыком, пригвоздил их по очереди к земле. Правда, пострадал и сам, особенно от собак, но остался жив.

Состоялся суд (он был в уезде), работника оправдали. Что интересно, сын Любезнова не захотел жить ни у одного из родственников родителей, а остался в своем доме с работником (не в лесу, конечно). А лес с тех пор стал называться Любезнов околоток.

Деревня прочно втягивалась в товарное производство. С наступлением зимы санные обозы непрерывным потоком вели продовольствие и сырье для города. В каждой деревне содержался постоянный двор, на воротах которого стоял высокий щест (палка) с пучком сена на верхнем конце. На постоянном дворе были крытые навесы для лошадей и волов. В доме для отдыха путников были нары, на которых спали. Хозяин постоянного двора брал плату за ночлег, готовил чай.

Сибирские крестьяне жили крепко и не знали нужды. Даже слабые хозяйства имели бункер для посева и вспашки, лоботреку и скоповязалку для уборки и другую технику, необходимую в сельском хозяйстве. Первую молотилку приобрела семья Конюховых, а первую маслобойню построил Леонтий Макуха.

Растительное масло приготавливали из ряжника, льна, подсолнечника. По своим качествам особенно ценилось масло из конопли. Конопля для крестьянского хозяйства была ценным сырьем. Из семян отжимали масло, из волокон стеблей пряли пряжу, из которой ткали холсты для белья и одежды. Из отходов пряжи вяли крепкие веревки для вожжей, поводьев и др. Каждая семья в своем огороде отводила участок для посева конопли, некоторые жители сеяли ее в поле. Можно смело утверждать, что этой культурой крестьяне занимались вплоть до 1940-х годов. По ходившим в деревне газетам эта культура прослеживалась в отчетах до 1938 года.

В каждом селе имелись свои сапожники, бондари, портные, пимокаты и, естественно, мастера по выделке кожи, на которой делали сбрую и обувь. Хороших мастеров ценили в деревне, и жили они безбедно. К ним уважительно относились все селяне.

Камне-ка-Оби. Сплавил лес с верховьев Оби для постройки двухэтажного дома. Занимался хлебопашеством. Имел косяк лошадей в 150 голов, которые паслись круглый год в степи без пастуха.

Дед Иван Прохорович уже в XIX веке жил, был хлебопашцем, имел пасеку, был старостой поселения. Семья его жила в доме деда. У него было три сына — Петр, Наум (мой отец), Ерофея и пять дочерей — Мария, Марнила, Матрена, Татьяна и Агафья. Все дочери вышли замуж за крестьян. Сыновья деда имели наследы земли. Петр делал еще лодки, ловил осетров и стерлядей в Оби. У него было семеро детей. Наум имел сельскохозяйственные машины — молотилку, веялку, сенооконечку. У него было двое детей. Ерофея был также хлебопашцем, но еще катал пимы, умел шить шапки. У него было четверо детей.

Затем род Парфеновых распался. Пятое-шестое поколение разъехалось по стране от Урала до Севера. Работают инженерами, учительницами, рабочими, портняжками, военными, научными работниками, врачами.

Русские-чалдоны жили в Томске, Камне-ка-Оби и до предгорий Алтая.

Как жили братья Парфеновы? Селяли по нескольку десятин в 1920-х годах. Убирали хлеб коллективно родней. Пашня в 7 км от Камни была. По несколько лошадей держали. Стан у братьев на пашне был общий, рига также общая. Зимой нанимались возить грузы от Камни до Ново-Николаевска.

Печи топили хвояком.

Каждая семья жила в кухне. Кухня была светлой и большой, стены и потолки скоблились и мылись перед Паской. Лавки широкие, кругом красная в бордовый цвет. Большие полати для детей. Голбчик у печки для деда. Внизу голбчика над творилом под пола была надстройка из досок 50 см высоты и 2 метра длины, где играли дети зимой. Летом все спали на полу на подстилках — кошмарах. Пол в кухне мыли одни раз в месяц, так как он был застлан тремя слоями половиков. Нижний слой — подовики шерстяные, яркие. Цвета фиолетовые, черные, белые. Вторые половники тоже дюмоканные, чуть меньше и не такие яркие. Третий слой — мешковина, которую чаще стирали.

Женщины носили обутки и портянки. Обутки затягивали шнурками у стопы. Обувь шили сама женщины. Мужские обутки были с толенишами, обутки надевались на портянки. Еще были «чулки», катаные из шерсти. В холода женщины носили пимы без чулок, но внутрь пима пришивали холст, чтобы не терлись голенишки (икры ног). Женщины все прохладное время носили шабуры с опоясками.

Мужики для поездок надевали огромные туурупы с большими воротниками.

Горница у семьи была одна у каждого сына. Пол покрывали ярким половиком. На деревянной кровати с подзорами (связанная девками кружевная отделка простыни) лежали перины и много подушек для красоты и для приданого дочерям. Стоял один стол. Штор не было. Были ставни.

Зимой все пряли, весной мать ткала. Дети за рекой пасли гусей и белоглаз хлопты. Мочили рулон в реке, потом расстилали по траве, сушили и снова повтор. Одежда — белье — шилась из холста. Платья у детей были цветные — синие, в красную полоску.

Бани строили по-черному у реки. Голову мыли щелоком, много парились и обмывались в реке, кроме зимы. Обычно женщина, обкупывая детей, приговаривала: «С гуси вода, с тебя вся худоба».

Церквей не было. Моя мать жила 12 лет крещенная стариками, а когда построили церковь, снова крестили. За стол садились — крестили лоб. Перед Пасхой взрослые поставили, а перед тем как разговеться, вся семья молилась на медный яконостас с распятием в центре. Горели лампада, свечки. Чалдоны, кроме Черкесского старосты, церковь в основном посещали, когда крестили детей, короновали умерших, венчали. И на Рождество ездили на Обь (на лошадях), где проходила церемония освещения воды. Новые поселенцы из России молились много и даже заходили к чалдонам, приглашали пойти в церковь.

Рядом в степи жили киргизы, которые пасли свой скот и занимались касти овец общин чалдонов. Отношения были дружественные. Некоторые выпускали их в дом, поили чаем.

К престольным праздникам варили пиво из ячменного солода. Заполняли 10 горшков, ставили в печь на 24 часа. За склонки обмывали коровяком. Масса процеживалась в большом корыте. Часть супса шла для изготовления рассола, в котором разматывали сушеные ягоды для десерта. Варенья не знали. Все листы соблюдались. В посты ели рыбу, пшеничную кашу, горошинцу, паренку из моркови, соленые овощи. Свеклы, томатов не знали, в Камне они появились в 1925 году. Морковь и картофель сажали на пашне.

Когда собирались родни, столы накрывались цветными домоткаными скатертями (за 16 пишено тканья). Столы сервировались сразу же. Стаканы для пива ставили, общие тарелки для тушеного мяса с картофелем, студень (холодец), целый лоросенок из русской печи, овощи, нарезанные ломтиками. Ставилась сдобная выпечка — это вафли на сливочном масле без сахара, пустышки — маленькие каральчики (калаачики) на яйцах и сдобное печенье. Пироги были только из моркови и мака (рулет). На Пасху в ассортимент

Фото 3. Участники боев под Марьинкой в июле 1918 года. Справа Гуров Дмитрий Борисович.

Почитали в деревне стариков, звали их по отчеству: Кузьмич, Васильевич и т. п. При встрече младший должен был здороваться первым и обязательно при этом приподнимать головной убор, наклонив голову.

К свержению самодержавия крестьяне отнеслись спокойно. Конечно, были разговоры, возникало беспокойство, но бурных событий в деревне не происходило. Новости приходили из города с большим опозданием и часто противоречивые. Новую советскую власть крестьяне приняли всей душой. Лозунг большевиков «Земля крестьянам» претворялся в жизнь. Никакого передела земли не было. Все было по-прежнему, жизнь продолжалась. Возвращались с фронтов мировой войны мужики и вновь трудились в своем родном хозяйстве. По-прежнему шумно играли свадьбы, справляли крестины, воспитывали детей, молились Богу.

И. Н. Коваленко
О БЫТЕ И КУЛЬТУРЕ ЧАЛДОНОВ

Уважаемый Николай Аркадьевич *, я Вам высылаю рассказ о жизни и обычаях русских-чалдонов и сказку, которую я слушала от моей матери (она с 1871 года рождения), а она ее заучила от моей прабабушки Степаниды Парфеновой в 1896 году. Мне сегодня 79 лет **, зовут меня Ирина Наумовна. Может быть, Вам для работы пригодится.

Хочу кратко описать род крестьян Парфеновых, которые жили в XVIII веке в с. Камень-на-Оби. Прадедом моим был Матвей Парфенов. В XVIII веке он жил в Томске. Гонял ямщину. Дважды оставлял жену в таборе цыган в залог закупленного коня, когда не хватало денег. Прадед Прохор Матвеевич обосновался в

Фото 1. Ирина Наумовна Коваленко.

* Письмо послано на имя заведующего кафедрой этнографии и современной отечественной истории Омского университета профессора Н. А. Томилова — от редакции.

** Письмо было получено редакцией в 1990 г.

выпечки добавлялись куличи и пасха (из творога, вынутая из деревянной формы с рисунком в виде крестов). Хозяйка дома была одета в сарафан или юбку с кофтой, на ней фартук нарядный, вышитый шерстью цветной по шерстяному материалу, и сверху пояс, вытканный из тонких ярких щелковых ниток.

Хозяйка делала приглашение испить пива и напевала, приплясывая. Например:

Тын высокий, тын густой,
У соседки сын баской.
Спать ложусь, Богу молюсь,
полюбить его боюсь.

Шумят веники на бане голики,
вижу милого у самой у реки.
Надоел, надоел мне старик,
надоела я сама старину.

Хором пели русские народные песни, плясали. Танцев не знали. Девки умели водить хороводы. Никто не ругался, считалось это грехом.

Чалдоны имели свою образную, протяжную, мягкую речь с особыми выражениями. Например:

Колды вечер, колды дождь,
Колды миленький придешь.

Или еще выражения: «Ково он говорит?», «На вот, девка разговорилась».

А теперь сказка, она из XVIII века.

Сказка

Жили были петушок да курочка. И пошли они на Туторову гору зерно собирать.

Клевали, клевали, и подавился петушок бобовым зерном. Побежала курочка с Туторовой горы к морю.

— Море, ты море, дай воды, подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Море отвечает:

— Иди к липе, липа даст листа.

— Липа, ты липа, дай листа. Лист надо морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Липа посыпает к девке.

— Девка даст пояс, пояс надо липе. Липа даст лист. Лист надо морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Девка послала к корове, чтобы корова дала молока.

— Молоко надо девке, девка даст пояс. Пояс надо липе. Липа даст лист. Лист надо морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Корова послала к сенокосцам, чтобы сенокосцы дали сена.

— Сенокосцы, вы сенокосцы, дайте сена. Сена надо корове. Корова даст молока. Девка даст пояс, пояс надо липе. Липа даст лист. Лист надо морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе.

Сенокосцы послали курочку к кузнецам.

— Кузнецы, вы кузнецы, дайте косы накосить сена корове. Корова даст молока. Девка даст пояс, пояс надо липе. Липа даст лист. Лист надо морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Кузнецы послали к угольщикам.

— Угольщики, вы угольщики, дайте угля. Надо сковать косы. Косы накосят сена. Сено надо корове. Корова даст молока. Молоко надо девке. Девка даст пояс. Пояс надо липе. Липа даст лист. Лист надо морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Угольщики послали к бабке.

— Бабка, ты бабка, дай мяконек (лепешка). Лепешка нужна угольщикам. Угольщики дадут угля. Кузнецы скуют косы. Косы нужны сенокосцам. Сено дадут корове. Корова даст молока. Молоко надо девке. Девка даст пояс. Пояс надо липе. Липа даст лист. Лист надо морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Бабка послала к ситникам.

— Ситники, вы ситники, дайте сито. Сито надо бабке. Бабка испечет лепешки для угольщиков. Угольщики дадут угля кузнецам. Кузнецы скуют косы. Косы нужны сенокосцам накосить сена корове. Корова даст молока девке. Девка даст пояс липе. Липа даст листа морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Ситники послали к конюхам.

— Конюхи, вы конюхи, дайте волоса ситникам сплести сито. Сито надо бабке. Бабка сделает лепешки угольщикам. Угольщики дадут угля. Кузнецы скуют косы. Косы накосят сена корове. Корова даст молока девке. Девка даст пояс липе. Липа даст лист морю. Море даст воды. Подавился петушок на Туторовой горе бобовым зерном.

Конюхи дали волоса. Ситники сделали сито. Бабка сделала лепешки. Угольщики дали угля. Кузнецы сковали косы. Сенокосцы

накосили сена. Корова дала молока девке. Девка дала пояс липе.
Липа дала лист морю. Море дало воды.

Брызнула курочка водой: косточки сложились. Брызнула второй раз водой: наросло тело. Брызнула третий раз водой: петушок встал и закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

В. С. Аношин

БОЛЬШЕРЕЧЬЕ: ИЗ ИСТОРИИ И БЫТА РУССКИХ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Большереченский район Омской области был образован из волости, которая до революции относилась к Тарскому уезду. Основную часть русского населения Большеречья первоначально составляли казаки. Со второй половины XIX века началось переселение крестьян из губерний Европейской России. С рассказа о переселенцах мы и начнем.

Переселенцы

На Яике поднялся казак Емельян Пугачев, и в Тарском уезде появились «битые кнутом» люди, сочувственно называемые народом «пугачевцами». После подавления декабрьского восстания 1825 года в Сибири оказалась многочисленная группа государственных «преступников» из дворян. Вслед за ними туда же отправились разбитые польские повстанцы 1830 года.

Из участников декабрьского восстания, сосланных в Сибирь, в селе Кольево Тарского уезда жил дворянин Яков Иванович Пестряков. Во время восстания он служил полковым писарем и как участник этих событий был сослан сюда на пожизненное поселение. Его потомки и теперь живут в селе Кольево.

В этом же селе были водворены на жительство польские повстанцы Волговский, Желтовский, Лыбин и др. До 50 поляков было водворено в деревнях Костино и Никольское. Позднее появились в районе Никифор Костюков из Курской губернии, высланный за то, что в ссоре с помещиком выколол ему глаз, Николай Ефимов — за то, что сорвал логоны с урядника, Карпей Козлов — за взлом сундука и кражу 20 порожних мешков, Андрей Лешинский — за подозрение в краже куртки у помещика. Николай Палеров выслан со

всей семьей из Каменец-Подольской губернии за то, что не покорился помещику за потраву у него хлеба. Андрей Иванович Иваненко в Киевской губернии палкой перебил ногу леснику помещику, за это ему всыпали 10 розг и со всем семейством выслали в Сибирь.

Особенной тяжестью на ссыльных ложились личное бесправие и безграничный произвол над ними со стороны местных чиновников. За ничтожные проступки ссыльно-переселенцы могли быть подвергнуты наказанию до 100 ударов кнутом или розгами.

Беспрерывными партиями гнали арестантов по Сибирскому тракту в глубь Сибири. Шли они через Евгашино, Такмык, Артын, Копьево, Ингалы, Пустынное (ныне Большереченского района), закованные в пятифунтовые кандалы, в серых арестантских куртках, на спине которых «красовалась» квадратная заплата «бубновый туз» — знак арестантской одежды. У всех арестантов половина головы была острижена, а половина обрита. Изможденный вид их и натруженные железными цепями ноги вызывали сочувствие местного населения.

По этому тракту через Такмык и Артын в 1791 году ехал в ссылку в далекий Илимск русский писатель-революционер Александр Николаевич Радищев. В Артыне он останавливался на ночлег у крестьянина Федота Степановича Блинова. На обратном пути, возвращаясь из Илимска в 1797 году, А. Н. Радищев опять проезжал через Артын и останавливался на ночлег у крестьянина Долматова.

По Московско-Сибирскому тракту шли все поколения русских революционеров. В 1791 году — Радищев, в 1826 — декабристы, в 1862 — поэт-революционер М. И. Михайлов, автор прокламации «К молодому поколению» и гимна народовольцев «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою». В 1864 году проехал великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский и многие, многие борцы с самодержавием.

Вслед за декабристами по тракту проследовали на каторгу их жены А. Г. Муравьева, которая везла послание А. С. Пушкину в сибирские рудники (1827), героини поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины» — Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская и другие.

Тысячи русских людей, закованных в колодки и кандалы, прошли в Сибирь на каторгу и в ссылку. В расположенных по тракту селах и теперь старики указывают места, где стояли темные, сырье, с промозглыми стенами этапы, обнесенные бревенчатым тыном высотой в 4—5 метров (в Артыне с южной стороны села, в Копьево также на окраине). На этапы арестанты заводились на дневку и ночевку.

При вступлении партии арестантов в село последнее оглашалось грустной и тягучей, щемящей сердце «Милосердной песней»:

Милосердные наши батюшки,
Милосердные наши матушки,
Не забудьте нас, несчастных,
Не забудьте нас, Христа ради.
Пропитайте-ка нас, наши батюшки,
Пропитайте же хлебом-солью,
И всей земною благодатию.
Сожалейтесь, наши батюшки,
Сожалейтесь, наши матушки,
Заключенных — Христа ради.
Во цепях мы сидим, во неволюшке,
Во неволюшке, во темной тюрьме,
За решетками, за железными,
Распостились мы с отцом, с матерью,
Со всем родом своим, племенем.

Слова и мотив песни были выстраданы арестантами в тюрьмах и на этапах. От песни, от всего этого людского стона веяло мраком тюремных стен, тяжестью перехода от этапа к этапу.

Арестованные шли плотной толпой. Впереди следовали верховые казаки, по бокам с ружьями — солдаты в запыленных и пропотевших мундирах, а среди толпы — несколько телег, на которых сидели женщины с грудными ребятишками. Многие арестанты были закованы в железные кандалы, а на шеи считавшихся особо опасными были надеты деревянные колодки.

Немало ссыльных каторжан прибыло в царское время и осело в деревнях Большелеченского района. В первой половине VIII века в деревню Русиново прибыл в ссылку Матвей Кузнецов с разрезанными ноздрями в знак того, что он каторжанин. В деревне Рычковке жили Петр и Ефим Тамакины, они были сосланы в Сибирь закованными в кандалы. Петр был сослан за подделку денежной монеты, а Ефим за то, что ударил помещика.

Александр Евсеевич Смольников 12-летним мальчиком ехал из центра России с родителями, высланными в Сибирь за участие в революционных событиях 1905 года. Более 6 месяцев везли их от одной тюрьмы до другой. Владимир Николаевич Палеров около года трехлетним мальчиком ехал из Каменец-Подольской губернии с арестованным отцом, которого в 1868 году выслали в Сибирь за избиение помещика.

Артын — старинное сибирское село, с проведением через него Московско-Сибирского тракта на южной окраине села появились помещения арестантского этапа, где ссыльные делали небольшие привалы и коротали бессонные ночи. Мигающие «ночники-салыни-

ки» слабо освещали тесные камеры заключенных. Здесь же имелась казарма для конвойных.

В 1952 году 85-летний житель Артына Иван Лаврентьевич Нерпин рассказал, что, как он помнит, еще 70 лет назад, через Артын часто прогоняли партии арестантов. Как только они выходили из лесочка со стороны Такмыка, уже был слышен звон кандальных цепей, временами перемешивавшийся с арестантской песней про «Александровский централ».

Арестантские партии пели всегда, проходя через село, с тем чтобы больше собрать подаяния от населения. Голоса арестантов сливались в один сплошной гул, больше похожий на стон этой мрачной толпы, обреченной отныне на каторжную жизнь. Обнажая свои заклейменные лбы, снимая шапки, арестанты протягивали их вперед. Обросшие, с ввалившимися глазами, казалось, всем своим видом просили они об одном, чтобы им не отказали в подаянии. Жители Артына, предки которых тоже были ссылочными, горячо сочувствовали арестантам, женщины подавали им хлеб, яйца, кормили у ворот этапа, а в зимнее время приносили им теплые носки и варежки.

С 1826 по 1912 год территория района заселялась плановыми переселенцами. Основная масса их прибыла в район с 1890 по 1911 год. За это время вновь возникло 44 населенных пункта. Переселенцы прибыли из 29 губерний России, подавляющее большинство из Смоленской губернии разместилось в 27 селениях, из Курской — в 15, из Витебской — в 19.

Безземелье, голод, нужда гнали крестьянскую бедноту со всех концов старой России в далекий край целинных земель и непуганных птиц — в Сибирь. Из Орловской, Смоленской, Тамбовской, Черниговской, Херсонской и других губерний устремились люди в сибирские степи — подальше, как им казалось, от помещичьей кабалы и кулацкого засилья.

Артемий Данилович Грызунов из деревни Борисовки рассказывал, что он в 1896 году прибыл в Сибирь на переселение из Смоленской губернии. Когда он доехал до места назначения, у него остался один рубль денег и мешок лаптей.

«Распродав все домашние пожитки,— рассказывал житель деревни Ростовки Леонтий Михайлович Борисов,— мой отец в 1894 году из Тамбовской губернии поехал искать в Сибирь счастье, где говорили нам, что земли там сколько угодно, что за день обойдешь, все твое. Свободной земли в действительности, когда мы приехали, было много в Сибири, но сразу взяться за нее не с чем было. Вся семья прибыла на новое место жительства с пятью рублями денег. Сразу по прибытии взрослые члены семьи пошли бат-

раками к картовским богатеям да к ингалинским купцам Быкову, Телятникову и другим. Работали поденно и по срокам».

Об этом же поведали бывшие переселенцы деревни Кирсановки: «Почти из каждой семьи кто-нибудь вынужден был ходить на работу, и старожилы этим пользовались, прижимали в цене».

В 1893 году человек сорок ходили на строительство железной дороги под Омск, но заработали лишь по 5—10 рублей каждый.

Прибывшим переселенцам на отведенных под заселение участках отводилось по 15 десятин удобий и до 8 десятин неудобной земли на одну мужскую душу, но жить на первых порах было тяжело. Своих средств недоставало, а на полученную ссуду, которую давало правительство (150 рублей и 18 пудов хлеба на семью), полностью обзавестись хозяйством не представлялось возможным».

Устройство переселенцев в местах вселения шло двумя способами: путем предоставления им новых переселенческих участков и припиской к старожильческим обществам. И почти всюду оно встречало всяческие препоны. Вот, например, что говорил об этом житель деревни Черниговки Максим Антонович Петренко.

«Сразу по прибытии из Черниговской губернии жили у старожилов, но когда переселенцев набралось больше, стали хлопотать об отводе нам особого участка. В 1889 году из управления государственных имуществ получили разрешение, а весной 1890 года начали перебираться на свой участок. Все время переселенцам приходилось переносить немало притеснений со стороны старожилов. Когда жили и работали у них, они облагали нас крупными сборами в пользу общества «глядя по человеку», иногда до 20 рублей с семьи. Если новосел нуждался в лесе — требовали с него угощения. Под угрозой изгнания из села заставляли брать приемные приговоры по 15—28 рублей с семьи, да еще с угощением».

Когда же переселенцы стали переходить на новый участок, им пришлось выдержать ряд столкновений с арендаторами этого участка, которые в поданном ими в управление государственных имуществ прошении писали, что «пришли какие-то неведомые народы, языка которых никто не понимает, в церковь они не ходят, царя не почитают». Столкновение с арендатором прекратилось через несколько месяцев — после того, как приехал управник и подтвердил права новоселов на занятый ими участок.

Такой же случай был и при заселении деревни Рямовка. Когда уже на отведенном переселенцам участке построилось около 20 дворов, арендаторы — жители деревни Бабье Кутъмины и Гуселетовы — вздумали выгнать их с участка, но переселенцы были тоже народ настойчивый и в обиду себя не давали. Тогда арендаторы решили действовать через местную власть. Зимой 1892 года по жа-

лобе арендаторов на участок приехали крестьянский начальник Казаринов, старшина Пустынской волости Калашников, волостной писарь Кузнецов. Арендаторы и еще несколько человек хотели разломать жилые постройки переселенцев и выгнать их на другое место, но новоселы схватили колья, вилы и никого не подпустили к своим избенкам.

Ничего не сделал с мужиками, волостной старшина арестовал «зачинщика» из переселенцев Федора Гаврисенко и увез в Пустынное, чтобы посадить в «каталяжку» и этим подействовать на других. Спасли Гаврисенко кресты и медали, которые он надел перед тем, как ехать в волость. Он был полный Георгиевский кавалер, имел 4 креста и несколько медалей за русско-турецкую войну, а по царским законам таких заслуженных людей нельзя было арестовывать. Когда он показал, уже будучи в Пустынном, свои награды, его от ареста освободили и больше не стали тревожить всех переселенцев с этого участка.

Однако не везде так удачно оборачивалось дело. В 1907 году группа переселенцев из Киевской губернии прибыла на Капустинский участок, расположенный на берегу Иртыша между деревнями Боровянка и Инберень. На участке были хорошие пашни, заливные сенокосы, рядом лес, но он находился в долгосрочной аренде у Старокарасукского кулака, который возвел на нем дом и надворные постройки. Около дома были посажены тополя.

Арендатору не понравилось, что на его участке возникает поселок, значит, придется уходить и вывозить свои постройки, что возводил в течение десятка лет. Он стал запрещать новоселам строиться, но они не обращали на него никакого внимания. Тогда предпримчивый арендатор обратился за помощью к волостному старшине, который встал на его защиту. Он вызвал всех новоселов мужчин в волость и продержал целые сутки, а за это время арендатор с несколькими кулаками развалил все их избенки. Когда освобожденные из волости мужики пришли домой, их семьи стояли с пожитками около разломанных избушек. Новоселов выгнали на другой участок (Рычковский), где они живут и до настоящего времени.

До 1912 года в районе полностью были заселены все выделенные переселенческие участки, а также и свободные земли в старажильских селениях.

Во времена Столыпинской реформы из села Картышево выселились на хутор местные жители Федор и Гурьян Абросимовы. Место поселения им было отведено самое лучшее — на крутом берегу Карташевки, рядом — пашни, луга и другие сельскохозяйственные угодья. Эти два хозяина жили на участке до 1910 года, а

потом опять возвратились в Карташево. Теперь, когда едешь из села Карташево в деревню Качесово, то в западную сторону от дороги у речки Карташевки хорошо заметно место бывшей усадьбы Абросимовых.

В эти же годы из села Сухо-Карасук на обособленный участок в восьми километрах от него выехали и поселились на речке Сухо-Карасук три брата Коршуновы. Они занимали всю гряду пахотных земель, сенокосные участки и леса. Жили они на этом участке до 1917 года.

Неурожайные годы

Большой ущерб крестьянским хозяйствам, особенно бедняцким, приносили неурожайные годы. Это был настоящий бич, потому что снабжение населения хлебом, а скота кормами находилось в руках купцов и кулачества. Вот как описывалось это в «Отчете об общественных работах, исполненных переселенческой организацией в продовольственную кампанию 1911—1912 гг.»: «Неурожай 1911 года охватил всю Тобольскую губернию. Насколько тяжело было положение крестьянского населения губернии, что уже к осени 1911 года нагляднее всего показывают цены на хлеб и коры для скота, поднявшиеся к этому времени намного выше обычных норм. Еще в мае месяце держатели хлеба и сена и хлеботорговцы уже учили возможность неурожая и подняли цены в среднем по губернии до 84 копеек за пуд пшеницы, до 69 копеек — ржи, до 30 копеек — сена (в два с лишним раза выше нормальной цены) и до 57 копек за пуд овса. В сентябре и октябре цены уже поднялись до размеров совершенно непосильных для платежных средств населения».

Государственная помощь хотя и оказывалась населению, но была настолько незначительной, что не удовлетворяла и 20 процентов потребности. В том же отчете на с. 66 было записано: «В 1911—1912 годах по губернии выдано продовольственной ссуды 2487468 пудов». За два года на одну семью пришлось в среднем по 4 пуда. Кроме того, голодающему населению оказывали помощь продовольственные отряды Красного Креста, но они сами не имели достаточных запасов продовольственного хлеба.

Местные хлеботорговцы Дудиков, Калижников, Девятериков и другие, имея большие запасы зерна, перемалывали его и муку продавали населению по цене в 2—3 раза выше обычной или давали авансом под будущие отработки, под сдачу молока и другие платежи. От этих отработок и натуральной оплаты купцы, пользуясь

бедственным положением пострадавших, наживали большие капиталы.

Неурожайные годы приносили доход и духовенству. Священники в это время устраивали крестные ходы с иконами. Прямо на полях служили молебны «о ниспослании дождя». Сотни людей вытаптывали и без того погибающие от жары хлеба, но священнику было все равно — хозяин поля обязан был заплатить ему положенную сумму денег. Если служба шла с акафистом, то за нее уплачивалось 60 копеек, за простой молебен — 30 копеек.

После молебнов в поле начиналось хождение с иконами по дворам, за это хозяева давали священнику кроме денег печёный хлеб, зерно, мясо, масло, яйца и другие продукты. Случалось, что, после молебнов в деревне, состоящей из 60—70 дворов, набирался целыйвоз продуктов.

Неурожайными были 1921, 1922 и 1923 годы. Страшная засуха в Большереченском районе погубила все посевы хлебов. Прежних запасов после империалистической и гражданской войны у населения не было. Вот что записано в протоколе № 3 Пустынского волостного исполнкома от 7 мая 1922 года: «Население волости крайне нуждается в продовольственной помощи, запасов хлеба от прежних урожаев нет. 1921 год совершенно ничего не дал. Все посевы уничтожены кобылкой и засухой. Имеющийся картофель, суррогаты — березка, просянка, лебеда, овсянка — съедены. Имущество и пожитки еще с осени 1921 года распроданы за продукты питания. В настоящее время продать на хлеб нечего и нет продуктов питания. Началось повальное заболевание изнуренных лошадей с употреблением мяса в пищу, также поедается картофельная ботва. Положение тяжелое и безвыходное. В районе волости имеется 1345 семей с численностью 6512 человек, из них 1169 голодающих».

Затруднение с продовольствием в 1921—1923 годах было связано с тем, что еще шла война с иностранными интервентами, все имеющиеся скучные государственные запасы были обращены на питание Красной Армии и рабочих промышленных предприятий.

С отдельных волостей бывшего Тарского уезда в эти годы был снят налог на отдельные виды продукции. В материалах Пустынской волости за 1921—1922 годы было записано: «Маслоналог выражается в количестве 254 пудов и 6 фунтов. Если и получается небольшое количество молока, то таковое за неимением хлеба и суррогатов питания всецело употребляется в пищу с примесью кореньев, травы и крапивы. Тарский уезд постановлением комиссии ВЦИК признан голодающим и с населения Пустынской волости ввиду неурожая снят хлебный продналог 1921 года».

В 1921—1923 годах крестьяне Тарского и Тюкалинского уездов

ездили в Славгородский уезд за 350—400 километров, где урожай был значительно лучше, покупали там хлеб или выменивали на вещи, привозили и кормили свои семьи.

Бытовые условия

Следует отметить способность сибиряка к быстрому восприятию новых культурных черт. Всякая новинка, раз она пришлась по сердцу, жадно воспринималась им.

Сибиряк любил хорошие постройки, он лучше недоест, недопьет и кое-как будет одеваться, а хорошие комнаты себе построит.

Сибиряки-старожилы независимо от экономического состояния жили чисто. Стулья или лавки и шкафы были покрашены, окна установлены цветами, столы покрыты хотя и самодельными, но чистыми скатертями, а полы устланы половиками или дорожками из грубой льняной или шерстяной ткани, покрашенными в разные цвета. У зажиточных и середняков стояла деревянная койка с высокой периной, накрытой покрывалом из разноцветных ситцевых уголков и высокой горкой перовых и пуховых подушек. Бедняки вместо перин катали больших размеров потники из овечьей шерсти, этот потник на ночь раскладывался на пол, на котором укладывалась спать вся семья. Койки везде были только деревянные.

В переднем углу во всех домах размещались иконы. На стене в одной из комнат висели зеркало и портреты родственников, ко-

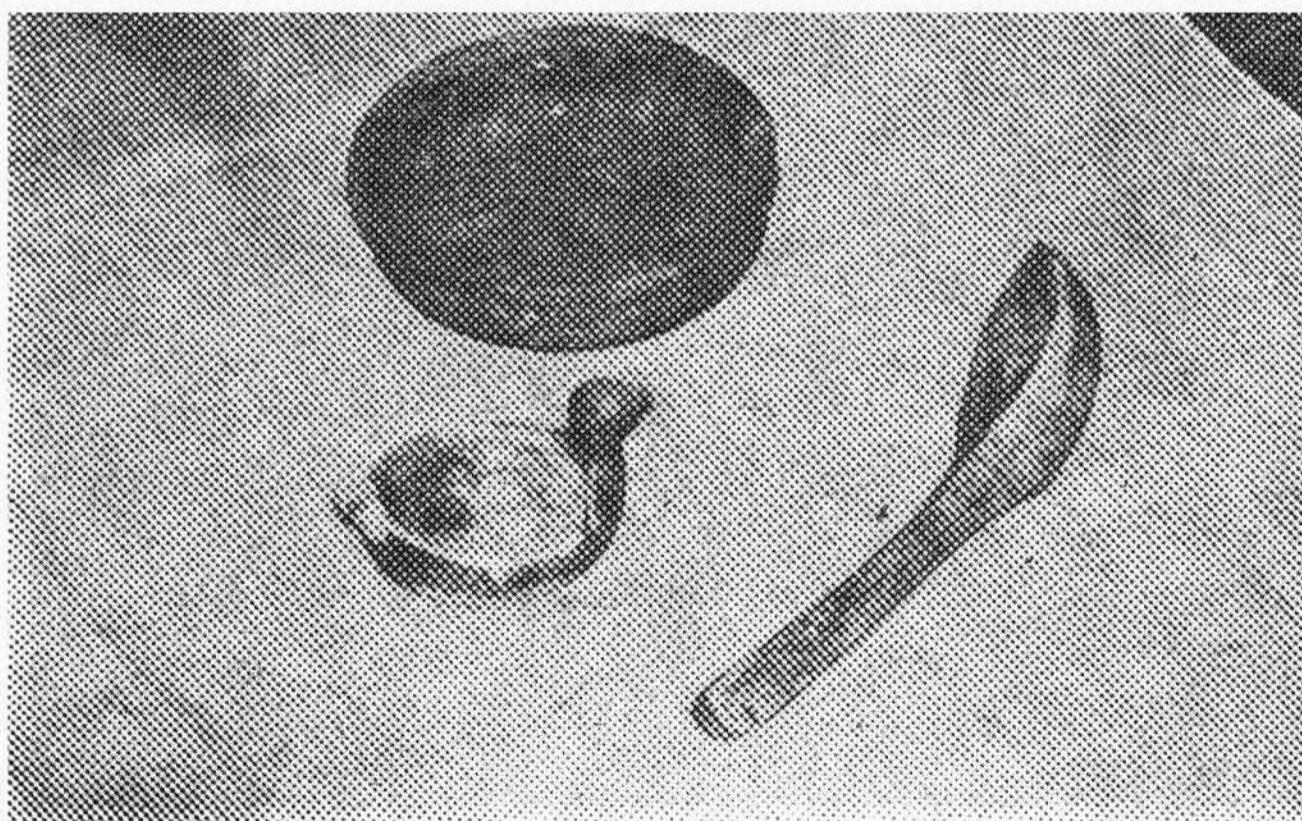

Фото 1. Деревянная утварь: чашка, ложка и солонка-«уточка».

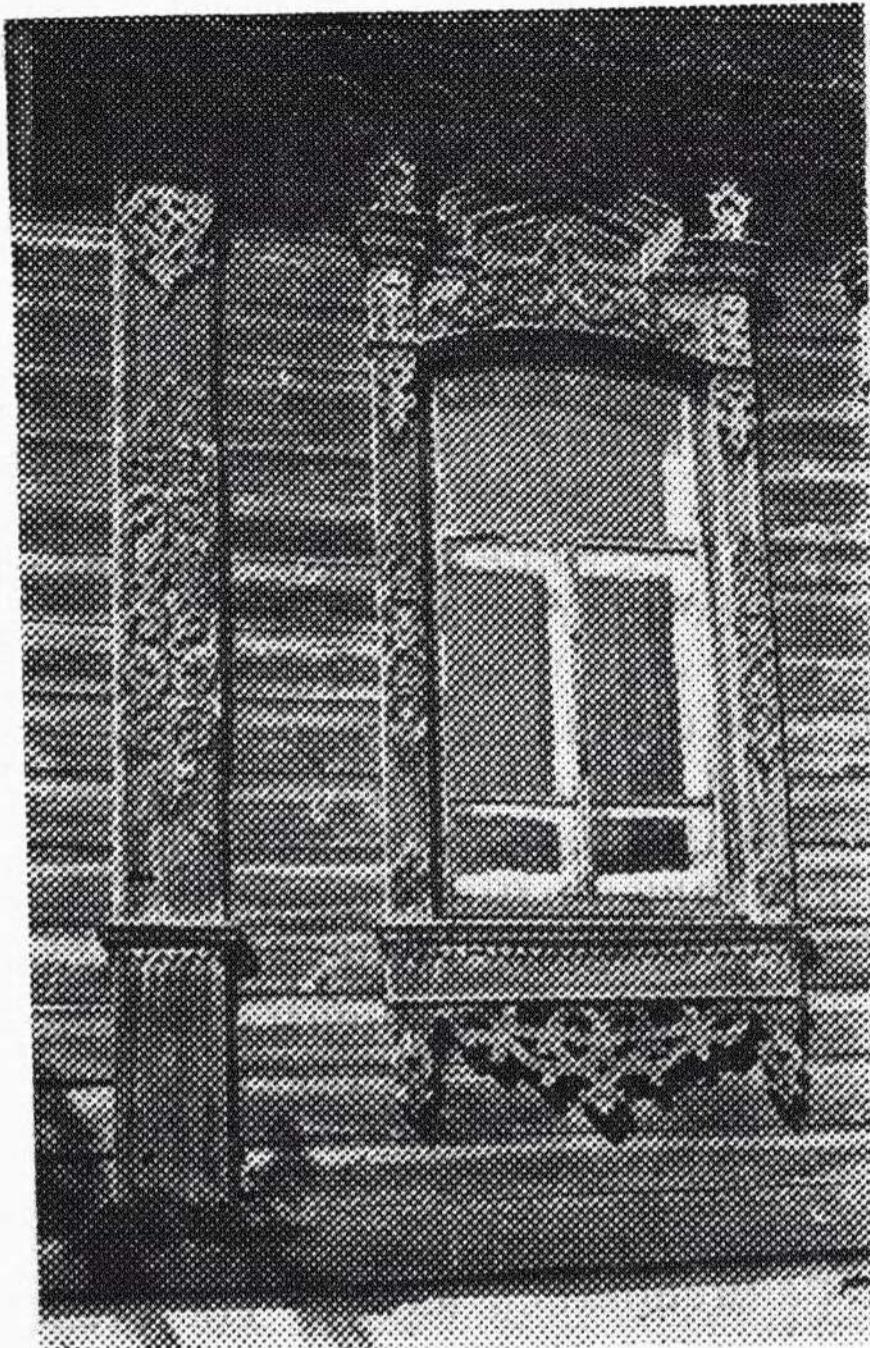

Фото 2. Наличники окна (из фонда В. А. Липинской).

торые все были в рамках и под стеклом. И на всех этих иконах, зеркалах и портретах были повешены полотенца с вышивками и кружевами на концах. Но нигде не было в обычай вешать на окна шторки или занавески. Окна ни днем, ни ночью не занавешивались, хотя у многих не было ставней.

Одежду сибирского крестьянина составляли зимой овчинная шуба, домотканая опояска, вытканная разными фигурами, валенки из черной шерсти, а зажиточные семьи для праздничных дней имели еще 1—2 пары «казанских» белых валенок, голенища которых были вышиты красными нитками всевозможными узорами.

Шапку носили круглую татарскую, так она и называлась — «татарка», зажиточные для праздничных дней покупа-

Фото 3. Купеческая лавка (из фонда В. А. Липинской, фото 1989 г.).

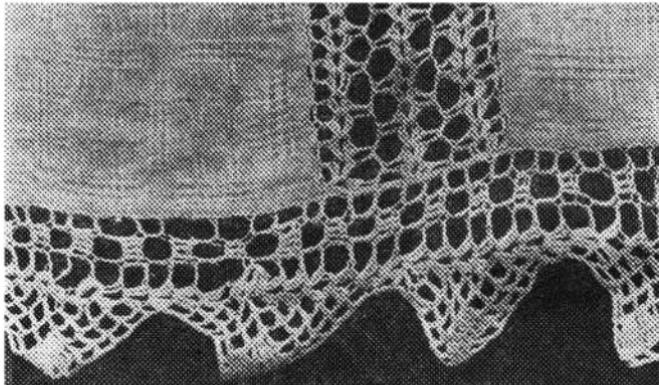

Фото 4. Скатерть с вязанным крючком кружевом (из фонда Большереченского краеведческого музея)

ли шапки из меха бобра. Женщинам и особенно молодым девушкам шили для праздничных дней суконные шубки: стежный ватный «мех» покрывался хорошим сукном (фабричным), а воротник обязательно должен был быть только бобровый. В бедных семьях для праздника женщинам шили стежные куртки без воротников. Для зимы им покупали суконные шали, а для лета — большие цветные шали и полушалки.

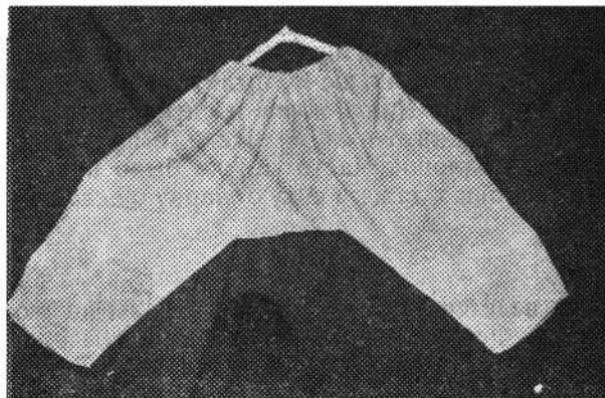

Фото 5. Мужские холщовые штаны (из фонда Большереченского краеведческого музея).

Фото 6. Мужская вышитая рубаха (из фонда Большереченского краеведческого музея).

Летней рабочей одеждой был зипун из толстого домашнего сукна, вытканного из овечьей шерсти. Зипун шили наподобие пальто, только широкий и с опояской. Для постоянной носки шили шабур, вытканный из шерстяной и льняной пряжи. На ноги надевали сапоги и «бродни». Бродни — это большого размера сапоги без каблуков, с широкими голенищами, в них можно было ходить до глубокой осени.

Все белье в рабочее время носили только холщовое. Нижняя рубашка была из тонкого белого льняного холста, кальсоны шили белые или с раскрашенными полосками в 2—3 краски. Верхние рубашки, раскрашенные в полоску, были тоже из холста. Для молодежи на праздничные дни покупали ситцевую рубашку и плисовые шаровары. У зажиточных молодежь в праздники на сапоги надевала глубокие галоши. Часто можно было видеть парня или девушку в этих галошах даже в сухую жаркую погоду.

Игры

Издавна уж ведется так, что игры и забавы являются потребностью человека. Формы и приемы их вырабатывались сами собой, без каких бы то ни было научных основ, но в конечном счете они развивали физическую ловкость, умение быстро ориентироваться и принимать соответствующие решения.

В зимнюю пору одним из любимых занятий было устройство в

снежных сугробах разных пещер, комнат со всякого рода нехитрым убранством — столами, лавками и прочей домашней обстановкой, которую могла подсказать фантазия деревенского мальчика, никогда не бывавшего в городе, а из архитектуры не видевшего ничего, кроме деревенской избы да церкви.

Любимым занятием было катание со снежных горок на лотках и санках. В середине зимы, особенно к началу «великого поста», перед масленицей, в каждом селении устраивали снежные горки — катушки. Поверхность их поливали водой, чтобы образовалась ледяная корка. С этой горки дети катались на маленьких санках, скотских шкурах и других гладких предметах. В селениях, расположенных на берегах рек, катание производилось с крутого берега. Взрослые мужчины привозили большие сани, на которые садились несколько человек сразу и катались под горку.

Когда на озере или речке осенью образовывался лед, на нем катались на ногах: делая небольшой разбег, скользили по инерции, широко расставив ноги. Но при таком катании часто неумелые катальщики уходили домой с разбитыми головами, так как с разбега падали головой на лед. В это же время устраивали кружала. К вмороженному в лед колу привязывали длинную жердь, а на нее санки, на которые садился один человек, и двое или трое за конец жерди кружили санки. Здесь же на льду играли в клюшки, гоняя шарик по льду на определенное расстояние. Эта игра требовала большой сноровки и ловкости, так как загнать шарик в лунку партнера было нелегко. Увальню и ротозею в этой игре делать было нечего.

В летнее время играли в бабки и лапту. В бабки преимущественно играли подростки, а в лапту и взрослые. Чем больше был возраст играющих, тем сложнее становилась эта игра, потому что расстояние для пробега во время игры определялось иногда до 100 метров. Игра в лапту в процессе своего развития превращалась в своего рода соревнование на удачу, ловкость и быстроту в беге.

Браки

Крепок был брак в старой сибирской деревне. Чтобы парень не избаловался, его женили рано — в 18—19 лет на девушке такого же возраста. К браку готовились исподволь. Заранее выбирали невесту, присматривались к ней, к ее семье, изучали ее характер, поведение, работоспособность, домовитость, родословную ее родителей. Но во всем этом жених и невеста мало принимали участия, этим занимались родители жениха, знакомые, родственники. По-

том, когда приходила пора «начинать дело», устраивались смотрины на съезжих праздниках и в других случаях. После этого засылались сваты, или, как их еще называли, «сватовщики», они являлись родственниками или знакомыми со стороны жениха. Если по ходу разговора дело шло на лад, тогда приезжали родители жениха вместе с женихом.

Приезд этот обставлялся более торжественно. Запрягались пары лучших лошадей в хорошие санки, или ходок, одевались в лучшую одежду. Если жених и невеста жили в разных селениях, то сватовщики заезжали не сразу к невесте, а сначала к родным или знакомым и уже вместе с местным посредником направлялись к невесте. После приветствия и короткого вступления, не относящегося к делу, приступали к сватству. Этикет требовал, чтобы родители невесты не сразу давали согласие отдать дочь замуж, ссылаясь на ее молодость и другие причины, а потом, когда в действительности никаких препятствий к замужеству не было, приходили к соглашению. Определялась сумма задатка (жалыма), она зависела от экономического состояния обеих сторон, особенно жениха, и составляла от 10 до 100 рублей. В зависимости от полученного задатка отец невесты должен был дать с невестой и соответствующее количество приданого. Когда такой торг был закончен, жених и невеста становились перед родителями на колени, и те благословляли их на брак.

Но не всегда брак был радостным событием как для жениха, так и для невесты. Бывали случаи, когда эти браки совершались против желания жениха и невесты, только по желанию их родителей. Недаром в то время пелась такая песня:

Меня изменяла будила, я скопа, не семяла,
Бывай, девятое сердечно, к тебе присматрива.
Все подруженьки запели, я один заплакала.

После просватывания назначалось несколько дней для подготовки к свадьбе. Родители готовили разное угощение, подруги невесты — приданое. В день свадьбы снавязывали «лоезд» в несколько пароконных лодовид со стороны жениха и ехали за невестой. В доме невесты, соблюдая традиционные обычан, их встречали с различными ложечками.

Девушки пели свадебные песни. Поезжане усаживались за стол и угощались, девушки тем временем усаживали жениха и невесту рядом и готовили к венцу. Но прежде чех жениху сесть рядом с невестой, он должен был выкупить ее у подруг или сестры невесты, дав им на гостилицы денеж. После того как родители невесты благословляли молодых на брак, поезд пускался в церковь для совершения обряда венчания, а затем все ехали в дом жениха.

В день свадьбы дом жениха был открыт для всех, он был битком набит народом, ожидающим прибытия из церкви молодых. Родители жениха у входа в дом встречали жениха и невесту с иконой в руках и благословляли, потом все заходили в комнату, садились за стол, сваха заплетала невесте волосы в две косы — «по-бабы», потому что замужней женщине не разрешалось носить одну косу, и после этого уже невеста считалась замужней.

Когда пассажиры находились еще в церкви, из дома родителей невесты в ложе жениха отправлялся поезд с приданым. Его везли родственники невесты с таким расчетом, чтобы все было привезено до прибытия новобрачных из церкви.

После венчания начиналось гулянье, сначала гости угощались у родственников жениха, а потом переходили к родным невесты, если это были в одной деревне, если же невеста была из другой деревни, назначалось время «отгашивания» жениховой родни у невесты.

Гулянье, продолжавшееся 4—5 дней, проходило под веселые песни, шутки, пляски, при этом соблюдались все существовавшие в данном селении обычая, среди которых были и унизительные, нескорбительные для человеческого достоинства. Самым важным условием было то, чтобы девушка выходила замуж девственной. Об этом должны были узнать все участники свадебного лира, а через них и все жители деревни. Этот дикий обычай заключался в том, что молодоженов в первый день свадьбы «укладывали спать», после чего молодая жена должна была нижнюю рубаху передать свахе, а та на тарелке в присутствии всех сидящих за столом подносила ее родителям невесты, чтобы все удостоверились, что на рубашке есть следы крови — свидетельство нарушения девственности.

Не в радость был для молодой жены и ее родителей свадебный тир, если не была сохранена девственность. Более того, существовал еще и такой дикий обычай, когда при входе в дом жениха на родителей невесты надевали хомут, что означало, что они свою дочь не сохранили до брака в чистоте девацьбы.

Бегунцы

Несмотря на суровость религиозных и жизненных правил, человеческая натура не мирилась с однообразной, монотонной жизнью, требовала разнообразия, и в результате страсти людские выливались в какую-то форму их удовлетворения, одной из которых были бега на лошадях.

У жителей сибирской деревни была слабость — иметь хороших

выездных лошадей: рысаков, иноходцев, бегунцов (скакунов). В зимнюю пору любители рысаков запрягали их в легковые сани и устраивали бега прямо в деревне по широкой улице. На бегунах состязались только верхом.

Несколько владельцев бегунцов бились об заклад и назначали бега, о чем знала не только одна деревня, но и смежные с ней. Это было значительное событие. Бега обычно устраивались зимой, особенно на масленице. Сначала скакунов готовили к бегу, кормили только легкими кормами, тренировали. Подбирались легкие седокаи, исключительно подростки, цепкие и умеющие хорошо управлять лошадью.

В день бегов посмотреть на бегунцов выходили все жители деревни, болельщики принимали участие в закладе на облюбованного бегуна. Расстояние бега определялось от 5 до 15 verst, его охраняли, чтобы во время бегов на дороге не было посторонних проезжих, которые могли помешать участникам бега. По окончанию бегов выигравшая сторона принимала заклады и тут же устраивала застолье.

Жители Большелереческого района имели хороших лошадей-бегунов, на которых ежегодно выезжали на соревнования. В Большелеречье лучшим бегунцом считался мерин Павла Ивановича Решникова, почти всегда в бегах занимавший первое место. Много было любителей бегов в селе Такмык. Хорошие бегунцы имелись у Павла Лисенкова, Ивана и Артемия Конькоевых, Владимира Алеева, Сергея Шейкина, Петра Чкуты и у других. Из лошадей всех этих любителей лучшим был бегунец кожзаводчика Артемия Конькова. В селе Ингала имели бегунцов Осип Иванович Мурзин, Михаил Андреевич Кузлякин, Степан Кликов и другие. В этом селении часто расстояние для бегов устанавливали до 20 verst и бегали в один раз ли семи бегунцов.

Рассказывают такой случай. Однажды во время бегов Осип Мурзин вместе денег отдал в залог быка производителя и програл его. Выигравший в свою очередь на втором звезде програл его третьему лицу. Так этот бык весь день переходил от одного владельца к другому.

Житель села Пустынное А. М. Спинцын рассказал, что у местного жителя Увара Неворотова был свой доморощенный гиедой черки простой сибирской породы, но исключительной резвости. Однажды в городе Калачинске во время ярмарки были конные бега, куда прибыл и Неворотов со своей лошадью. В забег Неворотов поставил своего бегуна против бегунца знаменного калачинского купца. Все сначала смеялись, что простая крестьянская лошадь, невзрачная, хочет соревноваться с породистой, не раз бравшей на

бегах призы, но Неворотов не отступил. Ви время бега на 10 верст купеческий бегуец далеко отстал от неворотовского. Не выдержав такого позора, купец тут же на месте пристрелил своего бегуца.

Борьба

Во всех крупных сибирских селениях во время ярмарки, в пасхальные дни и на масленицу устраивали борьбу. Вот что рассказал об этом житель села Таксмиш Нестер Семенович Цыбуля:

«Борьба в Таксмише проводилась во время ярмарок и в престольные праздники, а после борьбы начинались кулачные би, часто переходящие в серьезные побоища. Это было в начале XX века. Борьба и кулачные би проводились «край на край», «кульца на улицу». Первым в Таксмише всегда нападали жители Тарской улицы на жителей улицы Омской. Зачинщиком драк был Лисенков по прозвищу Карста, а организаторами побоища — местные купцы Дудиков, Семёнов, Коньков, Жаковия и другие. Они сами никогда не принимали участия в побоищах, но поощряли их, а победителям давали на водку. Больше всех в драках попадало бедноте Омской улицы, потому что за нее некому было вступиться. После этой борьбы и драк многие возвращались домой с выбитыми зубами, с синяками, с пробитыми головами. Однако после драки между побежденными и победителями вражды не было».

В Большерецье особенно многоголюдной была борьба в престольный праздник Ивана Крестителя, 6 июля. Борьба начиналась с подростков, рассказывал Владимир Николаевич Палеров, а поточ доходила и до взрослых. Хорошими борцами считались Павел Иванович Решников, Степан Седельников и Владимир Палеров. Особой ловкостью, силой и сноровкой обладал Решников, он всегда во время борьбы оставался победителем.

Служба в царской армии

Старожили-сибиряки часто вспоминают своих родственников, которые в далекие прошлые годы служили в царской армии.

Житель Большерецья Александр Михайлович Сумин рассказывал, что он сам 12 лет служил в царской армии, до Москвы шел пешком. Был участником войны с Турцией. А вот его дед, Иван Алексеевич, в 1835 году в 33-летнем возрасте был взят на военную службу, до места назначения шел пешком около двух лет и 25 лет служил в армии.

По 25 лет служили в армии жители Большерецья Егор Нико-

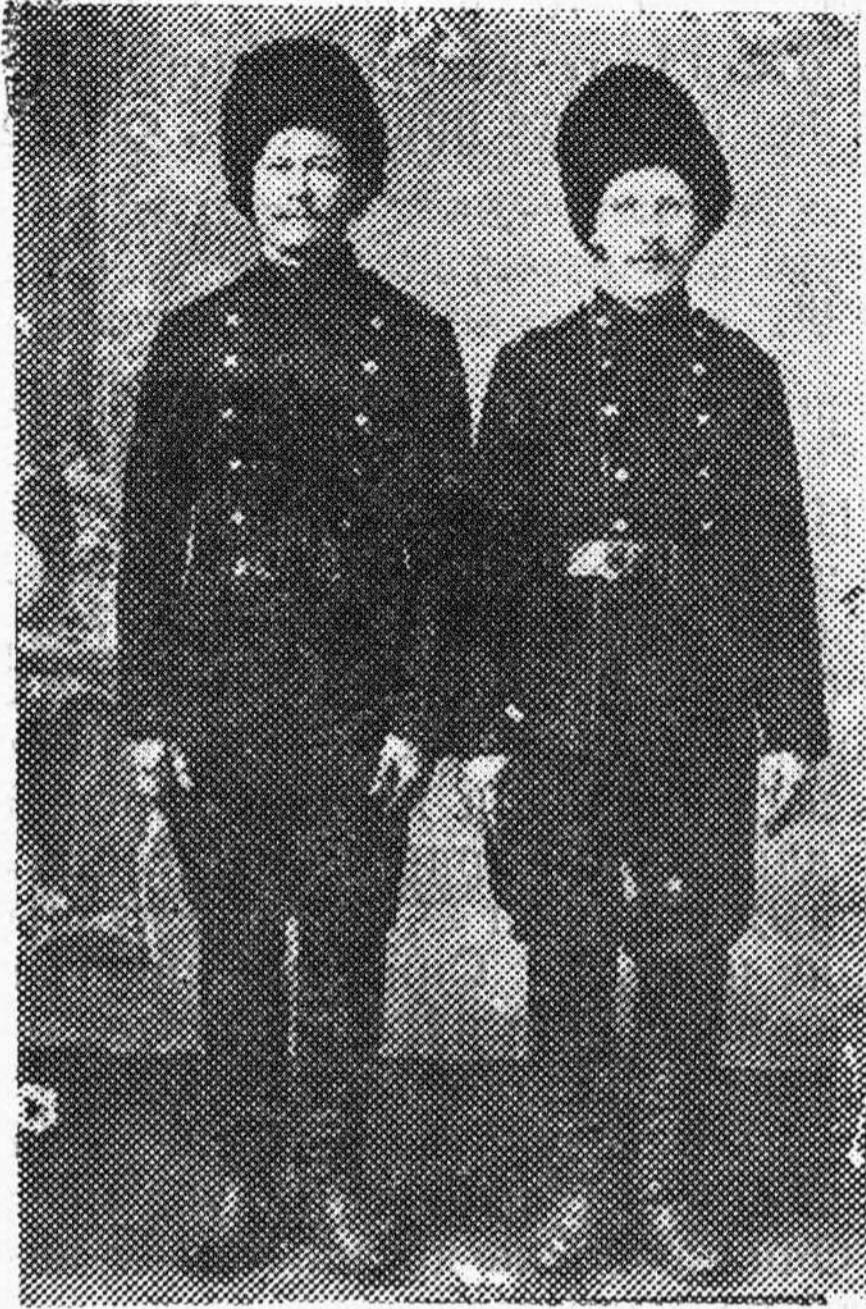

Фото 7. Служащие царской армии
(из фонда В. С. Аношина).

лаевич Седельников, Трофим Кондратьевич Захаров и Степан Никитович Казачинин. До места назначения в город Посыт (около Владивостока) они шли пешком. Житель деревни Боровянка Илья Семенович Бонюхов в 1893 году на военную службу в Читу шел пешком и ехал на лошадях с декабря до июня 1894 года. Прослужив 25 лет, такие солдаты возвращались домой стариками.

Допускались и такие случаи, когда призываемый в армию мог нанять за себя другого человека. Такие люди назывались «наемниками». Поэтому купцы и кулаки в то время, чтобы их сыновья, подлежащие призыву, остались дома, нанимали за них бедных крестьянских сыновей или таких, которые не имели ни семьи, ни родственников.

Обычно «наймы» сопровождались длительными попойками нанявшегося, он мог потребовать от хозяина всего, чего захочет. Беспробудно пил, катался на тройке хозяйственных лошадей, заказывал себе разные кушанья и делал многое другое, что иногда было противно самому нанимателю, но приходилось терпеть. Это продолжалось с месяц и более, в зависимости от того, когда наступал срок отправки в армию.

Таким «наемником» 25 лет служил житель села Большеречье Петр Григорьевич Резин за кулацкого сына деревни Катаевой. Купец села Ингалы Борзин за своего сына нанял идти на военную службу одного из бедняков, дал его отцу за это мешок медных денег.

Житель деревни Качесово Филипп Григорьевич Лоншаков рассказывал, что в 1888 году, когда он призывался на военную службу, в воинском присутствии призываемых вызывали по списку. Набор пополняемого количества новобранцев подходил к концу. Впереди Лоншакова по списку был записан Аким Никифоров, кото-

рым и должен был закончиться набор, но Никифоров перед призовом сбежал куда-то, и его нигде не могли найти. Очередной по списку Лоншаков вместо Никифорова был принят. С января по июнь 1888 года Филипп Григорьевич следовал на службу во Владивосток. До Иркутска везли на лошадях, а далее до Владивостока шел пешком.

Через год Лоншакову объявили, что он освобожден от военной службы и может отправляться на родину. Оказалось, что сбежавший Никифоров был разыскан и принят в армию, а взятого вместо него Лоншакова освободили. В обратный путь Филипп Григорьевич вышел 1 мая 1889 года из Благовещенска и только 26 октября пешком прибыл домой.

Многие из большереченцев в царской армии были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Полными Георгиевскими кавалерами, имевшими по два золотых (первой и второй степени) креста и по два серебряных (третьей и четвертой степени), были Федор Ильич Гаврисенко из Рямовки, Азар Андреевич Костюченко из Некрасовки, Пантиухов из Бугалы, Ефим Тихонович Тихонов из Сухо-Карасука. В деревне Камышино-Курской Иван Дмитриевич Архипов был награжден тремя Георгиевскими крестами и тремя медалями. Многие имели по два креста и несколько медалей.

Раздел III

СТИХИ О СИБИРИ

Сергей Арутюнов
СИБИРЬ (ВЕНОК СОНЕТОВ)

I

Сибирь, мои нелегкие края!
Богатство недр, кочевий нищета,
Раздолье ягод, стаи комарья
И запах прелой хвои и листа.
Глаза спокойных тундровых озер,
Над ними брови невысоких грив,
Приземистых цветов тугой ковер,
Ленивых рек несчисленный извив.
И бурных рек стремительный проран,
И злой оскал оползых скал гольцов,
Кармин осин и лиственниц шафран,
А после — серый снег со всех концов.
На полматериика и вдаль и вширь
Остистым ворсом стелется Сибирь.

II

Остистым ворсом стелется Сибирь,
Сосна и лиственница, кедр и ель,
И белая безликая метель,
И прошлое, как черный нетопырь.
Палатки полы туже растопырь,
Пускай, как в бубен, лупит в них метель.
Слепой пургой окрест кружит Сибирь,
Слепая наших судеб канитель.
Не счастье глухих углов твоих, Сибирь:
Яры, Туран, Тунытлен, Парабель.
И эта Богом проклятая щель,
Куда меня завел мой поводырь.

Как в стоге гвоздь, в тайге затерян я:
На сотни верст в округе нет жилья.

III

На сотни верст в округе нет жилья,
Но здесь не край непуганых зверей:
Тайга таит присутствие людей
В прогнившей груде меха и тряпья.

Под ней скелет замшелый угядиши:
Кто это, самоед или казак?
А в тундре бывший лагерный барак
Приветствует тебя провалом крыш.
В чащобе кипящ грозный самострел
Еще не сгнил, стрелять еще готов.
Что там: медвежий череп, гол и бел,
Иль золотая баба осятков?
Куда завел меня мой поводырь?
Лишь ржавые болота вдаль и вширь.

IV

Лишь ржавые болота вдаль и вширь,
Сосна и лиственница, кедр и ель.
Страшна и притягательна Сибирь,
Могила старших, младших колыбель.
Неясностей и тайн Сибирь полна,
Пришельцев много где нашло приют,
И крошечные эти племена
Огромные вопросы задают.
Здесь клады есть под каждою горой,
Но в руки никому неайдут они.
Из вымерзших болот встают порой
Здесь неземного облика огни.
Плынут они из мглы на глыбы льда,
И рядом с ними светят иногда.

V

И рядом с ними светят иногда,
Как угольки костров из тьмы ночей,
Сибирские большие города,
Где каждый пятый — маг и книгочей.

Из четырех один — и черту брат,
Из трех один — ходок и следопыт,
Любой второй беседе с нами рад,
У каждого широкий стол накрыт.
Не просто снедь и бражка за столом,
А разговор с умом и по душам.
И многое из этого потом
Годами вспоминаться будет нам.
Как рады встрече с вами мы всегда,
Сибирские большие города!

VI

Сибирские большие города
Сейчас полны проблем, как никогда.
Здесь плата за технический прогресс
Порою дорастает до небес.
Живут на длинный рубль и на авось
Сибирские большие города:
Вспыхивают новостройки вкривь и вкось,
Отравлены и воздух и вода.
Но все же есть безумию предел,
И рвачество не вечно властно рвать.
И разум побеждает кое-где,
И раны начинает врачевать.
Их лечит, хоть не сразу и не вдруг,
Там доброе тепло умелых рук.

VII

Там доброе тепло умелых рук
В свои труды влюбленных чудаков
От тлена храм спасает для наук
Воссоздает мозаику веков.
В расселинах чукотских влажных скал,
Бродя в туман, встречая ветра злость,
Для мудрых их забав я разыскал
Оббитый камень и резную кость.
Нам после пологов из ветких шкур
Так мил простой гостиничный уют.
Нехитрый стол и белый абажур
Для творчества условия создают.
И щедро украшает наш досуг
Приветливость знакомцев и подруг.

VIII

Приветливость знакомцев и подруг —
Готовность выйти, встретить и помочь,
Когда ненастье буйствует вокруг
Неясен путь и непроглядна ночь.
Твердят, что торжествует в мире зло,
И видимо, не зря и неспроста.
Но только нас, куда бы ни занесло,
Встречала неизменно доброта.
Чужие люди нас пускали в дом,
Стелили мех, чтоб мягче было лечь,
И чайник греться ставили на печь,
И грели нас сердец своих теплом.
Моих скитаний милые друзья,
Вас постоянно вспоминаю я.

IX

Вас постоянно вспоминаю я,
Яры, Туран, Тунытлен, Парабель,
Рассерженного моря толчая,
Сонливой тундры мокрая постель.
Других таких нигде на свете нет,
Далекие суровые места!
Прошло под вашим знаком тридцать лет,
Ценнее и полней обычных ста.
Смешайте снег с углами от костра,
Плесните в небо пенистый прибой
И перемножьте завтра на вчера,
Переплетя стремления с судьбой,
И вы себе представите, друзья,
Сибирь — мои нелегкие края.

X

Сибирь, мои нелегкие края,
Остистым ворсом стелется Сибирь.
На сотни верст в округе нет жилья,
Лишь ржавые болота вдали и вширь.
И рядом с ними светят иногда
Сибирские большие города,
Там доброе тепло умелых рук,
Приветливость знакомцев и подруг.
Вас постоянно вспоминаю я,
Сибирь, мои нелегкие края!

Раздел IV

СКАЗКИ НАРОДОВ СИБИРИ И УРАЛА

СКАЗКИ ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Иртыш и Сулейман

Это было в старые-старые времена, о которых не помнят ни деды наши, ни прадеды, и даже прадеды прадедов наших. Если бы они были живы и по сей день, то не смогли бы быть очевидцами того, о чем знают лишь духи, тайга и солнце. Но солнце — молчаливо, тайге верить нельзя, а духи не делятся с людьми всем тем древним и заветным, которое носят в себе, хранят и берегут. И горе тому, кто посягнет на их святыню.

Но это было в те старые-старые времена, было наяву. И если бы этого не случилось, не было бы ни людей, ни духов, ни тайги, ни солнца.

А в эти старые-старые времена были лишь Иртыш, песок и камни. И жил в Иртыше могучий и мудрый Сулейман. Он имел ужасно страшную внешность, но горячее и благородное сердце. Его никто не видел и никто не мог испугаться его безобразного вида потому, что тогда не было ни людей, ни животных.

— Кому бы сделать добро? — размышлял Сулейман.

Но не мог он делать никому добра и приносить радости, так как жил наедине лишь с великим Иртышом.

И вышел один раз благородный Сулейман из воды великой реки на песок и камни и увидел, как черен мир, как мрачен и пустынен.

И тогда попросил Сулейман могучего Иртыша:

— Будь добр, Иртыш, освети вселенную.

Иртыш любил Сулеймана за его доброту и выполнил его просьбу. И с тех пор светит над миром яркое солнце.

Стало вокруг светло и прекрасно, но по-прежнему тихо и одиночко. И когда первые лучи солнца скользнули по волнам Иртыша, увидел Сулейман, как прозрачен и чист Иртыш. Да, тогда он был прозрачным, как роса, и чистым, как слеза.

Но вот заметил добрый Сулейман в воде какое-то страшное чудовище.

— Что это за безобразное существо? — воскликнул он и бросил камень в воду.

После всплеска вода разошлась кругами, затем успокоилась, и снова Сулейман увидел чудовище. И понял он, что это его отражение.

Он долго тосковал, а потом попросил реку:

— О, великий Иртыш! Прошу тебя, создай духов, которые бы сделали меня красивым.

— Нет, Сулейман, не нужно творить духов,— ответил ему Иртыш.— Не жди от них добра.

Сулейман снова тосковал, снова упрашивал великого Иртыша сотворить духов. Тот долго еще не соглашался, но, наконец, выполнил эту просьбу и поселил на земле духов.

— Духи-духи,— попросил их Сулейман,— сделайте меня красивым.

Духи не желали жить под яркими лучами солнца, они любили темноту и поэтому ответили Сулейману:

— Попроси Иртыша, чтобы он снял светило с неба, и тогда мы сделаем тебя прекрасным и стройным.

Но Сулейман полюбил ласковое солнце и его животворящий и лучезарный свет.

— Нет, духи, уж лучше я буду по-прежнему страшным, лишь бы всегда светило над миром солнце.

И упросил он могучего Иртыша, чтобы тот сделал для духов темный лес. И Иртыш сделал тайгу. Сулейман прогнал духов в темную тайгу, чтобы жили они в любимой ими тьме. Однако, живя с духами, Сулейман по-прежнему чувствовал себя одиноким. Он и духи не любили друг друга и поэтому редко встречались.

И тогда обратился благородный Сулейман снова к Иртышу:

— О, великий Иртыш! Создай людей и усей ими свои берега.

Иртыш с радостью выполнил его просьбу и создал людей. А Сулейман снова опустился в Иртыш, чтобы не пугать людей своим страшным образом, не мешать счастливой и суетливой человеческой жизни.

Люди, веселые и добрые, подошли к прекрасной реке и вдруг увидели там на дне страшного и уродливого Сулеймана.

— Спасайтесь! — закричали они друг другу в страхе,— это чудище погубит нас. Бежим отсюда! Скорей! Скорей! И они ушли в тайгу, где их часто беспокоили духи, и больше не появлялись у вод чудесной реки.

Помрачнел Сулейман. Он грустил три года и три дня и все вре-

мя думал, как сделать, чтобы люди не боялись его внешности. И наконец придумал.

— Я прошу тебя в последний раз,— обратился он к Иртышу.— Ты могучий и чудный, ты все можешь. Смути свои воды, перемешай их с илом и глиной так, чтобы никто не видел дно реки, где буду жить я.

— Нет, нет и нет,— ответил ему Иртыш.— Ты, Сулейман, конечно, ужасный и страшный, но очень уж добрый и благородный. И ради людей я должен стать мутным? Не буду я этого делать.

— Но я очень прошу тебя смутить свои воды,— настаивал Сулейман,— иначе я, и люди будем несчастны.

— Ишь, чего захотел,— возмутился Иртыш,— хочешь, чтобы и я перестал быть прозрачным и прекрасным. Не бывать этому!

Но он так разгневался и разбушевался на Сулеймана, что волей-неволей смешал свои воды с илом, песком и глиной и стал навеки мутным и желтым.

И стал Сулейман невидимым для людей. Те же вернулись к реке, стали селиться на ее берегах и жить. И это были самые чуткие, сильные и прекрасные существа во всем мире. И тогда они очень бережно относились к реке. Поэтому довольный Иртыш простил Сулейману его дерзкую просьбу и стал любить его, как прежде.

А благородный Сулейман и сейчас живет на дне мутного, но доброго Иртыша. И поэтому по сей день живут люди, шумит тайга и светит солнце.

Мост к счастью

Около одной деревни было большое черное озеро. Оно было такое большое, что берегов его не было видно. И оно было такое черное, что не только вода, но и воздух над ним и над деревней был черный. И даже солнце не освещало то место, где находилось озеро. Единственным светом был свет от костров, которые зажигали люди, чтобы сварить себе еду.

Однажды пришла смерть к одному старику. Умирая, он сказал людям:

— Еще когда я был маленький, мой дедушка сказывал мне о светлой стороне на том берегу озера. Сам он там не был, но его дедушка как будто бы на лодке переплыл озеро и видел свет на земле.

Среди собравшихся около умиравшего старика был один юно-

ша, очень храбрый и благородный. Звали его Мухамет. Он спросил старика:

— А скажи нам, дедушка, что известно о той стороне? Живут ли там люди?

— Да, живут. Там много городов и деревень. Но главное, там много света. Даже в густом лесу и то светло. И люди поэтому там все счастливые.

— А пробовал ли кто-нибудь еще туда переплыть через озеро?

— Я сам пробовал, когда был молодым,— ответил старик.— Но ведь ничего не было видно. Я плыл много дней и прикалил, наконец, к берегу. Но оказалось, это наш черный берег. Вышло так, что кружился я на озере все время около него. Ничего же кругом не видно.

— Как же найти туда прямой путь по воде? — допытывался Мухамет у старика.

— На лодке не доплыть, опять в темноте свернете с дороги. Есть только один способ — строить прямой мост через озеро. Мне недавно эта мысль пришла в голову. Но я уже старый и умираю. А вы молодые и сможете построить этот мост к свету и счастью. Благословляю вас на этот подвиг.

Сказал так старик и умер. Схоронили люди его с почестями, устроили пир в его честь. А после стали думать, строить мост или не строить.

Один рыбак предупредил людей:

— В нашем озере живет рыба-чудище. Это большая и очень сильная щука. Длина ее больше роста двух людей. Не даст она нам строить мост.

— А мы убьем ее,— храбро заявил Мухамет.

— Бесполезно,— покачал головой рыбак.— Однажды я рыбачил на лодке. Развел на листе железа костер. Рыбы на свет к лодке подплывали, а я их гарпуном на зубы подцеплял и в лодку кидал. Вот тогда-то я и увидел эту щуку. Чешуя на ней, что панцирь. Я ее гарпуном ударил, но зубы соскользнули с ее кожи. Она бросилась на лодку и хотела меня проглотить. Но я швырнул в ее пасть горящие головешки вместе с железным листом. Щука поперхнулась ими, завыла от боли. Стало опять темно, и я побыстрее отплыл от этого места. В темноте она ничего не видит. Вот поэтому я и спасся.

— Тогда все ясно, как нам строить мост,— сказал Мухамет.— Надо строить его, не разжигая костров.

Так и решили все жители деревни — строить мост через черное озеро в темноте и не зажигать даже факелов. Строители они были умелые и скоро приступили к работе. Одни заготавливали брев-

на, другие вбивали их в дно озера, третьи делали настил моста.

Много месяцев строили люди этот мост. Много трудностей и испытаний им пришлось вынести. Чтобы никто не падал в воду и не утонул, возводили они и перила по обеим сторонам моста.

Женщины готовили им пищу, не разжигая костров. Готовили они толкан-блюдо из воды и разведенной в ней муки или крупы. Кормили мужчин также вяленым мясом да сушеною рыбой.

Часто было холодно на озере. Люди мерзли, но не разводили огонь, чтобы не привлечь светом чудище-рыбу. Появились и болезни у строителей. Но смелые люди не сдавались и продолжали работать.

Прошло еще несколько месяцев. Наконец-то стало понемногу светать. И поняли люди, что близок светлый берег, что скоро увидят они конец озера.

Им очень хотелось узнать, что их там ждет. Свет в полумраке был такой заманчивый. Он предвещал людям светлую и радостную жизнь.

Все бы хорошо, но вдруг что-то сильно булькнуло в воде, и озеро покрылось волнами.

— Смотрите! Это чудище-рыба! — крикнул кто-то.

И верно, это была громадная щука, которая на свету увидела мост и людей. Она бросилась на мост и стала грызть и разрушать его. Бедные люди в страхе побежали назад в темноту в сторону своего берега. Огромный и адский труд многих людей, стремившихся к свету и счастью, исчезал на глазах.

— Стойте, люди! — закричал тогда Мухамет. — Давайте подожгем бревно и сунем его рыбе в пасть.

— Поздно,— ответили люди.— Мы ведь и огнива все оставили на нашем берегу. Чем зажечь дерево?

— Тогда мажьте меня скорее смолой,— приказал им Мухамет.

— Зачем это? — спросили те.

— Не спрашивайте. Делайте, что говорю. Быстрее мажьте, а то щука уже к нам подбирается.

Люди вылили на Мухамета из бочки клейкую смолу и обмазали его как следует.

— Прощай, свет! Прощайте, люди! Будьте счастливы! — воскликнул отважный и благородный Мухамет и бросился в пасть страшной щуки.

Челюсти быстро сомкнулись вокруг тела Мухамета, но разомкнуться они уже не могли, склеились смолой. Долго металась щука вокруг моста, но без зубов разрушить его не могла. Вскоре она умерла от злобы и голода.

А люди снова взялись за дело и достроили мост до берега све-

та и счастья. Там увидели они солнце, много светлых городов и деревень, полей и лесов, добрых и трудолюбивых людей. И стали они жить с ними вместе счастливой жизнью. А подвиг Мухамета остался в памяти людей навсегда.

Ахмет и хан

В одной стране жил злой хан. И приказал он однажды, чтобы всех достигавших старческого возраста мужчин и женщин убивали. И стали дети убивать своих родителей.

В ханском городе жил молодой парень Ахмет со своим отцом. И пришла пора состариться его отцу.

— Ну что же, сынок,— сказал отец Ахмету,— давай прощаться. Пришла пора и мне умереть. Будь счастлив, сынок.

Но Ахмет не смог убить отца, которого сильно любил и уважал. И решил он спрятать его в избушке на дальних покосах. Так и сделал. А соседям сказал, что приказ хана выполнил. Завернул в саван обрубок дерева и скончонил его вместо отца.

Так и стали они жить. Ахмет потихоньку носил отцу продукты. Вот пришел он раз печальный и ничего не говорит отцу.

— Что с тобой, сынок, о чем задумался?

— Ты помнишь, дорогой отец, озеро около ханского дворца. Так вот на дне его что-то круглое и белое лежит. Хан приказал своим слугам достать этот предмет. Слуги ныряли, ныряли и до дна доставали. Но ничего там не нашли. Тогда хан объявил награду тому, кто достанет этот предмет. Он обещал полханства отдать и дочь в жены. Но кто не достанет, тот головы лишится. Я по дурости тоже решил счастья попытать. Завтра моя очередь в озеро прыгать. Ох, лишиусь я своей головы.

— Не печалься, сынок,— сказал ему отец,— не ныряй в озеро. Над озером стоит высокая береза, а на березе гнездо, а в гнезде яйцо белое. Когда день наступает, при свете яйцо отражается в воде.

На другой день Ахмет пришел к озеру. К удивлению хана и его слуг он не стал нырять в озеро, а полез на дерево, достал яйцо и поднес его хану.

— А что же в озере? — спросил хан.

— А ничего там нет. Это яйцо в воде отражалось.

Посмотрели в озеро, а там и вправду ничего уже не светится. Надо хану полханства и дочь Ахмету отдавать. А ему жалко.

— Ну ладно, раз ты такой умный,— говорит хан,— тогда вот тебе две палки. Отгадаешь до завтра, какая из них из верхушки дерева сделана, а какая из корня. Отгадаешь, получишь полханство.

ва и ханскую дочь. Не отгадаешь, прикажу отрубить тебе голову.

Пришел Ахмет к отцу еще более печальный.

— О чём думаешь, сынок? Разве не достал ты яйцо с дерева?

— Достал, отец, спасибо за совет. Но хан загадал мне новую загадку.

И рассказал Ахмет о двух палках.

— Не печалься, сынок. Брося обе палки в воду. Которая плавать поверх озера будет, та из верхушки сделана, а которая вниз концом пойдет, та из корня вырезана.

Так и сделал Ахмет.

— Вот эта палка из верхушки, а эта из корня,— говорит он хану. Тот позвал мастера и спросил, верно ли. Мастер подтвердил правильность ответа Ахмета.

И опять хану не захотелось выполнить свое обещание. И задал он третью загадку Ахмету.

— Завтра ты должен будешь из двух жеребцов определить по виду, какой из них старый, а какой молодой.

Пошел Ахмет к отцу, совсем голову повесил. Рассказал о загадке хана, а отец говорит:

— Не горюй, сынок. Загадка просто отгадывается. Молодая лошадь всегда идет с поднятой вверх головой, а старая — с наклоненной вниз.

На другой день вывели двух жеребцов с конюшни и велели Ахмету отгадать, какой жеребец молодой, а какой старый.

Смотрит Ахмет, а жеребцы совсем одинаковые — одного роста и одной масти.

— Подведите мне поближе коней,— попросил Ахмет.

Лошадей подвели. И увидел Ахмет, что одна лошадь шла с гордо поднятой головой, а вторая шла понуро, с опущенной вниз головой. Тогда Ахмет и указал, какая лошадь молодая, а какая старая.

Хан и говорит тогда:

— Ладно, отдаю тебе полханства и дочь в жены. Но скажи мне, откуда ты, Ахмет, это все знаешь? Ведь ты такой молодой еще. Кто тебе подсказал отгадки?

И Ахмет ответил хану:

— Спасибо, хан, за полханства и дочь твою. Ничего я не возьму у тебя, если ты сохранишь жизнь тому человеку, кто помог мне разгадать загадки.

Обрадовался хан, что не нужно ничего отдавать из своего добра и выдавать дочь за простого горожанина. Обещал он выполнить просьбу Ахмета:

— Говори смело, кто это.

— Это отец мой. Прости меня, хан, ослушался я приказа твоего и не убил отца, а сохранил ему жизнь, спрятал его от тебя в избушке. Вот отец и помог отгадать мне твои загадки.

Хан подумал и приказал слугам:

— Скачите к избушке и приведите ко мне этого старика.

Привели слуги отца Ахмета к хану.

— Почему ты такой умный? — спросил его хан. И ответил тот:

— В народе говорят: «Ум страны стариками держится».

Тогда хан отменил свой приказ убивать стариков и старух. Понял он, что без старых людей трудно жить всем остальным. Так Ахмет спас от смерти не только своего отца, но и всех старых людей в этом ханстве.

Камыр-батыр

Жили-были старик со старухой. Сыновей у них не было, и век доживали они в бедности. Они молили аллаха, чтобы тот послал им сына. Пришел к ним однажды седобородый старик и говорит:

— Если хотите сына, слепите его из теста и положите в мичку-печку.

Обрадовались старики и все сделали так, как сказал им старец. Утром встали, а в мичке сидит живой мальчик. Старики еще пуще обрадовались. Стали они кормить, растить и воспитывать сына. А имя ему дали Камыр-батыр.

Рос Камыр-батыр быстро и стал скоро большим. Ходит на улицу играть с другими мальчиками, да родители тех детей жалуются, что Камыр больно их детей за руки хватает. Такая в нем сила была.

Позвал его раз отец и говорит:

— Вырос ты, Камыр, большой. Иди теперь по свету, ищи свое счастье.

Послушался он отца и пошел счастье искать. Исходил много дорог, а счастье так и не нашел. И вот повстречался ему такой же парень — сильный, смелый.

— Как зовут тебя? — спросил Камыр.

— Темир-батыр (железный богатырь).

— Давай померимся силами.

Стали они бороться. Победил Камыр-батыр.

— Давай дружить. Пойдем вместе со мной, — сказал он Темир-батыру.

И пошли они вместе. Шли, шли и повстречали третьего богатыря. Его звали Бакыр-батыр (медный богатырь). Стали они друзьями, и пошли все трое вместе счастье искать.

Встретился им на пути прекрасный лес, и решили они в этом лесу жить. Построили дом и поселились там. Двое ходили на охоту, а третий оставался хозяйство вести.

Однажды дома остался Темир-батыр. Затопил он печь, положил мясо в казан и стал ждать, когда оно сварится. Кто-то постучал в дверь. Открыл он ее, и увидел маленького старичка с длинной седой бородой. То был злой колдун. Он тоже жил в этом лесу.

— Проходи, гостем будешь,— пригласил его Темир.

Старик прикинулся слабым и попросил:

— Перенеси меня через порог.

Темир перенес его через порог, усадил за стол и налил чашку шурпы (супа). Тот съел и попросил:

— Налей еще,— и недобро так посмотрел на Темира.

— Рад бы, да здесь только товарищам моим осталось.

— Давай сюда шурпу! — требовал старик.

Тогда Темир взял старика за плечи и хотел выпроводить из дома, но не смог сдвинуть его с места. Старик пронзительно рассмеялся и опять недобро посмотрел на Темира. Тот испугался старика и налил ему еще шурпы. Но старику и этого было мало, он потребовал еще.

Так он съел весь суп и исчез.

К возвращению товарищей Темир из костей сварил еще шурпу и ничего им не рассказал о старице.

— Что-то мяса мало в шурпе,— сказал Камыр.

— Уварилось,— ответил Темир.

На другой день хозяинничать остался Бакыр-батыр. К нему тоже пришел этот старик, попросил перенести его через порог, съел всю шурпу и исчез. Бакыр наварил снова супу и ничего не сказал своим друзьям. Камыр же снова заметил, что мяса в супе было мало.

На третий день в доме остался сам Камыр-батыр. Затопил печь и сварил в казане шурпу. На стук он открыл дверь и увидел маленького старичка с длинной седой бородой.

— Перенеси меня через порог! — громко потребовал злой колдун.

Камыр внимательно посмотрел на него и сказал:

— Громко кричишь. Если хочешь, сам перейдешь через порог.

Старик вошел в дом и уселся за стол. Налил ему Камыр чашку шурпы.

— Давай сразу весь казан, я очень голоден,— потребовал старик.

— Ох, и прожорливый же ты,— ответил Камыр. Он хотел вы-

толкать старика за плечи, но подумал немного, схватил его за бороду и выволок из дома.

Там он привязал старика его же бородой к дереву. Когда пришли товарищи с охотничьей добычей, он спросил:

— Так кто же в эти дни съел у нас мясо?

Те застыдились и рассказали Камыру о колдуна.

— Не за плечи, а за бороду надо было его выволакивать, в городе вся его сила,— пояснил им Камыр.— Пошли смотреть зашего старика.

Вышли они из дома, глянули на дерево, а старика как не было, осталась лишь его борода. Перетер старик бороду у подбородка и убежал.

— Теперь он без силы,— сказал Камыр-батыр,— пошли по его следу.

След старика привел их к норе. Разрыли нору, а там две двери. Открыли первую дверь — там драгоценности. Открыли вторую дверь — там три красавицы.

— Кто вы, девицы-красавицы? — спросили они.

— Нас злой колдун украл у родителей и в темнице держит.

Освободили они красавиц, набрали драгоценностей и пошли к родителям девушек свататься. Прошло немного времени, поженились богатыри и стали жить богато и счастливо. А старика того они больше и не видели.

Яль-Мамыш

Жил богатырь один. Звали его Яль-Мамыш. Он был богатым человеком, но очень беспокойным, можно сказать, непоседой. А как в народе говорят: непоседа, который во все дела суется, всегда к беде наткнется. Так вот, Яль-Мамыш часто ездил в соседние земли и воевал там. Был он сильный и смелый воин и многих побеждал.

Однажды во время битвы заманили враги Яль-Мамыша в яму, накрытую сверху прутьями и травой. Вот он и провалился в эту западню. Долго он там сидел. А была у него с собой домбра. Он все время играл на ней и песни пел. Думал, что, может, кто-нибудь услышит его и вытащит из ямы.

И верно. Услышал его пение гусь и подошел к краю ямы.

— Что ты здесь делаешь? — спросил гусь.

— Не могу выбраться из ямы. Помоги мне,— ответил Яль-Мамыш.

— Как же я тебе помогу. Мне тебя не вытащить никак. Весочку родным могу передать.

Так и решили. Богатырь разрезал ножом палец, кровью написал письмо на берестяном кусочке и велел передать его родным.

Отец у него был знатный охотник. Пошел он на озеро. А там только один гусь, и тот сам к нему плывет. Старик поймал гуся и принес домой.

— Смотри, старуха, диво какое, гусь сам в руки дался. Поймал я его.

— Что-то тут не так,— ответила мать богатыря. Осмотрели они внимательно гуся и увидели письмо от их сына.

Прочли они его и поплакали. Жене Яль-Мамыша сообщили. Стали думать, как вызволить сына. И надумали друга его послать. Настряпали ему хлеба и пирожков.

— Поезжай,— говорят,— выручай. И поехал друг выручать Яль-Мамыша. Но был он не настоящий друг, а просто жадный человек. Ехал-ехал он и стал думать:

— Друг-то друг, а поесть бы нужно.

Устроился он на отдых — поел плотно и спать завалился. А проснулся и решил, что не будет он Яль-Мамыша спасать, а за-владеет лучше его богатством.

Вот подъехал он к яме, нашел большой камень и закрыл им западню. Вернулся и рассказал родителям Яль-Мамыша, что тот умер уже и похоронен им на вражеской земле. Родители поплакали, но ехать к могиле сына не решились — враги кругом.

Прошло немного времени. И друг Яль-Мамыша стал свататься к его жене. А она поставила тогда условие:

— У моего Яль-Мамыша лук есть. Кто натянет тетиву этого лука до локтя, тот и будем моим мужем.

Объявила всем о состязании. А сама говорит сестре Яль-Мамыша:

— Не верю я, что Яль-Мамыш умер. Пойди по следу его друга, проверь, правда ли это.

Запрягla сестра двух лошадей под седла и поехала искать Яль-Мамыша. Недолго и искала. Услышала она в одном месте звуки донбры из-под камня. Набросила веревку на этот камень, а конец привязала к коню. Повела она коня, тот камень и вывернулся. Поглядела она в яму и увидела своего брата. Веревкой также с помощью коня вытащила его из ямы и все ему рассказала. Сели они на лошадей и приехали к ней домой.

Там сестра накормила Яль-Мамыша. Но все равно он был худой и обросший. Никто его не мог узнать. Оделся он победнее, шапку на глаза надвинул и пошел на состязание.

А там несколько человек пытались, но не смогли тетиву лука

до локтя натянуть. Подошел к луку и друг Яль-Мамыш. Тянул-трянул, до половины дотянул и не смог больше.

Тогда подошел Яль-Мамыш, поклонился жене:

— Позволь мне попробовать.

А дочка его узнала и шепчет матери:

— Это папа мой.

— Попробуй,— дрогнувшим от радости голосом говорит жена,— обязательно попробуй.

Яль-Мамыш сразу же натянул лук до локтя.

— Это папка мой! — звонко закричала его дочурка.

Друг услышал это, повернулся и побежал прочь. Яль-Мамыш навел на него лук и выстрелил. Но тот не погиб, а превратился в журавля.

Яль-Мамыш подошел к жене и низко поклонился ей за верность ее. С тех пор перестал он враждовать с соседями и оружие в руки брал только тогда, когда нужно было защищать родную землю от врагов.

Карамым-батыр

Карамым-батыр ехал на своем коне. Ехал этот богатырь туда, где жил его недруг — другой батыр. Ехал он три дня и три ночи, совсем не спал. Немного не доехал до поселка своего недруга и почувствовал, что очень устал. Решил он отдохнуть, взял за узду коня, привязал к своей руке и уснул.

Он спал три дня и три ночи. Недруг его выследил, стал будить Карамым-батыра, но не смог разбудить. Тогда он решил погубить его и спустить в глубокий колодец. Спустил он Карамым-батыра в старый высохший и заброшенный людьми колодец. А коня его взял себе и запер в конюшне.

Когда Карамым-батыр выспался, то долго не мог понять, где находится. Понял, что он в колодце, и стал думать, как выбраться из него.

Вдруг он услышал чей-то голос и решил запеть, чтобы его нашли. Запел песню. А мимо шла девушка, услышала его песню, подошла к колодцу и спросила:

— Ты человек или дух какой-нибудь?

— Человек я, зовут меня Карамым-батыр, я из Барабы. Девушка, помоги мне выбраться из колодца.

— Как помочь тебе? Мне не вытащить тебя одной.

— Держи мою одежду и веревку.

Карамым-батыр был одет в шинклин — шерстяной халат. Он

бросил девушке шикрин и веревку, которая была у него на поясе, и сказал:

— Найди моего коня. Дай ему понюхать мой шикрин, и он пойдет за тобой. Приведи его сюда.

— Хорошо, сделаю. Я знаю, где твой конь.

Дождалась девушка, когда стемнело. Ночью пришла к конюшне местного батыра и дала коню понюхать шикрин. Конь сразу узнал запах хозяина и сломал ворота. Тогда девушка вскочила на него и прискакала к колодцу.

— Вот твой конь, Карамым,— сказала она батыру.

— Привяжи один конец веревки к седлу коня, другой дай мне. Конь меня сам вытащит.

Девушка так и сделала. Батыр обвязал себя в поясе веревкой и крикнул девушке:

— Возьмись за повод коня и веди вперед.

Девушка взяла повод коня и повела его от колодца. Так она с конем и вытащила батыра. Тот взглянул на девушку, увидел, что она красавица.

— Поедем вместе со мной. Будь хозяйкой в моем доме.

А девушке тоже приглянулся Карамым-батыр. Сели они вдвоем на коня и доехали до того места, где жил недруг-батыр. Из табуна лошадей Карамым выбрал самого хорошего коня, поймал его арканом, оседлал и посадил на него девушку.

А потом он открыл загон, выпустил табун и погнал лошадей к себе домой.

Утром его недруг увидел, что лошадей нет.

— Кто угнал стадо? — спросил слуг.

Никто не видел, все ночью спали.

Побежал тогда батыр к колодцу. Глянь, а Карамыма там нет. Понял тогда батыр, что это Карамым его стадо угнал.

— Ну, держись, Карамым. Не убил я тебя, когда ты спал, а зря. Теперь жалеть не буду.

Созвал он своих слуг, вооружил их и пустился в погоню за беглецами. На второй день он стал догонять Карамым-батыра. Тогда тот сказал девушке:

— Гони стадо дальше одна. Поезжай все время туда, куда солнце заходит, и приедешь в мой дом.

Сам же повернул коня назад и поехал навстречу своему недругу. Он был один против почти целого войска. Долго был вынужден биться Карамым. Но был он самым сильным в степи батыром и победил в этой битве.

Часть воинов он убил, часть обратил в бегство, а врага своего — батыра взял в плен.

— Ну, что мне с тобой делать? Убить, или будешь служить мне?

— Не губи мою жизнь. Буду служить тебе.

— Ну, ладно. Хоть и хотел ты меня погубить и коня моего украд, я оставлю тебя в живых.

Связал Карамым-батыр своего недруга и повез к себе домой. Дорогой доднаг он девушку со стадом и вместе доехали до дома.

Там сыграли они свадьбу. А побежденный батыр стал у Карамыма чабаном. Не зря в народе говорят: «Кто лишнего все время себе хватает, тот может и без ничего остаться».

Сказка о богатыре и прекрасной девушке

Один князек увидел во сне девушку неописуемой красоты. Собрал он всю свою челядь и приказал:

— Обойдите все городки и селения и найдите мне эту красавицу.

Ходили слуги целый месяц по деревням, собирали самых красивых девушек. Но ни в одной из них князек не признал ту, что видел во сне.

— Опросите всех странников, не видел ли кто из них эту красавицу в других землях,—приказал он тогда своим слугам.

Те еще один месяц ездили по городкам и деревням, опрашивали странников. И только один старик сказал, что знает эту девушку. Привели его к князьку, и старик сказал:

— Живет та красавица в большом дворце, который крепко охраняется большим змеем и его слугами. Но главное в том, что добраться туда трудно. На наших лошадях не доскачешь. Только очень смелый и сильный человек может за год дойти до этого дворца. И то ему нужен волшебный конь.

— Что же мне делать? — спросил князек.— Я-то уже ведь старый и не дойду сам до того дворца.

— В твоей самой близкой деревне, что на Томи-реке, живет батыр-богатырь,—напомнили князьку его слуги.— Может быть, пошлешь его?

— Верно. Пощлем его.

Привели слуги этого батыра к князьку. Тот рассказал ему о девушке-красавице и спросил, сможет ли он найти ее. Батыр согласился отыскать ту девушку.

Собирался в путь он недолго. Простился с отцом и матерью, братьями и сестрами, сел на своего коня и поскакал в ту сторону, куда показал ему старик-странник.

Вскоре пересек он границу княжества и въехал в темный-тем-

ный лес. А в этом лесу жил шайтан. Было у него десять дочерей. Как-то попросили его дочери:

— Отец, мы слышали, что на земле за нашим лесом живут люди, но никогда их не видели. Мы просим тебя показать нам человека.

Шайтан не хотел, чтобы его дочери видели людей, боялся, что они их полюбят. Он мечтал выдать своих дочек замуж за других шайтанов. Но они очень просили его показать человека и, наконец, упросили.

— Хорошо,— согласился их отец,— я поймаю вам человека. Но после того, как вы его увидите, я его убью. Согласны?

Дочки шайтана согласились. Тогда пошел он на лесную дорогу, на повороте вырыл яму, а сверху закрыл ее тонкими палками и ветвями. Сам же залез на дерево и подготовил сеть.

Как раз в это время подъехал батыр к повороту. Коня приостановил, чтобы повернуть его. Здесь он заметил какие-то свежие ветки на дороге и приказал коню перепрыгнуть их. Но было поздно. Конь не смог разогнаться, прыгнул, но не перепрыгнул, а попал прямо на ветки. Так и рухнул батыр с конем прямо в яму-западню. А шайтан сверху на батыра сеть набросил.

— Держись, негодяй,— крикнул ему батыр,— сейчас разделаюсь с тобой.

Но хоть и был он сильным, все же не смог сеть разорвать. А тут и шайтан подскочил, связал батыру руки, ноги, взвалил на себя и понес в свое лесное логово.

— Вот, дочки, смотрите,— это и есть человек.

Связанный веревками, весь в пыли и в ветках батыр не понравился дочерям шайтана. Не понравился всем, кроме одной. Она расспросила батыра о его жизни, родных и о том, куда он ехал.

— Зачем я твоему отцу? Пусть он отпустит меня,— сказал батыр этой любопытной шайтаночке.

Та ничего ему не ответила. А шайтан посмотрел еще раз на могучую грудь батыра. Понял он, что самому ему не справиться с богатырем, и предложил ему:

— Запру тебя сегодня, переночуй у нас, отдохни. А завтра дам тебе другого коня и поскакешь дальше.

Поместили батыра в отдельной комнате. Не успел он уснуть, как пришла к нему та из дочерей, которая расспрашивала его. Полюбился ей человек, и решила она спасти батыра.

— Завтра отец приведет тебе жеребца, который должен тебя убить. Ты не садись на него сразу. Конь волшебный и никого не слушается.

Затем она дала ему бич и продолжила:

— Этот конь слушается только этой плетки. Хлестни его бичом, и он станет послушным. Дам тебе еще вот эту палку. Когда будет тебе трудно, стукни палкой о землю.

Поблагодарил батыр шайтаночку за советы и подарки. Когда она ушла, он проспал всю ночь богатырским сном. А утром пригласил его шайтан на поляну и подвел к нему пляшущего жеребца.

— Садись-ка на коня и поезжай по своим делам, батыр.

Конь повернулся к батыру задом, хотел уже лягнуть его и убить копытом. Но батыр выхватил из-под бешмета бич и стегнул коня. Тот сразу стал смирным. Батыр вскочил на него и поскакал прочь. Только шайтан его и видел.

Понесся конь над горами и лесами и скоро опустился перед дворцом.

— Вот этот дворец, где живет красавица,— сказал он батыру.

Тот осмотрел дворец, его ворота и увидел много змей, которые охраняли вход. Тогда батыр вынул палку шайтаночки, стукнул ей о землю. Палка и превратилась в копье.

— Вот это оружие так оружие,— вскрикнул батыр и бросился в бой с охраной.

Исколол он копьем всех змей, в том числе и самого главного, выбил двери и вошел во дворец. Там и нашел он девушку неописуемой красоты и в необыкновенной одежде с украшениями. Посмотрели они друг другу в глаза и поняли, что судьбой предназначено жить им вместе.

Но ничего не сказал ей батыр, хоть и полюбил с первого взгляда. Ведь он был честным человеком и воином. Раз обещал доставить красавицу князьку, то и должен был выполнить обещание. Сели они на волшебного коня, и тот быстро домчал их до дома батыра.

Не зря все же в народе говорят, что к сильному и смелому удача приходит к первому. Когда опечаленный думой о расставании с красавицей он подошел к родителям, те сказали ему:

— Пока тебя год целый не было дома, князь-то наш умер. Что же будем делать с красавицей, сынок? Где же ей жить теперь?

Обрадовался тут батыр и сказал:

— Позовите скорее муллу и обвенчайте нас.

Так и сделали. А здесь еще народ выбрал батыра своим князем. И началась долгая и счастливая жизнь князя и его красавицы жены. Говорили, что прожили они до ста лет.

Сказка о злой мачехе и падчерице

Жила-была старуха. У нее была дочь Фатима. Вышла старуха замуж за одного человека, у которого тоже была дочка, и ее тоже звали Фатимой.

Как-то раз падчерица Фатима сидела и вязала себе чулок. Мачеха увидела, что падчерица вяжет себе хорошие чулки, и стало ей завидно.

— Ну-ка, дай мне нитки,— попросила она у Фатимы.

Та подала мачехе нитки, а мачеха взяла клубочек и выбросила его на улицу. Клубок и покатился по дороге. Девушке стало жалко ниток, и она пошла за ними.

Клубок катился очень быстро и скоро исчез из виду. Когда девушка шла мимо стада коров, то увидела пастуха и спросила:

— Дедушка, дедушка, вы не видели моих ниток?

Пастух ответил:

— Нет, внученька, не видел. А не поможешь ли ты мне? Ты постереги моих коров. Я пойду пообедаю. Когда вернусь, то дам тебе подарок.

Фатима согласилась и стала пасти стадо. Когда пастух вернулся, он увидел, что все коровы целы, сыты и дал ей одну корову в подарок.

Фатима пошла дальше. По дороге она увидела пастуха с гусями и спросила его:

— Дедушка, вы не видели моих ниток?

Тот ответил, что ниток не видел, и попросил попасти гусей, пока он не сходит домой пообедать. Фатима и здесь согласилась помочь. Когда пастух вернулся, то подарил ей гуся.

Пошла она дальше с коровой и гусем. Повстречался ей пастух с овцами. На ее вопрос о клубке он ответил, что не видел. И попросил посторечь овец. Фатима согласилась. Когда пастух вернулся, то подарил ей овцу.

Следующим повстречала она пастуха с табуном лошадей. Тот тоже не видел ее ниток, но попросил попасти лошадей, пока он обедает. Фатима выполнила и его просьбу, за что тот подарил ей коня. Так и пошла она дальше с коровой, гусем, овцой и конем.

Шла, шла Фатима по лесу и, наконец, увидела домик. У окна сидела старушка. Фатима спросила:

— Бабушка, вы не видели моих ниток?

Старушка ответила:

— Да, я видела твои нитки. Они лежат теперь в моем сундуке. Я их никому не отдаю.

Запечалилась Фатима и стала просить вернуть нитки.

— Ну, хорошо,— сказала старушка.— Если ты протопишь баню, сводишь меня в нее и как следует вымоешь, то я верну тебе нитки. А если буду довольна тобой, и сундук подарю.

Девушка истопила баню. Когда баня была готова, она спросила старушку:

— Чем тебя мыть?

— Навозом,— ответила та.

Но Фатима не послушалась и пошла в лес, собрала там цветы и изготовила из них татарское мыло.

Затем она спросила старушку:

— Как вести тебя в баню, бабушка, и чем парить?

— Кольями, внученька. Когда поведешь меня в баню, то tolкни как следует колом, я сама и долечу до бани. Кольями и парить будешь.

Покачала Фатима головой, ничего не сказала старушке, пошла в лес. Там нарвала она березовых веток и сделала веник.

Старушку она унесла в баню на руках, помыла ее цветочным мылом, выпарила веником, обмыла, обтерла сухим полотенцем и перенесла в дом на руках.

— Прибери, внученька, у меня в доме, а я пока на нарах отдохну, посплю.

Навела Фатима в избушке чистоту, все прибрала и сундук от пыли протерла, но открывать его не стала.

Старушка проснулась и решила убедиться, что Фатима ничего не украла у нее.

— Ну-ка, девушка, попляши как следует,— сказала она и заставила Фатиму танцевать.

— Быстрее, быстрее крутись, девушка.

Но так ничего из одежды Фатимы и не выпало. Ничего не взяла она из вещей старушки.

— Понравилась ты мне, Фатима,— сказала та.— Возвращаю тебе твои нитки и дарю в придачу сундук.

Насыпала она в сундук золота и подарила его Фатиме.

Та запрягла лошадь, поставила на телегу сундук, привязала к ней корову, гуся и овцу и поехала домой.

А в доме у мачехи собака была. Она почуяла приближение Фатимы и стала лаять:

— Фатима идет и много подарков везет.

— Что ты брешешь? — озлилась на собаку мачеха и выгнала ее во двор. А собака еще громче залаяла на всю улицу:

— Фатима идет и много подарков везет.

— Вот я тебе задам сейчас палкой,— вскричала мачеха и вышла из дома. Глядит: на улице народ собрался и встречает Фа-

тиму — целую, невредимую, с клубком ниток, скотиной и сундуком золота.

Еще больше стало завидно мачехе. И решила она, что ее дочка Фатима должна больше подарков добыть, чем падчерица. Взяла мачеха клубок своих ниток, выкинула их на улицу и приказала своей ленивой дочке:

— Иди быстрей за нитками и принеси много-много подарков.

— Не пойду я, мать, никуда, — заревела та.

Но мать не слушала ее и вытолкнула за дверь. Делать нечего. Пошла ленивая Фатима в лес за нитками. Пастух с коровами окликнул ее и попросил стадо попасти, пока он отобедает.

— Еще чего захотел, — фыркнула Фатима, — с собою обед надо брать. Буду тут я на тебя корячиться.

И пошла дальше. Отказалась она также помочь другим пастухам постеречь их гусей, овец и лошадей.

Пришла она к избушке, увидела старушку и крикнула ей:

— Эй, ты, старая! Давай мне скорей наши нитки и сундук с золотом, да побольше.

Старушка ей в ответ:

— Сначала истопи баню, вымой меня, прибери в доме, потом уж я тебе подарок дам.

Делать нечего, пришлось ленивой Фатиме баню топить и воду носить. Кинула в каменку несколько палок и подожгла их. Они быстро сгорели, вода как следует не нагрелась, да и баня холодной осталась.

— Ну, иди, старая, мыть буду, — сказала Фатима старушке.

Та подняться поднялась, а идти не смогла.

— Перенеси меня в баню, девушка, — попросила она Фатиму.

— Еще чего захотела, — ответила та, взяла кол и толкнула им старушку в спину что было сил. Та и перелетела в баню. Вымыла ее Фатима кое-как навозом, выплеснула на нее ведро воды. Затем взяла кол и снова ударила в спину. Старушка перелетела в избушку, охая от боли улеглась на нары и скоро уснула.

Ленивая Фатима уборку в доме делать не стала. Открыла сундук, увидела там драгоценности, взяла груду колец, сережек и браслетов и затолкала в карман камзола и под калфак.

Проснулась старушка и попросила:

— Спляши-ка, Фатима, мне на прощание.

— Ты, что, старая, о себе возомнила, — ответила мачехина дочь. — Стану я для какой-то бабы-яги плясать.

— Если не спляшешь, то и подарков не получишь. Спляши, Фатима, спляши.

Пришлось той плясать. Еле-еле передвигала она ногами.

— Быстрой, быстрой пляши, а то подарков не дам.

Заплаксала Фатима быстрее, стала подпрыгивать, и посыпались из ее камзола и из-под шапочки драгоценности.

— Ну, что же,— покачала головой старушка,— хорошо пляшешь, Фатима, хватит. Собери кольца, сережки и браслеты и сложи их в сундук. Я тебе другой подарок дам. Вон, видишь, в углу большой ящик, бери его с собой. Только откроешь его тогда, когда в дом войдешь.

Ящик был больше сундука, и Фатима обрадовалась, что больше драгоценностей принесет домой и выполнит наказ матери. Взвалила она с трудом ящик на плечи и пошла домой. Увидела дорогой пастуха с табуном лошадей и крикнула ему:

— Давай скорее мне коня с телегой. Видишь, ящик какой тяжелый.

Не дал ей пастух коня. Не дали ей ни овцу, ни гуся, ни корову и остальные пастухи. С трудом дотащила она огромный ящик до деревни. А в ее доме собака стала лаять:

— Фатима идет и одних гадов несет.

— Врешь,— крикнула ей в ответ мать ленивой Фатимы и выгнала собаку во двор. А та еще громче залаяла:

— Фатима идет и одних гадов несет.

— Замолчи,— крикнула хозяйка, выскоцила на улицу, чтобы собаку наказать, и увидела Фатиму с ящиком.

— Ой, доченька, сколько золота несешь. Давай откроем!

— Нельзя, мать, только дома откроем. Так старуха наказала. Да и от людей надо скрыть золото.

Затащили они ящик в дом, открыли его. А из ящика выползли змеи и покусали ленивую Фатиму и ее мать. Те убежали из дома и никогда в него уже не вернулись.

А падчерица Фатима вышла замуж за удалого и трудолюбивого парня из той же деревни. Жили они долго и счастливо.

Примечание. В публикацию включены сказки трех основных этнических групп сибирских татар — тоболо-иртышской, барабинской и томской.

Основу написанных сказок составили записи, сделанные в 1973 г. среди томских татар у жителей д. Чёрная Речка Томского района Томской области Х. Г. Сайфамлюковой и Ф. К. Юнусовой («Сказка о богатыре и прекрасной девушки», «Сказка о злой мачехе и падчерице»), в 1975 г. среди барабинских татар у жителей д. Аялушка Чайковского района Новосибирской области А. Б. Бикситовой и Н. А. Измайловой («Карамым-батыр», «Яль-Мамыш»), в 1977 г. среди ялуторовских татар у жителей д. Яр Сингульского района Тюменской области Х. Сабировой и Н. А. Якуповой («Камыр-батыр», «Ахмет и хан») и в 1978 г. среди кудакско-саргатских татар у жительницы д. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области М. А. Сайфуллиной («Иртыш и Сулейман», «Мост к счастью»).

Н. А. Томилов.

СКАЗКИ РУССКИХ УРАЛА

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Василек и Ромашек

В некотором царстве, в некотором государстве в одной семье было два сына. Одного звали Василек, а другого Ромашек.

Подросли сыновья, отец с матерью им говорят: «Ступайте, по свету погуляйте, да счастье свое найдите».

Собрались они в путь-дорогу. Шли, шли, дошли до перекрестка, дорога на двоих делится. Василек и говорит: «Пойдем по разным дорогам. Ты пойдешь вправо, а мой путь будет налево». А на перекрестке этих дорог они воткнули саблю. И говорит старший брат Ромашек: «Приди, Василек, попроведай меня к этой сабле. Если будет течь алая кровь, то беда со мной приключилась, а если будет течь голубая кровь, то я буду знать, что с тобой что-то неладно».

И разошлись они в разные стороны. Ромашек пришел в деревню. Видит: все ставни у домов закрыты, все двери заперты. Постучался в крайнюю избу и спрашивает: «Что за беда в вашей деревне приключилася?» Отвечает ему красна девица: «Прилетает к нам Змей Горыныч и съедает по человеку. Сегодня моя очередь». Подумал, погоревал Ромашек. «Ну что ж,— говорит,— будем с ним бой держать». Лег спать, проспал три дня и три ночи.

К вечеру на четвертый день Змей должен прилететь. Взял Ромашек с собой палицу и пошел на поле. Видит: буря поднялась, должно быть, Змей летит. Громадное чудовище спустилось, из ноздрей огонь валит, а сам весь аж жаром пыщет. Размахнулся Ромашек палицей, ударил его по одной голове. Отлетела голова и покатилась. Глянул он вниз и видит, что сам по колена в землю ушел. Приклонился к земле, собрался с силою да отмахнул он Змею остальные две головы (у него их три было). Потом разрубил Змея на части и закопал. А с девицей-то они сразу любы друг другу стали, вот он и женился на ней.

Однажды напротив их окошка загорелся костер. Говорит Ромашек жене своей: «Пойду-ка я, посмотрю, кто к нам в гости пожаловал». Подходит к костру и видит, сидит у костра Баба Яга. А с ним собака была. Баба Яга посмотрела на собаку, вырвала волос из своей головы и незаметно положила на собаку. Тут же та и сдохла. Ромашек ничего не заметил: «Что, бабушка, замерзла?» Она вся дрожит, отвечает: «Замерзла, сынок, замерзла. Подкинул бы веточек в костер, а то, гляди, костер погаснет скоро». Когда он подбрасывал ветки, она и на него свой волос положила. Умер Ромашек. Разрезала Баба Яга его тело на куски и закопала.

Тем временем Василек думает: «Пойду-ка я, посмотрю, как там мой братец живет». Пришел он к тому месту, на котором они расстались. Видит, а по сабле-то алая кровь бежит. Думает: «Неладно что-то с моим братом, пойду-ка, попроведаю его». А они были похожи друг на друга, их даже мать родная плохо различала.

Приходит он в дом Ромашека. Жена Ромашека и говорит: «Ох, и долго же ты пропадал где-то». Объяснил Василий, что он не Ромашек, а брат его. Погоревали, потужили, а дело к вечеру клонится. Вечор снова под окном костер зажегся. Василек говорит: «Пойду-ка я, посмотрю, кто к нам в гости пожаловал». Уговаривала, не отпускала его жена Ромашека, да не послушался он, пошел. Пошел да разгадал тайну, куда Ромашек пропал. Не смогла Баба Яга Василька обмануть. Привязал ее Василек к конскому хвосту и пустил по чисту полю. И вот, значит, выкопал он Ромашека оттуда, куда его Баба Яга закопала. Сложил Ромашека. Птицы принесли Васильку живой и мертвый воды. Спрыснул он сначала мертвый водой Ромашека — срослось тело. Сбрзынул живой водой — встрепенулся, всколыхнулся Ромашек да и молвит: «Ох, и долго я спал». А ему Василек и говорит: «Еще бы дольше спал, если бы не я». Жена Василька хорошо встретила, добрая, ласковая. Да и стали они поживать, втроем свой век вековать.

Долго ли, коротко ли время прошло, женился и Василек. Свадьбу сыграли не на всю деревню, а на весь мир. На этой свадьбе и я был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало.

Елипанушка

Жила старушка с сыном, звали его Елипанушкой. Пришла осень. Он пошел дрова рубить за реку. Матка настрияла гороховых лепешек, понесла ему обед. Приходит к берегу и кричит: «Елипанушка, переедь сюда, поешь лепешек гороховых». Вот пе-

реехал Елипанушка, покушал лепешек, сам ушел опять дрова рубить. На ночь уехал домой.

На другой день опять взялся за дело. Узнала Ягибаба, что он каждый день приходит дрова рубить, да и замыслила худое дело. Приглянулся ей Елипанушка, захотела его домой унести. Пришла и толстым голосом зовет его, а он узнал, что кричит не матка, и не приехал.

Ягибаба пошла к кузнецу и попросила перековать ее толстый голос на тоненький. Вот на третий день пошел Елипанушка дрова рубить. Пришла Ягибаба, закричала тонким голосом: «Елипанушка, переезжай пироги есть». Елипанушка переехал, тут и схватила его Яга. Заставила дочку печку топить, Елипанушку жарить. А в это время матка его на бережку горюет. Ягибаба решила посмотреть на нее. Дочка натопила печку: «Выходи, Елипанушка, буду тебя жарить». Вышел Елипанушка из погреба, сел на лопату, одну ногу в потолок уставил, другую на шесток. Ягибабина дочка закричала, что он неправильно садится. А Елипанушка (умен он был) просит научить его. Села она на лопату, скокурнулась, а он ее и бросил в печку. Закрыл заслонку, а она там завертелась, зажарилась. Сам опять в подполье ушел.

Приезжает Ягибаба домой: «Ох, чует мой дух, Елипанушкой пахнет. Сейчас есть буду». Вытащила дочку свою, съела, косточки на голбец покидала: «И покатаюсь, и поваляюсь на Елипанушкиных костях». А он отвечает: «Покатайся, поваляйся на дочкиных костях». Услыхала, раздосадовалась. Топит жарко-жарко печь, хочет Елипанушку испечь. «Выходи, жарить буду». Выходит Елипанушка, силы в погребе набрался, хват Ягибабу, швырк ее в печь. Она завертелась тараканом да кричит: «Отпусти, возьми корчагу золота, что в углу стоит, да корчагу серебра, только выпусти из печки». А он: «Сжаришься, так все мое будет». Свалил все в мешок да пошел домой. Построил новый дом, женился, живет-поживает, всех богатее.

У них была, дали мне красный каftан, розовый сарафан да колпак. Пошла я от них, пичужка кричит: «Синь каftан», — а мне слышится: «Скинь каftан», — я и сняла. Другая кричит: «Красный колпак», — а мне слышится: «Под колпаком идет дурак». Третья кричит: «Розовый сарафан», — а мне слышится: «За тобой бежит баран». Скинула все и убежала.

Кузнец и Лихо одноглазое

Давно это было. И жил на свете в ту пору кузнец. Митрием он прозвывался. Всю жизнь кузнец только в кузне и был. Всяк на

свой лад мастак, так и кузнец этот. Много хорошего он делал людям. Да только из-за работы не мог он выйти никуда. И вот случилось раз ему выйти из кузни, в лес сходить нужно было. Взял он с собой шкворень да молоток и пошел. Ходил он по лесу, ходил да и заблудился. Не может никак дорогу домой отыскать. Перепугался кузнец. Вот ведь как бывает. Простучал всю жизнь молотом в кузне, на свет-от белый не выглядывал почти, вот и заблудился. Другие-то в лесу часто бывают, так откуда хочешь выберутся, хоть с чертова болота. Кузнец-то этот мужище здоровый был, а дрожит, как лист осиновый, и успокаивает себя, а все равно страшно ему. А лес-то кругом все темней да страшней становится.

И вдруг увидал кузнец впереди огонек. «Ну,— думает,— пойду, жить дак жить, а умирать дак умирать. Видно на роду у меня так уж написано». Ну ладно, пошел он. Подошел поближе и видит: избушка стоит. Больша-ая такая, ладная, окна есть, да только дверей нету. Кузнец-то и говорит: «Избушка, избушка, встань, как тебя мать поставила». Ну избушка-то взяла и повернулась. И дверь есть, и крылец есть. «Ладно,— думает кузнец,— зайду, двум смертям не бывать, а одной не миновать». Зашел. Избушка на две половины разделена. В первой половине загон, а в другой стол, лавки да печь, да прочая необходимость. Кузнец забрался на печь и сидит там ни жив, ни мертв.

Под вечер кузнец услыхал топот стада. Дверь открылась, и в избушку вошло Лихо одноглазое. Оно загнало стадо, принююхалось да и говорит: «Фу-фу, русского духа слыхом не слыхивало, а теперь он сам здесь. Кто ты, вылазь». Кузнец испугался, да ничего не поделаешь, надо слазить. Лихо одноглазое как увидело его, так и думает: «Сегодня у меня бык есть, а завтра утречком я его съем». Кузнец слез с печи и говорит: «Это я, бабушка, заблудился я». А голос-то у него тонкий-тонкий стал. «Ну,— думает он,— сожрет меня Лихо одноглазое». А Лихо ему и говорит: «Ну раз пришел, дак гостевай». Притащило быка вареного да и зовет кузнеца к столу — есть. Тот сел, а от страха ни одного куска проглотить не может. А Лихо знай уплетает себе за обе щеки. Поели, спать легли.

А кузнецу не спится. Встал он, взял кусок железа и положил его на уголья в печь, они еще горячие были. А как железо нагрелось, взял он его шкворнем, прихватил молоток и стал подкрадываться к Лиху. Подобрался поближе, наставил железо Лиху на глаз да как ударит молотком. Взревело Лихо, да поздно было. Глаза-то нет. А кузнец быстрее под кровать. Пошарило Лихо по избушке, да не нашло его. А утром выгоняет оно свое стадо и проверяет каждую животинушку, как бы не выскочил кузнец. «Ну,—

думает кузнец,— надо спасаться». Взял он овчинный туалет Лиха одноглазого, вывернул его наизнанку и надел на себя. Подошел он так к Лиху одноглазому, то не заметило ничего, чувствует только что шерсть, схватило его и выбросило на улицу. А кузнецу того и надо. От радости и дорогу домой сразу же нашел. И с тех пор в лесу ни разу больше не блуждал. Вот как бывает.

Иван-царевич и Змей

Жил-был царь в небольшом государстве. Было у него два сына-близнеца. Одного звали Федор, а другого Иван. Собрался Иван-царевич путешествовать. Отъезжая, сказал Федору-царевичу: «Поставлю, Федор, на окно стакан с водой. Если вода в стакане заколышется, значит, бьюсь я с врагами, если окровится, то погиб я в бою неравном». Затем сел на своего любимого коня, кликнул собаку верную и отправился счастья искать.

День едет, другой едет На развилке дорог увидел камень с надписью: «Влево пойдешь — жену найдешь, вправо пойдешь — богатство найдешь, прямо пойдешь — смерть свою найдешь». Недолго стоял Иван, направил коня прямехонько.

Долго ли, коротко ли, приехал к царству-государству. Въехал он в город, остановился на окраине у одной хозяйушки. Спрашивает Иван-царевич: «Почему в городе развешаны черные флаги? Что случилось?» Вдова ему отвечает: «Сегодня наш царь отдает свою старшую дочь на съедение Змею, который живет в озере». Иван-царевич попросил женщину отвести его к озеру. Она отвела и ушла. Сидит Иван, ждет, когда Змей выйдет. Царская дочь тоже сидит, слезы горькие льет. Увидела Ивана и говорит: «Зачем ты пришел? Ведь Змей съест тебя». Царевич отвечает: «Ничего. Не съест! Подавится!» В это время заколыхалось озеро, и выходит из него Змей с шестью головами. Понюхал направо, потом налево. Увидел царевича и говорит: «Ох, какой царь-батюшка добрый. Я просил только обед, а он прислал и ужин».

Пока Змей все это говорил, прокрался к озеру один придворный генерал, залез на дерево, ждет что Змей-то делать будет. А сам дрожит от страха.

«Ну, дуй, царевич!» — говорит Змей. «Нет, ты дуй, нечистая сила!» Дунул Змей, посыпалась листья и ветки с дерева, и упал придворный, стукнулся оземь, сломал руки. В то время начал Иван-царевич драться с чудовищем. Битва была недолгой. Отрубил Иван ему все шесть голов. Победил он Змеище. А сам пошел к хозяйке на квартиру спать.

Царевна же, увидев Змея, упала без чувств. Когда очнулась,

к ней подполз придворный и сказал: «Ты должна сказать, что это я тебя спас, а то убью. Ешь землю, клянись, что так скажешь, иначе почернеешь». Плачет царевна, давится землей, но ест. Тут к озеру колесница подъехала за останками царевны. Обрадовались, когда царевну видели живой и невредимой. Царевна все рассказала так, как придворный приказал. Царь устроил пир. Все радовались освобождению царевны.

Но вот проходит месяц. Снова черные флаги висят. Опять пошел Иван-царевич к озеру. Пришел, видит, средняя дочь царя сидит. Подивился он ее красоте. Спрашивает царевна: «Зачем ты пришел? Змей тебя съест». «Ничего, подавится», — отвечает Иван. А тот придворный снова на дерево влез. Сидит и ждет, что дальше будет.

Тут из озера вышел девятыглавый Змей. И все повторилось точно так, как в первый раз.

Прошел месяц, и снова все повторилось. Пошел Иван-царевич на озеро. Видит, сидит у озера царевна красоты невиданной. Это младшая дочь царя. Говорит: «Зачем ты пришел? Ведь съест и тебя Змей». «Посмотрим еще», — ответил Иван-царевич. Придворный опять прибежал, залез на дерево, ждет, что будет.

Вышла вода из берегов. Показался двенадцатиглавый Змей. Увидел Ивана-царевича и говорит: «А, это ты, Иван-царевич, ты убил моих братьев? Начинай битву, дуй». «Нет, ты дуй, нечистая сила». Дунул Змей, посыпалось листья с дерева, упал придворный. Поломал себе и руки и ноги. Тут началась битва. А царевич, когда уходил из дома, сказал хозяйке: «Оставляю я дома коня и собаку. Если конь будет сильно биться и собака выть, то отпусти их ко мне». Срубил Иван-царевич одиннадцать голов, а двенадцатую как ни срубит, она на место становится. Царевна же не упала в обморок и все видит.

А битва продолжается. Уже вбил Змей Ивана по пояс в землю, а коня и собаки все нет и нет. Хозяйка ушла к соседке и сплетничает там, забыла просьбу Ивана. Вдруг слышит она ржанье коня и лай собаки, заохала, отвязала коня и собаку. Прибежали они к озеру, видят, что Иван-царевич по шею вбит в землю. Помогли они встать Ивану-царевичу на ноги. Выпрямился он, взмахнул мечом, отрубил Змею голову. Упала она, а конь быстро вбил змеиную голову в землю. Собака выкопала яму, в которую закопали все змеиные головы. Царевна все видела и незаметно сунула в карман царевичу свой носовой платок с меточкой.

Сделав все, пошел царевич домой, лег спать. А придворный подполз к царевне и говорит: «Скажи, что я тебя спас, не то убью. Ешь землю, клянись». Поклялась царевна.

Тут за ними приехали и отвезли в город. Устроили пир большой в честь царевны. Царь предложил придворному за спасение дочерей любую награду. Тот и попросил в жены младшую царевну. Согласился царь. Царевна испугалась, заплакала. Решила все рассказать сестрам. Говорила сначала намеками. Испугались сестры, но видят, что она не чернеет. Тоже поделились сомнениями.

Решили они найти своего спасителя. Попросили у царя три дня и отправились на поиски. Только в последний день младшая дочь увидела собаку Ивана-царевича около дома. Зашли в дом. Иван спал. Вытащила младшая царевна у него из кармана свой платок и заплакала. Одна слезинка упала на щеку. Он и проснулся. Увидел царевен. Те уговорили его приехать во дворец, чтобы рассказать всю правду.

Приехал Иван-царевич во дворец и рассказал все как было. Царь рассердился, приказал заковать обманщика в цепи. И решил царь отдать Ивану-царевичу свою младшую дочь в жены и полцарства в придачу.

А у брата, Федора-царевича, вода в стакане сначала немного заколыхалась, потом утихла.

Прошло некоторое время, скучно стало Ивану-царевичу, и заборился он на охоту. Отправился вместе с гренадерами. Заехали в глубь леса. Дичи не попадалось. Едут все дальше и дальше. Вдруг из самой чащи выскочил олень. Кинулся царевич за оленем. И привел его олень на поляну, где стоял большой дом. Из дома вышел старик. Царевич спросил его про оленя. А старик говорит: «Если отрежешь кончик хвоста у коня, то скажу». Берет царевич ножницы, нагибается, а в это время старик убивает его. Изрубил на кусочки тело царевича, положил в бочку и закатил в погреб. Коня во дворе привязал.

В это время вода у Федора-царевича в стакане стала красной. Затужил Федор, сел на коня и отправился на помощь. Доехал до трех дорог, поехал прямо, где смерть можно найти. Не успел заехать в город, как его окружили, так как подумали, что это Иван-царевич вернулся. Так похожи были братья. Царевна обратовалась, кинулась к нему со слезами. Узнал Федор, что случилась с братом беда, и отправился на охоту, взял с собой тех, кто был с Иваном.

Едут, едут так же точно, ничего не попадается, нет дичи. Опять выбегает на поляну олень. Федор кинулся за ним и попал на ту же поляну. Среди поляны стоит дом, и появился опять старик. Он дает Федору ножницы, Федор все понял и вместо того, чтобы отрезать часть хвоста, направил их на старика, говорит: «Или смерть, или скажешь, где мой брат». Старик выкатил бочку. Пой-

мал птичку и говорит ей: «Если не принесешь живой воды, то я убью тебя». Сорока полетела. Немного погодя воду принесла, живую и мертвую. Сложил старик тело Ивана, брызнул один раз — все срослось, брызнул второй — Иван-царевич встал. Обрадовался, когда увидел своего брата. Убили они старика и отправились назад.

Подъезжают ко дворцу. Жена выбежала и увидела двух одинаковых мужей. Говорит ей Иван-царевич: «Если узнаешь своего мужа, он останется с тобой, если не узнаешь, мы оба уедем». Царевна смотрит внимательно. Вдруг у одного из них она увидела на шее шрам. Догадалась, что шрам от беды на охоте. Показала на него.

Тут начался пир горой. Как говорят, я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Вот и сказке конец.

Лисичка

Давно, давно это было. В тридевятом царстве, в тридевятом государстве жил был царь Алексей. Была у него дочь-красавица — Аленушка. У Аленушки была лисица Рыжуха. И любила Аленушка эту лисицу больше всех. Весь дворец не смел перечить лисице. Что захочет, то и сотворит. Однажды гуляла Аленушка с лисицей в саду. Нарвала она себе букет душистых роз. Были в этом букете разноцветные розы: и красные, и белые, и бордовые, но не было только алой розы. Забрела Аленушка в самый дальний угол сада и видит, в высокой траве молодец лежит. Полюбился он Аленушке. Хотела разбудить она его, да он точно окаменел. Сколько ни будила его Аленушка, сколько ни тряслася, не раскрыл он своих очей. Заплакала Аленушка, зарыдала. Лисичка сидит и утешает ее: «Не плачь, Аленушка. Освобожу я его от вечного сна». Не слушая ее, Аленушка побежала во дворец. Рассказала она все отцу-батюшке. Тот как услышал, разгневался и велел Аленушку подальше от сада в замок хрустальный спрятать и забор вокруг замка на двенадцать аршин высоты из золота сделать.

А лисица тем временем побежала к знахарке-колдунье. Дала она ей горсть червонцев и велела рассказать все, что знает о молодце. Колдовала знахарка долго, наконец, рассказала, что молодца того зовут Иванушка. Да сын-то он царя из соседнего царства. И усыпила его навечно эмя Блистуха. Да живет-то она на горе на крутой, где сливаются две реченьки. По правую сторону лес стоит, а по левую стелиются. Не пускает никого к себе Блистуха, а живет она в замке золотом. Там заря встает утром ранним, а вечерней порой солице прячется. Исцелить его можно

только розой алой. А она одна во всем мире растет на горе на высокой, на каменной. Если один лепесток такой розы положить молодцу на лоб, он и оживет. А если бросишь лепесток на Блестуху, она тотчас же померт.

Дала лисица колдунье еще горсть серебра и побежала во дворец. Там она узнала, что принцесса в замке. Пробралась лисица туда и рассказала все Алешке. Заплакала Алена. А лисичка утешила ее: «Не плачь, Алешка, не плачь, красавица. Оживлю я молодца, найду розу алую». Собралась лисичка в путь и вскоре отправилась. Шла она долго. Много горных тропинок истоптала, много речек переплыла, но цветка нигде не могла найти. Легла она у пенька отдохнуть и увидела человечка с пальчик. Рассказала она ему свое горе. Дал он ей клубочек и говорит: «Куда покатится он, туда иди». Поблагодарила его лисичка и пошла. Прикатился клубочек к горе. Видит лисичка, на вершине горы растет роза, сорвала она ее и пошла обратно.

С тех пор как лисица ушла из дворца, прошло 7 лет. Царевна потеряла надежду. Но утром она услышала скрип половиц и уви-дела лисицу с цветком. Обрадовалась Алешка. Выпросилась у батюшки погулять и побежала в сад. Положила молодцу цветок на лоб, и он ожил. Увидел перед собой Алешку, глаз оторвать не смог. Прошептал: «Чья ты, красавица?» «Я принцесса Алешка», — ответила она. Полюбили они друг друга. Увез царевич ее в свое царство, и живут они счастливо по сей день. А лисичку Алешку еще больше полюбила.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Наговоренная водица

В одной деревне жил мужик с бабой. Робят у них всю жизнь не было. Мужик с утра до вечера каждой день работал. А баба занималась по хозяйству. Когда они были молодые, то жили в согласии. Когда постарели, то баба стала сильно ворчливая. Придет старик с работы, че-нибудь ей скажет, она ему пять слов. И не поймешь, кто у них виноват. До того разругаются, что дело до драки дойдет, старик ее излупит, за волосы натаскает. Старухе невмоготу.

Однажды пожаловалась она своей соседке Меланье: «Меланьушка, матушка, че-то у меня старик-от с ума сошел. Каждой день меня колотит, а колды и за волосы натаскает». В ту пору в этой деревне, за речкой, на горе, жил одинокий мужик-чеботарь. Звали его Егором. Он всегда сидел дома и чеботарил. Кому

сошьет обушки, кому бродни, кому и хороши сапоги. Шибко уж хороший был чеботарь-от, все ему носили.

Вот Меланья-то и посоветовала своей соседке: «Сходи-ко ты, кума, к Егору-то, чеботарю, он ведь шибко хорошо знает. Наговорит на воду, и как рукой снимет». И вот однажды старуха взяла яичек, маслица, сала завернула в узелочек. Когда ушел на работу ее старик, и пошла к чеботарю Егору. В это время Егорушка-то сидел у окна и шил. А окно-то было открыто. Подходит Окулина к окошечку: «Здравствуй, Егорушко-батюшко». «Здравствуй-здравствуй, тетка Окулина. С чем пожаловала?» «Да пришла к тебе вправу ногу падать. У меня ведь Лукьян-то совсем с ума сошел, бьет меня каждой вечер. Смутилась я с ним». «Ну-ко, тетка Окулина, зайди в избу».

А Егор-от знал, что она ворчлива, как трещотка. Ну, зашла эта тетка Окулина в избу. Посадил он ее и говорит: «Э, пустяшное это дело. Не будет он драться. Сядь, посиди на лавке». А сам пошел на середь, взял водички, налил в бутылочку, пустил туда древесный уголек, посолил сольцой и заткнул пробкой. Вышел с середи и подает энто Окулине. И наказывает: «Вот, тетка Окулина, придешь домой, спрятай ее в надежное место, чтоб никто не видел. Как придет твой Лукьян, че-нибудь заворщит, ты поди да возьми один глотощик и в роту держи. А остальное опять спрятай. Твой Лукьян поворщит-поворщит и перестанет. На его водищка подействует». За труды его Окулина отблагодарила, отдала ею принесенное и пошла домой.

Пришла домой и положила наговорное у себя на середе, в темное место. И ждет своего Лукьяна. Пришел Лукьян домой, разувается, старуха молчит, думает про себя, сегодня ругаться не будешь, у меня есть наговорная водичка. Разделяя, что-то начал ворчать. Старуха, долго не думая, идет на середь и берет глоточик водички. И что старик ни попросит, подает ему молча. Старик наелся, покурил, лег спать. Ну и, значит, это, Окулина-то сразу смекнула: «Лег спать, даже не подрался». Знать, водичка-то действует». На второй день так и на третий. Увидела она соседку Меланию и говорит: «Вот тебе спасибо-то большое, научила меня. Ведь драться старик-от не стал. Спасибо Егорушке, ведь наговоренная водица-то действует».

Мужик и барин

У одного богатого барина была злая собака. Она хорошо стояжила. И барин спал спокойно только тогда, когда она лаяла, а она могла лаять всю ночь. Однажды утром подошел к окну нищий и попросил корочку хлеба. Собака залаяла на него и броси-

лась. Нищий пнул ее ногой, она и сдохла. Барин подал в суд на нищего. Судья у него спрашивает: «А чего ты хочешь от него?» Барин отвечает: «Хочу, чтобы всю ночь лаял, как моя верная собачка». А нищий договорился с ворами, рассказал им, что где находится. И вот мужик лает, барин спит, а воры грабят. Барин проснулся, а добра нет. Он снова в суд: «Хочу, чтобы он не лаял, а чтобы посадили его в тюрьму». Дело было зимой. Барин сам повез его в санях в город, в тюрьму. Едут, едут, а мужик и говорит: «Смотри, барин, вон за елкой медведь стоит». Испугался барин: «Что делать?» — «А ты полай, да погромче». Вот барин и лает, а мужик посмеивается. Стали подъезжать они к тюрьме, а нищий и говорит ему: «Ты тоже лаял, я скажу об этом, и ты будешь вместе со мной сидеть в тюрьме». Взмолился барин: «Не говори, мужик. Я тебя в тюрьму не повезу». И отпустил мужика.

Чиж и мужик

Пошел мужик счастье искать. Зашел он в одну деревню воды напиться. День был жаркий. Зашел он в дом на окраине. А в доме висела клетка, где сидел чиж. «Выпусти меня, мужик, я тебе службу сослужу», — говорит чиж. «Ладно», — согласился мужик. Выпустил он чига. Вот пошли они вместе странствовать. «Чего ты хочешь, мужик?» — спрашивает его чиж. «Есть хочу!» — «Ладно», — отвечает чиж, — накормлю я тебя». Вот приходят они в деревню и смотрят, где из трубы дым идет, там, значит, блины пекут. «Ты, мужик, иди в избу и жди, когда хозяйка выйдет, а я уж постараюсь ее выманить. Вот тогда и ешь блины», — говорит чиж мужику. Ну, мужик зашел в избу, попросил напиться. Хозяйка ему дала воды. А чиж тем временем влетел в окно и стал около хозяйки порхать. Хозяйка начала за ним бегать. Чиж — к печке, хозяйка — к печке, чиж — к столу, и она — к столу, чиж — в дверь, и хозяйка — в дверь. Вот летает чиж по двору, а хозяйка за ним бегает. А мужик тем временем съел все блины и убежал. Как увидел чиж мужика, так и тоже улетел. А хозяйка осталась ни с чем.

Нагнал чиж мужику. «Ну, доволен, мужик?» — спрашивает он. «Доволен. Только вот пить хочу!» — отвечает мужик. «Постой, друг, я тебя пивом напою», — пообещал чиж. Вот видят они: едет мужик на лошади и везет бочку пива. Чиж подлетел и сел на бочку. Мужик увидел чига и хлесь по нему кнутом. Чиж слетел, недостал его кнут. Вот мужик опять хлесь его кнутом. Чиж опять слетел и опять сел. «Постой, — думает мужик, — я тебя топором зарублю». Взял он топор, да как ахнет по бочке. Чиж слетел, а бочка разва-

лилась. Друг чиж бросился пить пиво, а мужик плонул сердито и поехал домой за новой бочкой.

Напился мужик. «Ну, доволен?» — спрашивает его чиж. «Доволен. Накормил ты меня, попоил, а теперь смехом насмеши», — говорит мужик. Чиж согласился.

Вот пришли они на гумно, а там старик и два его сына зерно молотили. Чиж сел старику на лысину и сидит. Вот старший сын и говорит младшему: «Смотри-ка, ведь на лысине-то батюшкиной чиж сидит. Убей его, а?» Вот и стукнул младший сын старика по лысине, тот и упал замертво, а чиж слетел. Подлетел чиж к мужику, а тот смеется-заливается.

«Накормил ты меня, напоил и смехом рассмешил, чиж. Спасибо тебе. Теперь мы с тобой в расчете», — говорит чижу мужик.

И разошлись они в разные стороны.

Бык-исправник

Жил-был мужик богатый. И вот ведет мимо его дома один мужик бедный быка продавать. А богатый его спрашивает: «Куда, мужик, быка ведешь?» А бедный ему отвечает: «Веду быка в волость учить на исправника». Богатый и говорит бедному: «Возьми, пожалуйста, и моего, что надо — дам, только возьми». «Давай сто рублей, возьму». Отдал богатый сто рублей, привязал своего быка к телеге бедного мужика. Уехал бедный мужик, продал на базаре своего и чужого быка. Едет обратно через ту деревню, а богатый ждет не дождется его. Спрашивает: «Ну как, приняли моего быка учиться на исправника?» Бедный отвечает: «Приняли, велели в Петров день ехать видаться».

Вот прошел год. Богатый наготовил всякой всячины и поехал в волость. Приезжает и спрашивает, где заседает исправник. Ему показали. Пошел он в управу, заходит к исправнику и говорит: «Здравствуй, бык!» Исправник как закричит на него! Велел посадить в холодную на три дня. Отсидел богач в холодной, вернулся домой. Встречает как-то раз бедного, рассказал ему про исправника. Бедный ему и говорит: «Ты плохие подарки принес ему да назвал быком, вот он и рассердился на тебя». «Нет, — говорит богатый. — Видно, тогда я ему нужен был, когда сеном кормил да болтушкой поил, а сейчас не нужен стал».

Солдат и пельмени

Шел солдат со службы домой. Дорогой выпросился ночевать. Вечером хозяева стали пельмени стряпать. Старик-хозяин сидит на лавке. Солдат сел рядом и завел разговор:

— Видно, поедим, дедушка?
— Поедим, да не все! — отвечает старик.
— А ты разве не хочешь? — спрашивает солдат.

Ладно — хорошо. Сели хозяева ужинать, посадили за стол и солдата. Они разрезают пельмени вилкой надвое, мочат в уксусе, прикусывают хлебом. А солдат вилкой пельмень ткнет — и в рот. Не вытерпел старик:

— Ты, солдат, двойной!
Солдат будто не понял, давай по два пельмения поддевать на вилку. Тогда старик сказал:
— Ешь по-старому!

Две загадки

Остановился солдат ночевать. Утром хозяйка пошла по воду. У нее в печи был жареный петух. Она и загадала солдату:

— В Печи Печинской, на Сковороде Сковородынской живет Кок Коковакович. Что это, а?

Солдат ломает голову, будто не может догадаться. Переложил петуха в суму и говорит снохе:

— Как старуха придет, ты ей загадай мою загадку: в Суме Суминской, за Плечом Плечинским живет Кок Коковакович.

Воротилась баба, заглянула в печь:

— Проклятущий солдат! Угробил петуха-то!

Сила солдатская

К одной старушке на квартиру постучался солдат и попросился переночевать. Пустила его старуха. Накормила и спрашивает: «Почему вы, солдаты, такие сильные?» — «А вот в чем наша сила,— говорит солдат, показывая ей патронташ.— Спрячь его по дальше!» — «Хорошо»,— ответила старуха, а у самой от зависти кошки на душе скребутся. Захотелось ей сильной стать. Спрятала патронташ за икону. «Куда ты, бабуся, силу мою спрятала?» — спросил солдат. «Туда, где у меня заветный пятак лежит». — «Куда?» — «За икоину». Ушла старуха в сени, а солдат выкрал у нее пятак. Пришла бабка. Он и говорит: «Зря ты, бабушка, силу мою с пятаком положила. Выкрала она его». Поглядела старуха, а пятака и правда нет. Рассердилась она. Когда солдат уснул, выкинула патронташ в печку. Ну и развернула все кирпичи сила солдатская.

Как мужик с бабой гостился

Жили дед и баба. Вот баба и говорит: «Знаешь, дед, нас никто в гости не зовет, давай гоститься». — «Ну, давай». Дед пошел, взял бутылку вина. «Ну, кто из нас будет раньше гостем?» — «Ладно, ты у меня будь», — говорит баба. Легли спать, отдохнули. Назавтра дед — гость. «Ну, гостьюшка, вставай, будем гоститься». Дала ему папиросоньку закурить. Состряпала, сели завтракать. Попили, поели. На другой день стала гостью баба. Лежит она, не встает. Дед пошел спрашивать у скота. Справился. Надо гостью есть готовить. Квашонку завел, мяса принес. Посмотрел — воды нет. Взял ведра, пошел по воду. А свинья тем временем подошла, дверь открыла — и к квашонке, а собака мясо съела. Баба кричит с постели: «Я б вам дала за все, кабы ни гостью была». Приходит дед, воды принес, стал браниться на старуху, за волосы стащил да хорошенько оттузил. Вот как гостью быть да гоститься с дедом.

Ворожейка

Недалеко от столичного города находилось большое село. Народ здесь был трудолюбивый, а поэтому большинство людей жило зажиточно.

В этом селе жил старик со своей старухой. Детей у них не было. Жили они бедно. Вот однажды говорит старуха: «Знаешь что, старик. Хочу я пожить за счет богатых мужиков». Старик отвечает: «Как это ты догадалась, кто для тебя что припас, каждый живет для себя, никто денег тебе не дает». Старуха в ответ: «Дай мне двадцать копеек, я куплю карты». Старик подумал, полез в карман и говорит: «Отвязаться от дуры». И дал ей двадцать копеек.

Купила старуха карты и сидит разбирается, который король, которая дама, который туз, которая карта черви, вини, буби, кресты, а все остальные обозначены четными, нечетными числами.

Разбралась, вышла в ограду, видит, что соседка тащит лопатину в баню. Унесла, хлопнула дверью и пошла домой. Дело было под вечер.

Ночью старуха пошла в баню к соседке. Видит, лежит лопатина, да вся хорошая, любо посмотреть. Забрала старуха все и перепрятала в крапиву к другому соседу, ушла домой и легла спать как ни в чем не бывало.

Встало утром. Вышла соседка на улицу, охает: унесли у нее из бани лопатину, такую хорошую. Старуха ей навстречу:

— Федосья, кинем на карты.

— И впрямь надо поворожить,— отвечает Федосья. Пошли к старухе в избу. Старуха стасовала карты и разбрасывает их по столу, одну к другой подкладывает и говорит: «Шеститка — это тропа, по которой шел вор, а вот, видишь, десятка, это он перелез через городьбу в другой огород, остановился и тут спрятал, кто-то ему помешал. Пойдем, поищем, а то вечернеет, он утащит все».

Пообещала соседка дать старухе мешок муки, если лопатина найдется. Пошли. В крапиве лопатина лежит целая. Забрала соседка лопатину, отдала старухе мешок муки и десять рублей.

Пришел старик, видит, стоит мука, спрашивает: «Чья мука?» Старуха говорит: «Моя». — «Где ты взяла?» А она вынула десять рублей из кармана и говорит: «Вот денежки, не то что твои двадцать копеек. Теперь заживем».

Слава о старухе разнеслась широко. На краю села жил купец. Он имел не один десяток лошадей. Вот старуха придумала одного вороного жеребца увести со двора купца, спрятать в лесу.

Ночью пошла. Охрана спит, а жеребец ходит, щиплет траву. Отвязала веревку и утянула жеребца в сосновый бор. Привязала его к лесине, а сама домой пошла.

Утром у купца переполох: жеребца увели. Послал купец к гадалке, старухе этого и надо. Бросила она карты, рассказала, как уводили коня и где привязали. Все совпало. Наградил купец старуху: дал воз муки и сто рублей.

Просыпал про это пристав и решил проверить, правду ли старуха говорит. Привели старуху. Пристав лег на пол, катается по полу, стонет да орет нехорошим голосом. Старухе приказывают, чтобы вылечила больного, не то арестуют ее. Но старуха ничего не понимает в болезнях и лекарствах. И думает: «Попалась». Потом махнула рукой и говорит в сердцах: «Нечего его лечить, он через час умрет». А пристав это услышал, его паралич хватил. Посмотрели, а он и жив не бывал. А старуха и сейчас жива!

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Почему петух нарядный

Жили-были старик со старухой, сын и сноха. Старуха говорит снохе: «Екатерина, сходи в погреб за молоком». Сноха дошла кувшин молока. А когда шла по двору, споткнулась, упала и разбила кувшин. «Петух все видел и обо всем расскажет», — подумала сноха. И стала она его просить никому ничего не сказы-

вать: «Я тебя каждый день кормить буду, только молчи». Все это услыхала свекровь. Когда Катерина ушла, она подошла к петуху и говорит: «Петушок, не говори никому, что Екатерина кувшин разбила, молоко пролила, я тебя за это наряжу». И на это петух согласился.

Так все и вышло. Все петушки наградили за его молчание и всегда вовремя кормят и досыта поят и красками украшают.

Медведь

Дворец-дворец, соломенный крылец, где живет старик да бабушка, паренек да девушка, коровка с теленочком, лошадка с жеребеночком, свинья с поросеночком.

Сидели старик со старухой в своей избушке. Вдруг видит старик: идет медведь, испугались старики. Старик и говорит: «Давай дадим ему, старая, что-нибудь, чтобы ушел». Старуха и отвечает: «Отдай ему утеночка». Отдали. Ушел медведь.

Идет он на второй день (прожорливый ведь медведь-то). Старуха плачет и говорит: «Что ж делать? Отдай ему, старик, уточку». Отдали медведю и уточку.

А медведь-то приходит и на третий день. Отдали ему на этот раз поросеночка. Опять идет медведь (не успокоится, ишь). Делать нечего. Получил он свинью.

Наступает пятый день. Снова приходит медведь. Снова плачут старики да бабушка. Отдали ему жеребеночка. Еще мало медведю. Все забрать хочет. Приходит он на шестой день. Взял лошадку.

Приходит и на седьмой день. Ишь какой! Старуха и говорит старику: «Ну что ж, отдай ему теперь теленка». Ну, отдали и теленка. Снова приходит медведь к старику да бабушке. Понравилось. В этот день ему дали коровушку.

Опять (вот напасты!) приходит медведь. Старики — нечего делать, приказал отдать медведю девушку. Плачут старики да бабушка, а на следующий день пришлось отдать паренька.

Испугалась старуха, что и до нее очередь дойдет, и говорит старику, упрашивает: «Не отдавай меня медведю». «Хорошо, старая, лезь под старое корыто, а я в трубу полезу, а подполье-то откроем. Медведь зайдет да и провалится в подполье, и мы его тут убьем». Так и сделали.

Баба спряталась под корыто, старики влез в трубу, а подполье у двери открыли. Пришел медведь в избу да и провалился в подполье.

Тут старики скорехонько соскочил с трубы и закрыл медведя, Побежал соседей звать. Набежали в дом соседи, налетели на

медведя. Кто с топором, кто с коромыслом, кто с вилами. Убили медведя. А старик вспорол ему брюхо, а оттуда живехоньки вышли паренек да девушка, коровка с теленочком, лошадка с жеребеночком, свинья с поросеночком, уточка с утеночком. Обрадовались старик да бабушка. Плачут, причитают от радости. Стали жить поживать и добра наживать.

Приимечания. Предложенные читателю сказки записаны в Свердловской области.

«Василек и Ромашек» (запись 1969 г. Н. П. Шидлеко), «Елипашушка» (запись 1968 г. Л. А. Коршуновой), «Кузнец и Лихо одноглазое» (запись 1971 г. Г. С. Заколюкной), «Иван-царевич и Эмей» (запись 1969 г. Н. П. Шидлеко), «Лисичка» (запись 1968 г. С. В. Есина), «Наговоренная водица» (запись 1972 г. А. А. Поляковой), «Мужик и барин» (запись 1971 г. И. Г. Чирковой), «Чиж и мужик» (запись 1969 г. Т. А. Багрецовой), «Бык-исправник» (запись 1970 г. Т. И. Лушиной), «Солдат и пельмени», «Две загадки» (запись 1971 г. Т. М. Черемных), «Сила солдатская» (запись 1968 г. С. В. Есина), «Как мужик с бабой гостился» (запись 1968 г. Л. К. Лепихиной), «Ворожейка» (запись 1972 г. Т. А. Шашкиной), «Почему петух нарядный» (запись 1971 г. Н. Э. Гулько), «Медведь» (запись 1971 г. Э. И. Шефер).

Обработка и публикация Л. Н. Гридневой.

Раздел V

ПОСЛУЖИТЬ КУЛЬТУРЕ И ОТЕЧЕСТВУ

ПРИГЛАШАЕМ К УЧАСТИЮ В РАБОТЕ ОМСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

Правление Омского областного отделения Российского международного фонда культуры обращается ко всем гражданам, коллективам предприятий, учреждений и организаций Омска и Омской области с призывом принять непосредственное участие в культурном строительстве в наших городах и селах.

Российский фонд культуры, созданный в 1986 году, является глубоко демократической организацией. Его основной девиз в деле развития культуры: «Сохранить — осваивать — приумножать!».

Омское областное отделение Фонда культуры в нелегкое для культуротворчества время приглашает всех омичей принять участие в благотворительной деятельности, оказать поддержку культуре и этим уменьшить опасную нестабильность нашего сегодняшнего бытия.

Каждый приходит к такой деятельности разными путями. Самый простой — принять прямое участие в акциях Омского фонда культуры: в создании при фонде малых предприятий, в открытии мастерских народного ремесла, в создании школ народного творчества, в сборе материалов для книжных и газетных изданий фонда, в прямом участии в благотворительных концертах, спектаклях, аукционах, конкурсах, в поисках молодых талантов, в создании новых музеев, картинных галерей, сооружении памятников, в борьбе за чистоту национальных языков, в развитии фольклора и самодеятельности, художественного творчества, в работе историко-культурных и этнографических экспедиций.

Другой путь — пожертвования культуре. Омское отделение Фонда культуры принимает дарения произведений профессионального искусства (изобразительного, фотомастерства, декоративно-прикладного), художественных изделий народных умельцев, за-

писей на магнитофонных лентах и пластинках произведений музыкального и сценического искусства, книг по истории культуры, по искусству и науке, этнографических, культовых и других коллекций и отдельных предметов, записей фольклора разных народов. Многие произведения искусства, книги и другие дарения Омский фонд культуры уже передал детским домам, школам, университету, православной церкви, музею изобразительных искусств. Мы считаем, что очень важно сегодня объять детей и нашу молодежь эстетическим воспитанием, создать для них эстетическую среду. Надеемся, что у большинства жителей селений, поселков и городов Омской области найдется, что подарить Фонду культуры и этим самым внести свой личный вклад в повышение духовного и нравственного уровня нашей жизни, в спасение и возрождение культурных ценностей.

Третий путь благотворительной деятельности — помочь культуре денежными средствами. Каждый житель может персонально перечислить через Сбербанк или переслать почтовым переводом любую сумму на конкретную акцию Фонда культуры или просто на его культуротворческую работу. Обращаемся ко всем предприятиям, учреждениям, организациям с просьбой перечислить определенные суммы денег на счет Фонда.

Сообщаем жителям Омской области как о постоянных, так и о ближайших первоочередных акциях Омского отделения Фонда культуры, на которые мы проводим сбор денежных средств:

оказание материальной помощи национальным клубам, профессиональным и народным творческим коллективам, отдельным мастерам и народным умельцам;

расходы на программу «Молодые таланты» — на установление стипендий талантливым актерам, композиторам, музыкантам, писателям, журналистам, художникам, фотографам, музеинм работникам, архитекторам, молодым ученым и др. (любое предприятие, учреждение, любая организация или отдельный человек могут учредить свои персональные стипендии), на финансирование их творческих командировок, устройство выставок;

оказание денежной помощи музеям, картинным галереям, библиотекам, клубам, театрам;

расходы на программу эстетического воспитания молодежи «Классика», на областные конкурсы по краеведению, на лучшее освещение в литературе, прессе, по радио и телевидению проблем культуры Омской области и др.;

вклад в реставрацию памятников истории и культуры, прежде всего памятников деревянной архитектуры, культовых мусульман-

ских и христианских сооружений в Омске, Таре и других городах и селениях области;

организация и финансирование научно-исследовательской и краеведческой работы по изучению культуры национальных групп Омской области, в том числе историко-культурных и этнографических экспедиций, научно-краеведческих исследований по теме «История населенных пунктов Омской области»;

финансирование издательской деятельности — выпуск совместно с Омским университетом, областным комитетом по культуре и искусству книг многотомной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», серий «От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири)» и «Российские сказки», календарей, книг, посвященных памяти захороненных на омских кладбищах деятелей культуры, искусства и науки, краеведческих сборников;

расходы на сооружение в Омске памятников и мемориальных досок писателю Ф. Достоевскому, поэтам Л. Мартынову и П. Васильеву, ученым и путешественникам мирового уровня Ч. Валиханову, Г. Потанину, М. Певцову;

финансирование программ и деятельности советов Омского фонда культуры «Память» (председатель Ф. К. Надь), «Культурное наследие и современность» (председатель М. М. Хахаев), «Национальные культуры» (председатель доцент Т. Н. Паренчук), «Литературные программы» (председатель доцент С. Н. Поварцов), областного совета краеведения (председатель профессор В. И. Матющенко), объединения омских коллекционеров (председатель доцент Е. М. Смирнов), советов концертно-театральной деятельности (председатель заслуженная артистка России В. А. Шерстнева), пропаганды и культуры (председатель В. И. Бусоргин), изобразительного искусства (председатель заслуженный художник России А. А. Чермошенцев), комиссии по приему дарений, программы «Культура и село» и др.;

расходы на проведение выставок, фестивалей, конференций.

Есть еще и четвертый путь участия в делах Фонда культуры — ваши предложения по новым культурным акциям в деле возрождения, сохранения и развития культуры, острые сигналы о неблагополучии в сфере культуры и нравственности. С целью формирования на территории области сети общественного актива Омского областного отделения Фонда культуры мы призываем в каждом районе, в населенных пунктах, на предприятиях, в учебных заведениях, учреждениях и организациях создавать советы и группы содействия Фонду культуры и сведения о создании таких органи-

заций направлять в президиум правления областного Фонда культуры.

Вас, ваших предложений, переводов и перечислений мы ждем в Омском фонде культуры. Наш адрес: 644099, г. Омск, ул. Гагарина, 22. Телефон: 25-44-75; наш расчетный счет № 000702302 в Омской дирекции Мосбизнесбанка (МФО 227902).

Н. А. ТОМИЛОВ, председатель правления Омского фонда культуры, профессор, доктор исторических наук.

НАШИ АВТОРЫ

Аношин Василий Семенович — краевед, пенсионер, бывший директор Большереческого историко-этнографического музея, житель поселка Большеречье Омской области. Автор работ по истории и этнографии народов Омского Прииртышья.

Арутюнов Сергей Александрович — член-корреспондент Российской Академии наук, заведующий сектором народов Кавказа Института этнологии и антропологии РАН (Москва), председатель правления Российской этнографической и антропологической ассоциации. Специалист в области теории этнологии и этнографии народов Азии.

Богомолов Владимир Борисович — доцент Омского технологического института. Специалист в области этнографии народов России.

Васильев Владимир Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва). Специалист в области теории и методики этнологии и этнографии народов Севера.

Гридинева Любовь Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Омского государственного университета. Специалист в области литературоведения и фольклористики восточных славян.

Коваленко Ирина Наумовна — пенсионерка, бывшая учительница, житель районного центра Калманки Алтайского края.

Кулемшова Надежда Васильевна — ассистент Омского государственного университета. Специалист по этнографии народов Западной Сибири.

Липинская Виктория Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва). Специалист по этнографии восточных славян.

Смиркин Николай Антонович — краевед, пенсионер, бывший директор Тихвинской средней школы, заслуженный учитель РСФСР, житель с. Тихвники Павлоградского района Омской области.

Томидов Николай Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской Академии наук и Сибирского филиала Российского института культурологии, заведующий кафедрой этнографии и современной отечественной истории Омского университета. Специалист в области теории и методики этнографии, этнографии и антропологии народов России, музееоведения.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Раздел I

УЧЕНЫЕ — О НАРОДАХ СИБИРИ

В. И. Васильев. Синяя уходит под землю (предания)	5
Н. А. Томилов. Сибирские татары — кто они?	23
Н. В. Кулешова. О чём рассказывают генеалогии барабинских татар	36
В. Б. Богомолов. Узоры сибирских татар Омского Прииртышья	46
Н. А. Томилов. Казахи Западной Сибири в XVI—XX вв.	66
В. А. Липинская. Народные лечебные средства сибиряков	76

Раздел II

РАССКАЗЫВАЮТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

Н. А. Свиркин. Тихвинская старина (о жизни казахов, русских и украинцев на Русской земле)	100
И. Н. Коваленко. О быте и культуре чалдонов	115
В. С. Алошин. Больщеречье: из истории и быта русских Среднего Прииртышья	121

Раздел III

СТИХИ О СИБИРИ

С. А. Арутюнов. Сибирь (венок сонетов)	140
--	-----

Раздел IV

СКАЗКИ НАРОДОВ СИБИРИ И УРАЛА

Сказки татар Западной Сибири	144
Иртыш и Сулейман	144
Мост к счастью	146
Ахмет и хан	149
Камыр-батыр	151

Яль-Мамыш	153
Карамым-батыр	155
Сказка о богатыре и прекрасной девушке	157
Сказка о злой матехе и падчерице	160
Сказки русских Урала	164
Волшебные сказки	
Василек и Ромашек	164
Елинпанушка	165
Кузнец и Лихо одноглазое	166
Иван-царевич и Змей	168
Лисичка	171
Бытовые сказки	
Наговоренная водица	172
Мужик и барин	173
Чиж и мужик	174
Бык-исправник	175
Солдат и пельмени	175
Две загадки	176
Сила солдатская	176
Как мужик с бабой гостился	177
Ворожейка	177
Сказки о животных	
Почему петух нарядный	178
Медведь	179

Раздел V

ПОСЛУЖИТЬ КУЛЬТУРЕ И ОТЕЧЕСТВУ

Н. А. Томилов. Приглашаем к участию в работе Омского фонда культуры	181
Наши авторы	185